Невеста жатвы из Уичмира

Готический роман ужасов

Исакат Мяу

18+

isacat meow

Невеста жатвы из Уичмира

«Автор»
2026

meow i.

Невеста жатвы из Уичмира / i. meow — «Автор», 2026

Раз в тринадцать лет в Уичмире отмечают праздник урожая. Деревенские жители готовят угощения, украшают дома и выбирают невесту жатвы.На этот раз выбор падает на Изольду Марлоу.За праздничными улыбками скрывается страшная тайна, а в старом поместье обитает существо, которого боится вся деревня. Его зовут Корвен.Изольда должна была бояться его. Но чем больше времени она проводит рядом с ним, тем труднее ей понять, от кого на самом деле следует бежать.Когда прошлое Корвена открывается перед ней, Изольде приходится столкнуться с правдой о том, кого она полюбила.

© meow i., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Добро пожаловать в Уичмир 5
Глава 2. Тринадцать ударов колокола 21
Глава 3. Ночное бдение с фонарями 26
Глава 4. Пропавший гость 33
Глава 5. Те, кто покинул деревню 40
Глава 6. Человек в подвале 48
Глава 7. Свадебное платье, сшитое для тебя 52
Глава 8. Когда ночью зовут тебя по имени 56
Глава 9. Невеста леса 60
Глава 10. Существо в поместье 65
Глава 11. Невеста за закрытой дверью 72
Глава 12. Комната невесты 76
Глава 13. Хочешь уйти — уходи 79
Глава 14. Дорога через лес 82
Глава 15. Люди по ту сторону ворот 85
Глава 16. Старуха у каменного сарая 90
Глава 17. Дом, до которого ей не добраться 93
Конец ознакомительного фрагмента. 96

isacat meow
Невеста жатвы из Уичмира

Глава 1. Добро пожаловать в Уичмир

Тело лежало на сырой земле. Половина лица была скрыта под прелой листвой. Правая нога мужчины была вывернута под жутким углом. Пальто превратилось в лохмотья, грудь была залита кровью, а в левой руке он всё ещё сжимал обломок короткого ножа. На коре ближайших деревьев виднелись глубокие рваные следы когтей. Земля вокруг была взрыта; длинный след в грязи обрывался у его ног.

Над телом сгорбилось существо, пожирая мертвеца. Спина выгибалась острым горбом; серовато-белая кожа туго обтягивала выступающие позвонки. По обе стороны трупа в землю упирались две тощие руки с пальцами едва ли не вдвое длиннее человеческих. Почти всё лицо скрывали чёрные волосы. Плечи вздрагивали при каждом рывке, когда оно отрывало очередной кусок плоти. Время от времени между зубами хрустела кость. В такие моменты оно замирало, чуть меняло позу и вновь припадало к телу.

Ночной ветер зашуршал опавшей листвой. Существо насторожилось, услышав какой-то звук. Оно перестало жевать и подняло голову. Волосы разошлись, открыв серые глаза, глубоко запавшие в глазницы. В уголках рта темнела кровь. Горло дёрнулось, когда оно сглотнуло. Где-то вдали хрустнула ветка, затем раздался встревоженный мужской оклик. Кто-то, должно быть, искал пропавшего. Существо прислушалось, склонив голову набок, и с трудом выдавило несколько глухих слов:

— …Ещё кто-то?

Голос прозвучал сипло, будто существо много лет не произносило ни слова. Существо распрямилось; длинные худые руки оторвались от земли. Колени сгибались под углами, невозможными для человека. Во весь рост оно оказалось поразительно высоким, но голова по-прежнему клонилась вперёд, будто шея уже не могла её удерживать.

Приближавшиеся шаги оборвались. Из-за деревьев вышел мужчина с фонарём. Увидев изуродованное тело и существо, которое смотрело прямо на него, он замер. Фонарь качнулся в его руке. Он раскрыл рот, но не сумел произнести ни слова. Развернулся и бросился бежать. Существо проводило его взглядом; длинные конечности напряглись, но оно не бросилось следом. Вместо этого повернуло голову к лесной чаще. В окнах далёкого поместья ещё горел свет. Постояв ещё немного, оно направилось к поместью. Окровавленная рука свисала вдоль тела.

* * *

Изольда Марлоу распахнула глаза и судорожно втянула воздух. Грудь тяжело вздымалась, мокрые от холодного пота волосы прилипли ко лбу. Несколько мгновений она смотрела на незнакомые балки над головой, прежде чем поняла, что лежит на большой кровати. Тяжёлый полог держался на резных столбиках из тёмного дерева, а в камине у стены ещё тлели угли. Комната казалась чрезмерно просторной, хотя вся мебель выглядела старой. Пахло сырыми досками и свечным воском.

Она с трудом села. Белая ночная сорочка измялась; у колен засохла грязь. Изольда попыталась вспомнить вчерашний вечер, но ничего не приходило на ум. В голове стучало, будто по ней ударили молотком; запястья и лодыжки ныли. Когда она задела правой ступнёй каркас кровати, боль пронзила её так резко, что она судорожно вдохнула.

— Что?.. Где я? — Потирая лоб, она осторожно встала. Холодные половицы заставили её поджать пальцы ног. Своей одежды она нигде не увидела. Шторы были плотно задёрнуты.

Изольда подошла к окну и сумела оттянуть краешек ткани. Снаружи стояла непроглядная темнота. За плотной стеной деревьев ничего нельзя было разглядеть.

— Агнес? — неуверенно позвала она. Потом громче: — Агнес! Ты здесь? Меня кто-нибудь слышит?

Никто не ответил. Помедлив, Изольда приоткрыла дверь спальни и выглянула. Впереди тянулся длинный коридор с тёмно-красным ковром и портретами вдоль стен. Люди на картинах носили давно вышедшую из моды одежду. Одни стояли в саду поместья, другие чопорно сидели в резных креслах, и их суровые лица ей решительно не нравились. В дальнем конце коридора находилась лестница; вдоль перил мерцали свечи.

Она держалась за дверной косяк, чувствуя, как нарастает тревога. Едва Изольда решила спуститься и поискать кого-нибудь, внизу раздался тяжёлый грохот — будто опрокинули мебель. Что-то с царапаньем протащили по полу.

— Эй! Там кто-нибудь есть? — крикнула она в сторону лестницы. Подождала, но ответа не последовало. Нахмурившись, сделала несколько шагов и подумала, не стоит ли вернуться за туфлями. В этот момент у подножия лестницы послышались торопливые шаги.

Поначалу медленные, они становились всё быстрее. Только ритм был каким-то неправильным, пугающе неправильным. Изольда остановилась и уставилась на поворот лестницы. На ступеньке появилась бледная, невероятно длинная кисть. За ней — вторая. Следом над ступенями показалась голова, скрытая чёрными волосами. Изольда на секунду оцепенела. Но, разглядев перекрученное тело и непомерно длинные конечности, закричала:

— А-а-а-а!

Она развернулась и босиком побежала по коридору. Существо бросилось за ней. Когти скрежетали по доскам. От скрежета у неё мороз пробежал по коже. Изольда на бегу хваталась за дверные ручки. Одни двери были заперты, другие открывались в комнаты, заставленные старой мебелью. Она выбегала обратно и мчалась дальше, отчаянно пытаясь добраться до лестницы на противоположном конце коридора.

— Помогите! Кто-нибудь! Здесь есть люди? Помогите! — Она уже плакала; голос срывался от ужаса. Изольда не знала, что её преследует, и не могла заставить себя оглянуться. Оставалось только бежать. Добравшись наконец до лестницы, она промахнулась мимо ступеньки, ударилась о перила и так сильно содрала колено о камень, что перед глазами на миг потемнело.

— Ай! Больно-то как!

Осмотреть рану было некогда. Цепляясь за перила, Изольда поднялась и, спотыкаясь, сбежала вниз. Прихожая оказалась ещё просторнее, чем она представляла. Одну стену занимал огромный камин, посередине стоял длинный обеденный стол, а над ним висели ещё более древние портреты. Заметив входные двери, она кинулась к ним, схватилась за ручку и изо всех сил нажала. Дверь не шелохнулась.

— Открывайся! Ну же, откройся! — Она толкала, тянула, даже ударилась плечом о тяжёлое дерево, пока оно не заныло. Без толку. За спиной, со стороны лестницы, раздался оглушительный грохот, будто с высоты рухнуло что-то тяжёлое. Изольда чуть не упала от страха. Она развернулась и бросилась в другой проход.

Она успела миновать низкий столик, когда подол ночной сорочки зацепился за железный крючок, торчавший из-под края ковра. Изольда не успела удержать равновесие и полетела вперёд. Колени с такой силой ударились о твёрдый пол, что на мгновение у неё перехватило дыхание.

— Ой… ай… Больно, больно…

Она потянула подол, но ткань туго намоталась на крючок. Чем сильнее Изольда дёргала, тем больше запутывалась. Скрежет за спиной становился всё ближе. Содрогаясь от рыданий, она рвала сорочку и умоляла сквозь всхлипы:

— Не подходи… Пожалуйста. Я даже не знаю, как здесь оказалась. Я хочу домой. Прошу, отпусти меня…

В конце прохода висело большое зеркало. Изольда невольно подняла глаза и увидела в отражении высокую, тонкую тень. Существо уже стояло позади. Неестественно длинная рука протянулась вперёд; серовато-белые пальцы замерли в каком-то дюйме от её волос. Изольда окаменела, всхлип застрял в горле. Холодная ладонь легла ей на плечо.

— А-а-а-а-а!

В глазах потемнело.

* * *

Тремя неделями ранее Уичмир встречал первых осенних гостей. Утро выдалось ясным. Туман ещё не успел рассеяться, когда тёмно-зелёная карета свернула с просёлочной дороги в деревню. Вдоль обочин тянулись низкие изгороди, подоконники серых каменных домиков утопали в цветах, из труб поднимались тонкие струйки дыма. В центре деревни стоял старый каменный колодец, украшенный свежесплетёнными пшеничными венками. В лавках красовались тыквы, яблоки и всевозможные украшения к празднику урожая.

— Артур, смотри! У них там даже церковь какая красивая! — Элеонора Уитби с восторгом высунулась в окошко кареты и указала на далёкий шпиль. Ей было двадцать девять, она работала учительницей и увлекалась народными поверьями. С тех пор как Элеонора услышала, что в Уичмире раз в тринадцать лет проводят особенный праздник урожая, ей непременно хотелось увидеть его собственными глазами.

Сидевший напротив Артур Уитби пытался поправить воротник, измятый от тряской дороги. Услышав очередной восхищённый возглас сестры, он вздохнул:

— Элеонора, может, всё-таки сядешь? Ты уже с десяток домов показала и каждый раз заставляешь меня смотреть. Ещё немного — и кучер решит, будто здесь кого-то убивают.

— Ой, какой ты зануда! Мне просто нравится! — Она сердито глянула на брата и снова указала в окно. — Взгляни на каменные домики! А цветы в окнах? В городе такого никогда не увидишь. — Потом повернулась к мужчине рядом. — Сэмюэл, сфотографируй! И дерево впереди тоже красивое.

Сэмюэл Прайс возился с новой камерой. По её просьбе он поспешно направил её в окно.

— Подожди, не двигайся. Мне нужно настроить… Артур, подвинься немного, а? Ты свет загораживаешь.

Артур оглядел тесную карету и закатил глаза.

— Напомните, зачем я вообще согласился путешествовать с вами двумя?

— Потому что деньги у тебя! — весело ответила Элеонора.

Сэмюэл расхохотался так, что камера едва не соскользнула с колен. Артур посмотрел то на одного, то на другую, решил, что ни один не заслуживает ответа, и отвернулся к окну.

Когда карета миновала деревянный указатель у въезда, Элеонора прочитала название деревни вслух. Она уже собиралась добавить что-то ещё, но заметила, что жители вдоль дороги бросают свои дела и улыбаются приезжим. Пожилая женщина у пекарни отложила тесто, вытерла руки и помахала. Мужчина с охапкой дров тоже остановился и проводил карету широкой приветливой улыбкой.

— Какие здесь все дружелюбные! — Элеонора помахала в ответ.

Артур промолчал. Что-то в этом казалось ему странным. Стоило карете поравняться с очередными жителями, как те бросали работу и смотрели вслед, пока экипаж не скрывался из виду. Одна женщина с младенцем на руках даже вышла из дома специально, чтобы поглазеть. Ребёнок нетерпеливо ёрзал у неё на руках, но она ни разу не взглянула вниз. Улыбка на её лице была почти неестественно широкой.

— Здесь часто бывают туристы? — спросил Артур.

— Вряд ли. — Сэмюэл продолжал разглядывать камеру. — Деревня-то в глуши. Конечно, они рады приезжим. Хватит везде искать повод для тревоги.

Наконец карета остановилась перед гостиницей, над дверью которой висела деревянная вывеска «Постоялый двор Беллами». Кучер едва успел опустить ступеньку, как дверь распахнулась и наружу поспешила полноватая женщина средних лет. На ней был безупречно белый передник, щёки пылали румянцем. Увидев Элеонору, она двинулась навстречу так, словно встречала давнюю подругу.

— Ох, наконец-то вы приехали! Мисс Уитби, верно? Да посмотрите на себя, вы наверняка ужасно устали с дороги! Заходите, заходите. Завтрак готов, а ветер сегодня холодный. Ещё не хватало вам простудиться! — Она взяла Элеонору за руку и просияла при виде Артура и Сэмюэла, выбиравшихся из кареты.

Элеонору такой приём даже смутил.

— Доброе утро, миссис Беллами. Спасибо. Мы очень приятно доехали.

— Ой, зовите меня Мартой! У нас тут незачем церемониться. — Марта Беллами оглядела двух мужчин, и от широкой улыбки её глаза превратились в щёлочки. — Вы, должно быть, мистер Артур Уитби, а вы — мистер Сэмюэл Прайс. Я всех запомнила по письмам. Комнаты уже несколько дней готовы.

Сэмюэл с улыбкой пожал ей руку. Артур вежливо поздоровался и пошёл рассчитываться с кучером. Марта уже позвала молодую служанку Нелл, чтобы та внесла багаж. Сама сняла с плеч Элеоноры шаль, спросила, не замёрзла ли она, предложила чай и непременно захотела знать, ели ли они что-нибудь в дороге.

— Сколько ночей вы говорили, пробудете? Четыре, да? — спросила Марта, проводя их внутрь.

Артур кивнул.

— Четыре ночи. Возможно, задержимся ещё на день, если погода позволит.

— Всего четыре? Какая жалость! — Марта покачала головой. — Мы столько времени готовились к празднику, а вам ещё столько всего нужно увидеть! Не стоило ехать в такую даль ради четырёх ночей. Хотя бы недельку поживите!

— Потом у нас другие планы, — учтиво пояснил Артур.

— Ой, пока не думайте об этом! Сначала устройтесь. Может, вам так понравится, что сами не захотите уезжать. — Марта со смехом похлопала его по руке и крикнула Нелл, чтобы та отнесла чемоданы наверх.

В этот момент мимо двери прошла старуха с корзиной овощей. Услышав голоса, она остановилась и с любопытством заглянула на троих приезжих.

— Сегодня гости, значит?

— Целых трое! — радостно ответила Марта.

Старуха оглядела каждого и задержалась взглядом на Сэмюэле. Её улыбка стала ещё глубже.

— Трое… Как замечательно.

Сэмюэл не понял, что она имела в виду, но вежливо кивнул. Старуха помедлила, словно хотела что-то добавить, пока Марта со смехом не поторопила её. Та побрела дальше, бормоча себе под нос. Артуру почудились слова «всё устроено», но он не успел задуматься: Марта уже приглашала всех в столовую.

* * *

Тем временем Изольда Марлоу на собственной кухне отчаянно пыталась спасти буханку хлеба, которую безнадёжно сожгла.

— Ох нет. Нет-нет-нет. Эту я точно испортила. — Она вынула хлеб, перевернула и осмотрела блестящую чёрную корку снизу. Даже по краям он стал твёрдым. Изольда попробовала срезать обгоревшую часть ножом, но буханка тут же развалилась на несколько кусков.

Агнес Марлоу, перебиравшая травы у печки, подняла глаза и вздохнула.

— Изольда, я же говорила тебе убавить огонь. Ты хлеб пекла или собиралась спалить весь дом?

— Я убавила! Когда пошла за молоком, всё было прекрасно. Откуда мне было знать, что так получится? — Изольда обиженно протянула ей остатки буханки. — Смотри, Агнес, верхто ещё съедобный, правда? Если отрезать низ…

Агнес взяла хлеб и перевернула его, не зная, сердиться ей или смеяться.

— И что тогда останется? Ладно, положи его. Разве ты сегодня не должна помогать у Беллами? Если ещё задержишься, Марта тебе выскажет всё, что думает.

Только теперь Изольда вспомнила про гостей. Она бросила хлеб и поспешила к умывальнику.

— Ой! Чуть не забыла! Марта просила прийти пораньше. Сегодня приезжают трое из города! Я слышала, одна из них изучает деревенские легенды. Хочу расспросить её обо всех местах, где она побывала.

Руки Агнес замерли над травами.

— Ничего особенного в приезжих нет. Просто делай свою работу. И сегодня держись подальше от леса. До праздника осталось совсем немного, у всех и без того хлопот полно.

— Знаю, знаю. — Изольда вытерла руки и взяла со стола старую книгу. На иллюстрации был приморский городок, несколько лодочек вдали и высокий маяк у берега. Она подошла с книгой к окну, чтобы получше рассмотреть картинку. — Агнес, а ты в молодости видела море?

— Нет. В молодости я была слишком занята тем, чтобы заработать на жизнь, и времени разъезжать у меня не было. И денег уж точно тоже. — Агнес вернулась к травам, но через мгновение спросила: — С чего это ты вдруг?

— Просто подумала. Посмотри, какое море огромное! Здесь написано, что бывают места, где стоишь на берегу, а другого конца даже не видно. Это правда? Я всегда думала, оно вроде нашего озера за деревней. — Изольда положила книгу и откинулась на спинку стула. — Когда-нибудь накоплю денег и отправлюсь путешествовать. Сначала съезжу в настоящий город, потом увижу море. Ты ведь тоже могла бы поехать со мной?

Агнес так долго молчала, что Изольда уже решила: ответа не будет.

— Поговорим об этом в другой раз, — наконец произнесла она. — А пока займись тем, что у тебя под носом.

— Ты всегда так говоришь! — надулась Изольда. — Я же не сказала, что завтра уезжаю. И помечтать уже нельзя? Мне двадцать четыре, Агнес. У некоторых девочек, с которыми я выросла, дети уже ходят, а я даже не знаю, как выглядят соседние городки. Томас раньше смеялся, что я и дороги из деревни не найду.

Агнес подняла голову и на мгновение изменилась в лице. Казалось, она вот-вот что-то скажет, но вместо этого достала из кармана красную нитку. Взяв левую руку Изольды, осторожно завязала нитку на запястье.

— Носи сегодня. Не снимай.

Изольда посмотрела на нитку и рассмеялась.

— Ох, опять? В прошлый раз ты мне трав в туфли напихала. Я целый день ходила и не могла понять, почему ноги чешутся. Теперь красная нитка? Люди же смеяться будут.

— Пусть смеются. — Агнес затянула узелок и поправила рукав Изольды. — Обещай мне кое-что. Если кто-нибудь спросит об этой нитке, никому её не отдавай. И если отец Олдрик позовёт тебя к себе, сначала приходи домой и расскажи мне.

Изольда моргнула.

— А с отцом Олдриком что-то не так? Я на прошлой неделе только книжку у него брала. Он спрашивал, как мои дела.

— Всё с ним так. Просто послушайся меня.

— Ладно, ладно. — Изольда сказала это с обречённым видом, но кивнула. Взяла корзинку, надела пальто и наклонилась, чтобы поцеловать Агнес в щёку. — Я побежала! Сегодня вернусь пораньше. Оставь мне супа!

Агнес стояла в дверях и смотрела, как дочь бежит по улице. Лишь когда Изольда скрылась за поворотом, она закрыла дверь. Вернувшись к столу, выдвинула самый нижний ящик и достала пожелтевший лист пергамента. Он был сложен очень бережно. Поперёк листа значилось имя «Изольда Марлоу», а под ним стояла круглая метка тёмно-красными чернилами. Агнес долго смотрела на бумагу, всё крепче сжимая её пальцами. Когда снаружи зазвонили церковные колокола, она вздрогнула и поспешно спрятала пергамент.

К тому времени, как Изольда добралась до постоялого двора Беллами, на кухне царил настоящий переполох. Марта стояла у плиты и командовала двумя помощницами, которые переносили еду на длинный стол. В углу кипел огромный чугунный котёл, наполняя воздух густым ароматом лука, перца и тушёного мяса.

— Ох, Изольда! Наконец-то! Скорее, скорее, надевай передник. Гости уже внизу! — Марта сунула ей чистый передник и указала на несколько пирогов. — Сначала вынеси их. Рагу подадим потом. Нелл, хватит возиться с хлебом, проверь, готов ли чай!

Изольда завязала передник, разглядывая еду.

— Боже, Марта, сколько всего ты приготовила! Откуда столько мяса? Мясник недавно говорил, что свиньи у него болели и хороших кусков почти не осталось.

Марта разрезала большой пирог.

— Эдвин достал. Наш староста ведь знает нужных людей, верно? Что ж ему, немного мяса для нас не найти? — Она небрежно махнула ножом. — Сегодня не до этого. Гости ждут. Иди уже.

Изольда послушалась и осторожно понесла поднос в столовую. Трое приезжих сидели у окна. При виде еды Элеонора просияла и выпрямилась.

— Боже мой! Это всё нам? С утра съела лишь пару печений. Умираю с голоду!

Изольда рассмеялась, ставя тарелки на стол.

— Доброе утро. Угощайтесь. Марта специально для вас испекла мясные пироги, и свежий хлеб тоже есть. Чуть позже принесём рагу.

— Спасибо! Ой, а как вас зовут? — Элеонора протянула руку. — Я Элеонора Уитби. Это мой брат Артур, а тот, кто с самого дома не расстаётся с камерой, — наш друг Сэмюэл.

Сэмюэл оторвался от пирога.

— Элеонора, обязательно оскорблять меня каждый раз, когда представляешь? — Он ухмыльнулся. — Привет, Изольда! Пахнет чудесно. Я и раньше был голоден, а теперь готов съесть всё подряд.

— Я Изольда. Изольда Марлоу. — Она поздоровалась со всеми и разлила чай. — Не торопитесь. Если что-нибудь понадобится, зовите. Я буду на кухне.

Сэмюэл уже отрезал себе большой кусок пирога. Сделав несколько укусов, он просиял.

— Ох, какая вкуснятина! Миссис Беллами, как вы его готовите? Мясо на вкус совсем не похоже на то, что мне доводилось есть.

Марта вошла с котлом рагу.

— Ах, мистер Прайс, как же я рада, что вам нравится! Ешьте сколько угодно. Старинный деревенский рецепт, из поколения в поколение передаётся. Тамошним модным поварам и не разобраться, с чего начинать.

Сэмюэл откусил ещё кусочек.

— Это оленина? Немного напоминает говядину, только вкус всё-таки другой.

Марта поставила перед ним дымящуюся миску.

— А вы попробуйте угадать! Угадаете — приберегу вам ещё кусок пирога на вечер.

— Ха! Значит, угадывать? Ладно, оленина!

— Если вам так нравится, можете звать её олениной. Хорошее мясо, как ни назови.

Артур, нарезавший хлеб, поднял голову.

— Миссис Беллами, здесь охотятся? Вокруг деревни, кажется, много лесов. Наверное, и дичи хватает.

— Конечно, охотятся. Хотя в последнее время добычи всё меньше, да и молодые мужчины в лес ходить не любят. Одни хлопоты. — Марта подлила рагу Элеоноре. — Ну же, ешьте, пока горячее. Остынет — будет совсем не так вкусно.

Стоявшая рядом Изольда присмотрелась к рагу. Она часто помогала Марте готовить, но не припоминала, чтобы прежде на кухне было столько тёмно-коричневого мяса. Она уже собиралась спросить, как Сэмюэл подозвал её жестом.

— Изольда, а вы не будете? Очень вкусно. Я бы, пожалуй, и всё блюдо один осилил.

— Ой нет, спасибо. Я дома поела. — Она с улыбкой махнула рукой. — К тому же я работаю. Кто-то ведь должен будет убрать за вами тарелки.

— Много теряете! Как-нибудь обязательно попробуйте. — Сэмюэл отрезал себе ещё один солидный кусок.

Марта похлопала Изольду по плечу.

— Вот и славно, дорогая. Сходи проверь хлеб на кухне, хорошо? Я сама позабочусь о гостях.

Изольда кивнула и вернулась с пустым подносом. Проходя мимо плиты, она ещё раз взглянула на огромный чугунный котёл. Куски мяса перекатывались в кипящем бульоне, иногда обнажая бледные полоски жира. Густой запах вдруг показался ей приторным. Она отвернулась и открыла окно, чтобы впустить свежий воздух.

К полудню на площади стало ещё оживлённее. Жители развешивали пучки пшеницы на деревянных рамах, молодые мужчины таскали доски, женщины плели белые гирлянды у колодца. Дети носились с корзинками яблок. Смех смешивался со стуком молотков, и повсюду царила весёлая суета подготовки к празднику. Изольда вышла из гостиницы с пустым ведром и направилась к колодцу, когда за спиной раздался оклик:

— Изольда! Эй, погоди!

Она обернулась. К ней шёл Томас Рид с охапкой досок на плече. Каштановые волосы растрепались и отсырели от пота, рукава рубашки он закатал до локтей. Томасу было двадцать семь. Сын деревенского плотника, он знал Изольду с детства. Она часто бегала в мастерскую его отца за деревянными обрезками. Однажды приняла ножку только что сделанного стула за дрова и унесла домой, за что Томасу ещё несколько дней доставалось от отца.

— Ты сегодня весь в работе, — усмехнулась Изольда. — Что случилось? Уже почти все доски в мастерской извёл?

Томас опустил ношу и потёр ноющее плечо.

— Такое чувство. Эдвину снова понадобилось расширить праздничный помост. Мы с отцом с утра занимаемся, даже пообедать толком не успели. А ты? Миссис Беллами заставляет за всех отдуваться?

— Не я одна. Нелл и остальные тоже помогают. К нам приехали трое из города. Довольно интересные люди, особенно мистер Прайс. Всё повторяет, какие вкусные у Марты пироги. По-моему, он один целое блюдо съел.

При упоминании пирогов улыбка Томаса исчезла.

— Они их ели?

Изольда недоумённо посмотрела на него.

— Ну да. Марта столько всего приготовила. Что им было делать, выбросить?

Он приоткрыл рот, словно хотел спросить ещё о чём-то, но передумал. Взгляд метнулся к церкви на противоположной стороне площади; Томас явно встревожился.

— Изольда, ты сегодня что-нибудь ела в гостинице?

— Нет. Дома позавтракала, а потом всё время гостей обслуживала. Некогда было. — Она нахмурилась. — И ты туда же? Что не так с пирогами?

— Ничего. — Он быстро покачал головой и выдавил слабую улыбку. — Просто спросил. Ты сегодня пораньше домой иди, ладно? Агнес одна, и в последнее время она неважно выглядит.

— Почему ты ведёшь себя так же странно, как она? — возмутилась Изольда. — Она с утра велела никуда не ходить, а теперь ты меня домой пораньше отправляешь. Вы оба что-то от меня скрываете?

Томас не успел ответить: над площадью разнёсся голос Эдвина Харкера.

— Томас! Ты доски перенёс? Поменьше болтай с барышнями, пожалуйста! Дел у нас ещё полно!

Томас крикнул в ответ, затем забрал у Изольды ведро.

— Я наберу воды и принесу в гостиницу. Иди. Похоже, Эдвин хочет с тобой поговорить.

Ей всё ещё хотелось услышать ответы, но староста уже махал рукой.

— Ты ведь принесёшь воду? Не забудь, а то Марта мне потом весь день это припоминать будет.

Томас кивнул. Он смотрел, как она идёт к середине площади, и последние следы улыбки сошли с его лица. Эдвин Харкер стоял у только что установленной деревянной конструкции и обсуждал праздничные приготовления с несколькими жителями. На нём было тёмно-серое пальто, к груди приколота серебряная эмблема; волосы аккуратно причёсаны. Увидев Изольду, он приветливо улыбнулся.

— А, Изольда! Насыщенный денёк у тебя, да? Беллами только что рассказывала, какая ты помощница. Приятно, когда в нашей деревне растут такие трудолюбивые девушки.

Изольда застенчиво улыбнулась и покачала головой.

— Да я ничего особенного не делала. Только тарелки носила. На кухне все куда больше работали. Вы меня о чём-то хотели спросить, мистер Харкер?

Эдвин похлопал её по плечу.

— Ничего особенно важного. Просто напомнить: завтра вечером приходи в церковь. Отец Олдрик проведёт особую молитвенную службу перед праздником, и он хочет, чтобы все присутствовали. Особенно ты. Он прямо тебя назвал.

Изольда удивлённо посмотрела на него.

— Меня? Почему? Я ведь в последнее время ничего плохого не делала. Он не собирается меня ругать?

Эдвин рассмеялся.

— Господи, дитя, почему, когда священник тебя зовёт, ты сразу думаешь, что провинилась? Не волнуйся. Повод хороший. Придёшь — узнаешь.

— Но Агнес в последнее время нездорова. Я надеялась завтра вернуться домой пораньше и побыть с ней.

— За приёмную мать не переживай. В деревне есть кому за ней присмотреть. — Кто-то подошёл спросить, где установить другую часть деревянной рамы, и Эдвин поспешно кивнул Изольде. — Ну, ступай. И не забудь про завтрашний вечер!

Она проводила его взглядом, так и не избавившись от странного чувства. Все словно сговорились заманить её в церковь, а зачем — никто не говорил. Она уже собиралась вернуться в гостиницу, когда за спиной раздался знакомый голос:

— Изольда, дитя моё.

Она обернулась. С церковных ступеней спускался отец Олдрик Восс. Он носил опрятную чёрную сутану, серебристо-седые волосы были зачёсаны назад. Хотя ему было далеко за шестьдесят, он держал спину прямо и вёл себя мягко, с достоинством. Изольда знала его всю

жизнь. Девочкой она часто приходила в церковь за книгами, и именно Олдрик впервые научил её читать и писать.

— Отец Олдрик! — Она с улыбкой пошла ему навстречу. — У вас сегодня, наверное, забот невпроворот. Мистер Харкер говорит, вы завтра вечером проводите особую службу. Это правда?

— Разумеется. — Олдрик улыбнулся и убрал с её лица выбившуюся прядь. — К такому важному событию нужно как следует подготовиться. Слышал, сегодня к нам приехали гости из других мест. Удалось с ними поговорить?

— О да! Одну из женщин зовут Элеонора. Она столько всего рассказывала о мире за пределами деревни! И даже море видела. Я тоже хочу, но почти нигде за деревней не бывала. — Изольда рассмеялась, кое-что припомнив. — Отец, вы ведь когда-то обещали, что, если я буду хорошо учиться, дадите мне книгу про океан? Я столько раз просила, а вы всё говорили, что никак её не найдёте.

Олдрик тоже засмеялся.

— Как же ты помнишь всякие детские мелочи! Помню, когда впервые пришла в церковь читать, даже букв всех ещё не знала, а каждый день приставала ко мне: где находятся места из книжек? Тогда тебе угодить было куда труднее, чем теперь.

— Ой, только вы не начинайте! — Изольда смущённо закрыла лицо руками. — Томас уже вспоминал, как я в детстве сожгла ножку стула. Столько лет прошло! Почему вы все никак не забудете?

— Потому что ты выросла. Нам, старикам, трудно не вспоминать, какая ты была маленькой. — Взгляд Олдрика опустился на красную нитку у неё на левом запястье и на мгновение задержался. — Это Агнес дала тебе?

Изольда подняла руку.

— Да. С утра заставила надеть. Говорит, для защиты. Мне уже двадцать четыре, а она всё обращается со мной как с маленькой.

Олдрик легко коснулся узелка; выражение его лица осталось таким же добрым.

— Агнес очень тебя любит. Ей пришлось нелегко, постарайся её понять. — Он убрал руку. — И помни о завтрашней вечерней молитве. Нельзя заставлять всех ждать.

Изольда кивнула и уже хотела спросить, что такого особенного в этой службе, но из церкви кто-то позвал священника. Олдрик извиняюще улыбнулся, похлопал её по плечу и поднялся по ступеням. Она постояла, пока дверь за ним не закрылась, затем подхватила юбку и поспешила обратно в гостиницу. Едва она ушла, Эдвин Харкер пересёк площадь и с тревожным видом приблизился к священнику у церковного входа.

— Отец, Агнес опять приходила ко мне сегодня. — Эдвин понизил голос и огляделся, проверяя, не подслушивает ли кто. — Говорит, если Изольду и правда выберут в этом году, она лучше заберёт девочку и уедет из деревни. Вы же знаете, какая она упрямая. Она ещё тогда почти со всеми рассорилась, лишь бы оставить ребёнка у себя.

Стоя на ступенях, Олдрик смотрел в сторону леса. Прошло немало времени, прежде чем он заговорил.

— Эдвин, ты столько лет старостой, а всё ещё так легко впадаешь в панику? Агнес не хочет расставаться с дочерью. Когда немного успокоится, всё поймёт. Приготовления закончены?

Эдвин кивнул, хотя лицо его оставалось бледным.

— Белая ткань и гирлянды прибыли. Завтра можно начинать украшать. Но, отец… Неужели другого выхода и правда нет? Она же совсем молодая. Почти ничего не видела за пределами деревни.

Олдрик повернулся к нему, не переставая улыбаться.

— Тринадцать лет назад ты спрашивал меня о том же. Надеюсь, помнишь, чем кончилось наше промедление. Перестань терзать себя и займись своими обязанностями. Я сам поговорю с Агнес до начала праздника.

Эдвин опустил голову. Через мгновение тихо согласился. Олдрик вернулся в церковь, больше ни разу не взглянув на старосту. Дверь закрылась, и над площадью поплыл детский смех, звонкий и весёлый в вечернем воздухе.

За ужином в столовой постоялого двора Беллами всё ещё было шумно. Марта накрыла роскошный стол, расставила возле окон несколько масляных ламп, наполнив комнату тёплым золотистым светом. Элеонора разбирала заметки, сделанные за день. Сэмюэл так увлёкся, показывая Артуру дневные снимки, что совсем забыл про ужин.

— Посмотри на этот! Сделал у колодца, как раз когда мимо пробежали дети. Замечательный кадр. А вот старое дерево возле церкви. Артур, завтра пойдёшь со мной к опушке? Говорят, там сохранился участок древнего леса, а деревья ещё выше всех, что мы тут видели.

Артур оторвался от карты.

— Ты в прошлый раз говорил то же самое. Обещал всего полчаса, а потом продержал меня три часа у реки. А когда снимки не получились, обвинил солнечный свет.

— Там и правда освещение было ужасное!

— Сэмюэл, ты думаешь, я раньше солнца не видел?

Элеонора так расхохоталась, что едва не уронила перо в чашку с чаем.

— Ой, да перестаньте вы оба! С самого завтрака препираетесь. Артур, лучше посмотри мои заметки. Днём поговорила с несколькими людьми. Все утверждают, будто праздник проводят уже много столетий, но нигде нет полной письменной истории. И ещё страннее: стоило мне спросить, кого выбрали невестой в прошлый раз, как люди либо говорили, что не помнят, либо внезапно вспоминали о срочном деле.

Артур взял лист и прочёл.

— В отдалённых местах записи часто неполные, особенно если речь о столетиях. Но если никто не помнит события тринадцатилетней давности, это и правда немного странно. Ты спрашивала старосту?

— Конечно! Он сказал, что я всё узнаю в своё время, и велел не торопиться. Терпеть не могу, когда люди начинают объяснять, а потом бросают на полуслове!

Как раз тогда подошла Изольда с чайником. Услышав жалобы Элеоноры, она рассмеялась.

— Что случилось? Кто вас на этот раз расстроил?

Элеонора оживлённо поманила её.

— Изольда! Вы-то мне и нужны. Можно вопрос? Невеста, которую выбрали для вашего деревенского праздника тринадцать лет назад, — что с ней стало? За кого она вышла? До сих пор здесь живёт?

Изольда задумалась.

— Мне тогда было всего одиннадцать. Мало что помню. Помню, все страшно суетились, наряжались, детям раздавали сладости. Я хотела посмотреть свадьбу, но Агнес не пустила из дома. Сказала, что людей слишком много и я обязательно потеряюсь.

— А как звали невесту, знаете?

— Боюсь, не знаю. — Изольда виновато улыбнулась. — Можете спросить отца Олдрика. Он здесь очень давно и много чего помнит.

Элеонора нахмурилась и записала имя священника. Она уже готовилась задать следующий вопрос, когда Марта появилась с блюдом свежеиспечённых мясных пирогов и весело перебила их.

— Ох, опять эти пыльные старые истории! Милые мои, вы такую дорогу проделали, чтобы у нас побывать. Не нужно каждую минуту копаться в прошлом. Дождитесь праздника. Как сами всё увидите, так и поймёте.

Элеонора уже собиралась настаивать, но Сэмюэл заметил пироги. С ухмылкой потянулся за одним.

— Опять пироги! Миссис Беллами, если будете нас так кормить, дома ни во что из одежды не влезу.

— Хороший аппетит — благословение! — Марта положила ему на тарелку ещё щедрую порцию рагу. — Молодым надо хорошо есть. А не как вашему приятелю, который за весь день едва к еде прикоснулся.

Артур вежливо улыбнулся, но не ответил. Он заметил, как Изольда собирает чашки.

— Мисс Марлоу, у вас здесь всегда столько мяса едят?

Она рассмеялась.

— Господи, конечно нет. Нам бы такое каждый день и не по карману было. Марта особенно постаралась к вашему приезду. Честно говоря, я сама удивилась, когда сегодня увидела всё это на кухне.

Артур задумчиво кивнул. В тот момент Элеонора кое-что вспомнила, вытащила листок из записной книжки и поманила Изольду.

— Ой! Чуть не забыла. Вы ведь сегодня утром говорили, что хотите повидать мир? Смотрите, я вам кое-что покажу.

Изольда с интересом подошла. На листке был нарисован небольшой приморский городок: домики теснились вдоль набережной, вдалеке стояли пришвартованные парусные лодки. На высоком утёсе белел маяк, вокруг кружили морские птицы. Она долго разглядывала рисунок, и лицо её постепенно озарилось.

— Ох… Это море? Вы сами нарисовали?

— Сама! В прошлом году там была. Даже думала прокатиться на лодке. Но не успели мы далеко отплыть, как меня укачало, и я всё вокруг перепачкала. — Элеонора посмеялась над собой. — Артур ужасно надо мной издевался. Пришлось полдня лежать в гостинице. Чуть ужин не проспала.

Изольда расхохоталась.

— Да ну! Так быстро стало плохо? Лодку сильно качало?

— Мне показалось, что очень! Но если вы никогда не видели моря, обязательно поезжайте. Там красота. На рассвете вся поверхность сияет. А возле гавани есть рынок, где продают всё что угодно. Можно целый день бродить между прилавками.

Изольда слушала, очарованная, затем снова взглянула на рисунок.

— С детства мечтаю путешествовать, но ни разу не получилось. Агнес всё говорит, что за пределами деревни опасно, да и почти всем здесь не нравится, когда я завариваю об отъезде. Я же не собираюсь делать ничего грандиозного. Просто хочу увидеть море, переночевать где-нибудь в другой гостинице, походить по книжным лавкам, купить что-нибудь просто потому, что мне понравилось.

— Так и поезжайте! — сказала Элеонора. — Вы молодая. Что вам мешает? Когда накопите денег, приезжайте ко мне в город. Я покажу море и познакомлю с друзьями.

Изольда уставилась на неё.

— Правда? Но мы ведь только познакомились.

— И что с того? Мне очень приятно с вами разговаривать. — Элеонора протянула ей рисунок. — Возьмите на память. Когда наконец сами увидите море, напишите мне, похоже ли оно хоть немного на мой рисунок.

Изольда бережно приняла листок, сияя от радости.

— Спасибо, Элеонора! Я буду его хранить. И если доберусь до моря, обязательно напишу!

Как раз тогда Марта вышла из кухни. Услышав смех, она с улыбкой подошла к ним.

— Ну, чему это вы так радуетесь? Изольда, только не говори, что опять завела с гостями разговоры об отъезде.

Элеонора весело объяснила:

— Я пригласила её как-нибудь к нам в гости. Она никогда не видела моря, и, по-моему, ей обязательно надо дать такую возможность.

На одно короткое мгновение улыбка Марты дрогнула. Потом сделалась ещё шире.

Она ласково похлопала Изольду по плечу с терпением матери, потакающей ребёнку.

— Ох, в желании повидать мир ничего плохого нет. Какая молодая девушка об этом не мечтает? Но наша Изольда, боюсь, в этом году никуда не поедет. К празднику столько всего нужно сделать.

Лицо Изольды вытянулось.

— Но после праздника ведь уже не останется дел. Марта, вы хотите сказать, мне нельзя будет даже немного отдохнуть потом?

— Ах ты глупенькая! Кто сказал, что нельзя? — Марта с нежностью пригладила ей волосы. — Я только говорю, что год нынче хлопотный. Вот всё закончится, тогда и поговорим как следует. Ты весь день на ногах, дорогая. Иди домой, отдыхай. Не заставляй Агнес ждать.

Изольда кивнула, хотя была ужасно раздосадована. Ей двадцать четыре. Почему, стоило упомянуть отъезд из Уичмира, все начинали разговаривать с ней как с маленькой?

Впрочем, мысли о рисунке Элеоноры скоро её утешили. Она аккуратно сложила лист, убрала в карман пальто, попрощалась с гостями и отправилась домой с корзинкой. Когда добралась до коттеджа, уже стемнело.

В очаге ещё горел огонь. На столе стояли приборы на двоих, а суп на плите чудесно пах, но Агнес нигде не было. Изольда поставила корзинку и несколько раз позвала её в сторону спальни. Никто не ответил. Она уже подумала, что приёмная мать ушла к больному, когда в дверь принялись настойчиво стучать.

— Изольда! Открывай!

Узнав голос Томаса, она поспешила к двери.

— Иду, иду! Чего так гремишь? Дверь ведь даже не заперта. Отец опять заставил тебя работать допоздна?

На полуслове она замерла. Томас стоял на пороге пугающе бледный. Пот покрывал лоб и пропитал ворот рубашки. Увидев Изольду, он первым делом заглянул через её плечо в дом и торопливо спросил:

— Агнес дома? Она тебе что-нибудь говорила?

Его вид перепугал её.

— Нет, её нет. С тех пор как вернулась, не видела. Что случилось? Что-то произошло? Ты хоть отдышись! Почему бежал?

Вместо ответа Томас схватил её за запястье и попытался вытащить наружу.

— Сейчас не спрашивай. Идём со мной. Я одолжил карету. Она ждёт на старой дороге возле въезда в деревню. Если выйдем немедленно, ещё успеем. Всё объясню, когда выберемся отсюда.

Она споткнулась, следуя за ним, и вскрикнула: его хватка стала болезненной.

— Ай! Томас, что ты делаешь? Отпусти! Что случилось? Да скажи ты наконец!

Он тут же выпустил её руку, нервно прошёлся несколько шагов перед порогом, затем вернулся и заговорил тише.

— Изольда, на длинные объяснения времени нет. Пожалуйста, хоть раз просто поверь мне. Надень пальто и пойдём. Всё остальное оставь.

— Ты с ума сошёл? — Она не верила собственным ушам. — Агнес ещё не вернулась. Я даже не знаю, куда она ушла, а ты хочешь, чтобы я вдруг покинула деревню без неё? Почему мы должны тайком бежать? Кому угрожает опасность?

Томас провёл ладонью по лицу и тревожно посмотрел вдоль дороги.

— Чёрт. Знал, что ты спросишь. — Он остановился и повернулся к ней. — Ладно. Сначала ответь на один вопрос. Ты сегодня ела мясные пироги у Беллами?

Изольда уставилась на него, потом нахмурилась.

— Что? Нет! Я позавтракала дома, а потом весь день обслуживала гостей. Почему ты опять спрашиваешь? Ты же днём уже спрашивал. Что, чёрт возьми, происходит?

Он закрыл глаза, явно почувствовав облегчение. Несколько мгновений стоял, прислонившись к дверному косяку, затем снова взглянул на неё.

— А трое приезжих? Они ели пироги?

— Да. Элеонора с Артуром немного съели, а Сэмюэл очень много. — Изольда видела, как его лицо бледнеет ещё сильнее, и тревога в ней росла. — Томас, пожалуйста, перестань так смотреть. Что не так с мясом? Артур несколько раз сегодня про него спрашивал, но Марта так и не сказала, что это. Оно испортилось?

Томас долго молчал. Наконец заговорил почти шёпотом:

— Отец однажды рассказал мне кое-что, когда был пьян. Сказал, что чужаки, которые пропали здесь много лет назад, на самом деле никогда не уезжали. Он помогал Эдвину чинить подвал за церковью и увидел там гору багажа. И одежду — всю выстиранную, аккуратно сложенную. Он хотел спросить, что это такое, но Эдвин велел держать язык за зубами и пригрозил, чтобы не распускал слухи. Я решил, что отец несёт чепуху по пьянке. Но последние несколько дней, пока мы готовились к празднику, я слышал, как они в церкви говорили о…

Изольда побелела и перебила его.

— Подожди. Ты хочешь сказать, те пропавшие люди так и не уехали? Тогда куда они делись? Томас, пожалуйста, не пугай меня так. Ты ведь знаешь, как я боюсь.

Он открыл рот, но снова взглянул на окно. Голос задрожал.

— Я не знаю, как тебе сказать. Сначала пойдём со мной, прошу. Когда выберемся из деревни, клянусь, расскажу всё, что знаю. Здесь опасно оставаться. Особенно тебе. Они уже…

Вдалеке зазвонили церковные колокола. Изольда растерянно подняла глаза к окну.

— Странно. Ещё не время. Почему они сейчас звонят?

Колокола не умолкали. На тринадцатом тяжёлом ударе Томас стал мертвенно-бледным. Он схватил Изольду за плечи, и в голосе его зазвучала паника.

— Изольда, слушай внимательно. Если кто-нибудь сегодня придёт и скажет, чтобы ты шла в церковь, не ходи. Особенно если это будет отец Олдрик. Если он подойдёт к двери, не впускай. Хотя бы это обещай мне. Остальное потом расскажу, только… пообещай.

— Отец Олдрик? — Она смотрела на него с недоверием. — Томас, что ты такое говоришь? Он меня с детства знает. Я только сегодня днём с ним разговаривала! Вы поссорились? Если у вас какое-то недоразумение, можно же поговорить…

— Я с ним не ссорился! — едва не закричал Томас, но тут же снова понизил голос. — Пожалуйста, Изольда, умоляю. Хоть раз поверь мне. Этот старик совсем не такой, каким ты его считаешь. Как ты думаешь, почему он все эти годы не позволял тебе покинуть Уичмир? Почему Агнес всякий раз расстраивается, когда ты говоришь об отъезде?

Снаружи послышались шаги. Томас резко замолчал. С лица исчезли последние краски.

— Изольда? — позвал знакомый женский голос. — Дорогая, ты дома? Это Марта.

Изольда ответила не подумав. Томас схватил её за руку и отчаянно замотал головой, но было поздно. Марта подошла к двери с фонарём в руке, а за ней следовали двое жителей деревни. На ней по-прежнему был тот безукоризненно белый передник. Улыбалась она

необыкновенно широко, словно явиться поздно ночью с двумя мужчинами было самым естественным делом на свете.

— Ох, так ты дома! Я искала тебя за гостиницей, а Нелл сказала, что ты уже закончила. Агнес переживала, что ты одна, и попросила заглянуть. Как ты себя чувствуешь, дорогая? Устала после такого длинного дня?

Изольда сумела улыбнуться. После слов Томаса сохранять спокойствие становилось всё труднее.

— Всё хорошо. Марта, а где Агнес? Когда я вернулась, её здесь не было.

— В церкви, — охотно ответила Марта. — Отец Олдрик хотел кое-что с ней обсудить. Когда она узнала, что ты дома, попросила меня за тобой сходить. Пойдём, дорогая. На улице прохладно, но я принесла фонарь. Темноты бояться не нужно.

Томас тут же встал перед Изольдой.

— Сегодня она не пойдёт. Весь день работала, ужасно устала. Завтра придёт.

Только теперь Марта повернулась к нему.

— Ой, Томас! А я и не заметила, что ты здесь. Что это ты так поздно к Изольде пожаловал? Только не говори, что хотел тайком увести её на свидание! — Она рассмеялась. — В детстве всё за ней хвостиком ходил. Вижу, ничего не изменилось.

Обычно Томас покраснел бы и стал оправдываться. Но сегодня не сумел даже улыбнуться. Он смотрел на Марту.

— Я сказал, она не пойдёт. Если увидите Агнес, передайте, что мы присмотрим за Изольдой. Пусть не беспокоится.

Улыбка Марты на миг застыла. Потом она снова повернулась к Изольде.

— Ты правда не пойдёшь, дорогая? Отец Олдрик сам попросил меня сходить за тобой, а Агнес ждёт в церкви. Если не придёшь, она всю ночь места себе не найдёт.

Изольда посмотрела на Томаса, потом на двух мужчин за Мартой. Те молча стояли с фонарями и улыбались. Ни один не произнёс ни слова. Она вспомнила деревенских жителей, которых видела днём возле гостиницы: те улыбались чужакам так рьяно, что ради этого бросали работу и провожали их глазами. Сейчас ей меньше всего хотелось идти за Мартой в темноту.

— Миссис Беллами, простите, но я правда очень устала, — как можно спокойнее сказала Изольда. — Передадите Агнес, что завтра с самого утра зайду к ней? А если она уже освободилась, попросите её вернуться домой, пожалуйста.

Марта несколько мгновений смотрела на неё, потом рассмеялась.

— Ох, глупенькая, конечно передам! Вот я какая, так торопилась выполнить поручение священника, что совсем забыла: ты сегодня выбилась из сил. Отдыхай, дорогая. Только не забудь завтра прийти в церковь.

Изольда быстро кивнула и проводила Марту и двух мужчин взглядом. Лишь когда свет их фонарей исчез за поворотом, Томас захлопнул дверь, задвинул засов и поспешил задёрнуть все шторы.

— Томас! — Сердце Изольды бешено колотилось. — Что ты делаешь? Они же ушли! Пожалуйста, хватит меня пугать! Я и так до смерти напугана, а ещё не знаю, где Агнес. Что, если с ней что-нибудь случилось? — Голос сорвался, она снова заплакала.

Вернувшись, Томас увидел её покрасневшие от слёз глаза и на мгновение растерялся. Поднял руку, будто хотел утешить, но вместо этого просто взял её ладони в свои.

— Прости, Изольда. Я не хочу тебя пугать. Но ты должна мне поверить. Нам нельзя оставаться здесь на ночь. Когда все в деревне уснут, выберемся задней дорогой. Карета ещё ждёт. Мы сможем…

— Подожди. — Она перебила его дрожащим голосом. — Ты всё спрашиваешь, ела ли я пироги. Томас, посмотри на меня и скажи прямо. Что было в этом мясе?

Его лицо окаменело. Изольда пристально смотрела на него, и в голове уже складывалось страшное подозрение, хотя верить в него она отказывалась.

— Ты сказал, те приезжие пропали. Сказал, их багаж остался у церкви. Но при чём тут мясо? Ты хочешь сказать, что жители деревни… что они действительно…

Договорить она не смогла. По щекам покатились слёзы. Томас положил руки ей на плечи и заговорил так тихо, что она едва слышала:

— Я сам не видел, что они сделали с теми людьми. Но знаю, что в гостинице перед праздником всегда откуда-то берётся много мяса. Отец однажды сказал, что в Уичмире ничего никогда не пропадает зря. Я тогда не понял. До тех пор, пока несколько дней назад не спустился в подвал за церковью и не увидел…

Он оборвал себя. В дверь трижды постучали. Изольда вздрогнула и вцепилась в его рукав. Томас замер, уставившись на дверь. Спустя мгновение снаружи раздался старый, мягкий голос:

— Изольда, дитя моё. Ты уже легла спать?

Отец Олдрик. Сердце гулко ухнуло. Она уже собиралась ответить, но Томас накрыл ей рот ладонью. Он отчаянно качал головой, широко раскрыв глаза от страха; даже пальцы у него дрожали.

Олдрик не торопил их. Вместо этого негромко усмехнулся.

— Я только что встретил Марту. Она сказала, ты очень устала и не захотела приходить. Ничего страшного, дитя, я понимаю. Ты весь день помогала с нашими гостями, тебе нужен отдых. Правда, я хотел лично рассказать тебе кое-что важное. Агнес уже знает. Она немного расстроилась, и я попросил её пока отдохнуть в церкви.

Услышав имя приёмной матери, Изольда отняла руку Томаса от своего рта. Она слышала, как сама начинает плакать.

— Отец! Агнес и правда в церкви? Почему она не вернулась? Она больна?

Олдрик рассмеялся тем знакомым мягким смешком, который Изольда слышала всю жизнь.

— Ах, значит, ты ещё не спишь, милая. Не волнуйся. Она совершенно здорова. Я о ней позабочусь. А теперь, я слышал, ты сегодня чудесно пообщалась с нашими гостями. Даже рассказывала, что когда-нибудь хотела бы попутешествовать, верно?

Изольда застыла. Она никак не ожидала, что священник знает об этом разговоре, и на мгновение не нашлась с ответом. Томас сжал её ладонь, призывая молчать, но, зная, что Агнес осталась в церкви, она не могла не спросить о ней.

— Мы просто разговаривали… Отец, можно я приду завтра? Уже так поздно, а я лучше дождусь Агнес дома.

— Разумеется, дитя. Но завтра вечером на молитве ты непременно должна присутствовать. Жители уже всё подготовили, и все с нетерпением ждут тебя. — Голос Олдрика оставался таким же мягким, в нём даже слышалась ободряющая улыбка. — Помнишь, как ты в детстве всё спрашивала, какое платье у Невесты урожая? Ты тогда мне всю плешь проела своими вопросами. Агнес пришлось увести тебя домой, а ты плакала, потому что не хотела уходить.

У Изольды перехватило дыхание. Она вспомнила слова Эдвина днём, то, как дрогнула улыбка Марты при упоминании праздника, и красную нить, которую Агнес завязала утром ей на запястье. Эти мелочи теперь не выходили из головы.

— Отец… — Голос стал таким тихим, что Изольда едва сама его слышала. — Почему вы говорите о свадебном платье? Разве завтра не молитвенная служба?

За дверью воцарилась пауза. Затем тихо зашелестела ткань, будто Олдрик наклонился, чтобы терпеливо поговорить с ней через деревянную дверь.

— Конечно, будут молитвы, милая. Как же такое важное событие обойдётся без них? Мы целых тринадцать лет ждали новую подходящую невесту. Приходи завтра, и все снимут

с тебя мерки, чтобы платье было самым красивым. Не волнуйся. Мы позаботимся, чтобы с тобой хорошо обращались.

Краска медленно отхлынула от лица Изольды. Она открыла рот, но мысли перепутались так сильно, что вопрос удалось выговорить лишь спустя долгое время.

— Но… отец, зачем мне шьют свадебное платье? Я ведь не собираюсь замуж.

По ту сторону двери Олдрик вздохнул. В его голосе звучала почти отеческая нежность.

— Потому что в этом году Невестой урожая избрали тебя, Изольда.

Глава 2. Тринадцать ударов колокола

Голос за дверью звучал так же ласково, и от этого Изольду пробирало до костей. Изольда не отрывала взгляда от двери. В голове вертелись два слова: «Невеста урожая». Она даже ни с кем не была помолвлена. Не знала, кто жених. Так почему же для неё уже шили свадебное платье? Она ухватилась за спинку стула и несколько раз попыталась заговорить, но из горла не вырвалось ни звука.

Томас по-прежнему держал её за запястье, а другую руку выставил перед ней, стараясь защитить. Его ладонь взмокла от пота, а выглядел он ещё хуже прежнего. Когда Изольда наконец обрела голос, он отчаянно покачал головой. Она почти не заметила.

— Отец… вы уверены, что не ошиблись? Я ни на какую свадьбу не соглашалась. Мне вообще о ней никто не говорил. Вы шутите, что ли?

Снаружи ненадолго замолчали. Судя по звуку, Олдрик вздохнул. Потом терпеливо ответил:

— Дорогая моя, Невесту урожая всегда выбирала деревня. Ты слышишь это с детства. Все надеются, что в нынешнем году праздник пройдёт удачно, и столько всего уже приготовлено для тебя. Понимаю, известие неожиданное. Конечно, тебе трудно сразу его принять. Отдохни сегодня, а завтра приходи в церковь. Тогда мы всё спокойно обсудим.

— Но я не хочу замуж! — По щекам Изольды побежали слёзы. Не обращая внимания на попытки Томаса её остановить, она подошла ближе к двери. — Отец, подождите! Хотя бы скажите, за кого я должна выйти! И где Агнес? Вы сказали, она в церкви. Почему не вернулась домой? Я хочу её увидеть. Прямо сейчас!

Томас оттащил её назад и шепнул, чтобы она замолчала. Изольда попыталась вырваться, и они вдвоём задели стул. Деревянные ножки резко заскребли по полу. Олдрик услышал шум. Чуть более строгим голосом он спросил, есть ли в доме кто-то ещё. Изольда умолкла.

— Томас тоже там, верно? — продолжил Олдрик, не дождавшись ответа. — Я знаю, мальчик всегда был к тебе привязан. Попроси его хорошенько за тобой присмотреть. И сегодня никому из вас больше не следует выходить. Возле лесной опушки происходили беспорядки, остальные уже разошлись по домам. Ложитесь спать.

Шаги Олдрика затихли на дорожке. Изольда дождалась, пока всё стихнет, и вырвала руку из хватки Томаса. Бросилась к двери, отодвинула засов и приоткрыла её. Дорожка была пуста. За изгородью тускло светилась лампа у соседей, но дорога к церкви тонула во тьме. На улице даже кошки не было.

— Он ушёл… — прошептала она и повернулась к Томасу. — Ты ведь слышал? Он сказал, что невеста — я. Томас, я даже не знаю, за кого должна выходить. Как они могут такое решать за меня? Ты всё это время знал? Поэтому весь день велел мне уехать?

Томас не ответил. Подошёл снова закрыть дверь и задвинуть засов. Изольда бросилась за ним и ухватила за рукав.

— Скажи хоть что-нибудь! Знал или нет? Ещё днём я рассказывала Элеоноре, как хочу увидеть море после праздника. Она даже подарила мне рисунок. А теперь они говорят о свадьбе и требуют завтра явиться в церковь. Что они со мной делают?

— Точно я узнал только сегодня днём, — сказал Томас, опустив голову, чтобы не встречаться с ней взглядом. — Я знал, что каждые тринадцать лет они выбирают девушку, но отец ни за что не хотел говорить, что с ней происходит. Я спрашивал не раз, пока он так меня не отчитал, что я перестал. Сегодня, когда отвозил деревянные рамы в церковь, услышал, как Эдвин сказал кому-то, что твоё имя уже внесено в список. Тогда и понял, что выбрали тебя.

Изольда смотрела на него сквозь слёзы. Только днём Эдвин хвалил её трудолюбие, а отец Олдрик ласково расспрашивал о книгах, которые она читала в детстве. Вспоминать их улыба-

ющиеся лица было тошно. Сколько людей она сегодня встретила на площади, сколько из них уже знали, что её ждёт, и всё равно улыбались как ни в чём не бывало?

— А Агнес? — спросила она сквозь рыдания. — Она знает? Утром завязала мне красную нитку и запретила куда-либо идти с отцом Олдриком. Значит, она что-то знает. Почему не рассказала? Мне двадцать четыре года. Почему она не может просто со мной поговорить?

Томас видел, как ей трудно дышать между всхлипами. Он потянулся вытереть слёзы с её щёк, но она отвернулась. Тогда подвинул стул, уговорил её сесть и принёс немного тёплой воды от плиты. Когда Изольда взяла чашку, руки так сильно дрожали, что вода пролилась на юбку. Она даже не попыталась её вытереть. Долго сидела с чашкой в руках и плакала.

— Мы её найдём, — наконец сказал Томас. — Но пообещай, что не влетишь сразу в церковь с криками на священника. Здесь слишком многие сделают всё, что он велит. Даже если устроишь скандал, никто тебе не поможет.

Изольда подняла опухшие, покрасневшие глаза.

— А что мне тогда делать? Просто позволить им выдать меня замуж? Томас, я даже не знаю, как выглядит этот мужчина! А вдруг он ужасный старик? Вдруг будет меня бить? Я ни на что такое не соглашалась. Разве это справедливо?

— Я не дам им тебя забрать. — Томас заговорил быстро, словно убеждал и себя, и её. — Карета, которую я одолжил, ещё за деревней. Найдём Агнес и уедем втроём. Она бывала в соседнем городе и знает там врача. По крайней мере, будет где пожить, пока не придумаем, что делать дальше.

Изольда вытерла лицо и через мгновение кивнула. Но родители Томаса оставались в Уичмире, а отцу была нужна его помощь в мастерской. Она тихо спросила, не пожалеет ли он, что помог ей.

— Вот об этом ты сейчас тревожишься? — Томас натянуто рассмеялся. — У меня самого душа в пятки ушла, а ты думаешь, что я потом буду делать. Давай сначала вытащим тебя. Отец из-за этого от меня не отречётся. Скорее всего, как следует отругает, когда вернусь. Тогда уж ты замолви за меня словечко.

Она всё ещё плакала, но его упрямая попытка пошутить вызвала слабый смешок. Изольда снова потёрла глаза.

— Невыносимый ты. Как вообще можешь шутить в такой момент?

Томас снял со стены её старое пальто и заставил переобуться в более крепкие ботинки. Они прикрыли огонь в очаге и вышли через заднюю дверь. Ночной ветер пробирал до костей. Не успели они далеко уйти, как Изольда задрожала и плотнее закуталась в пальто. Она следовала за Томасом мимо колодца, где несколько человек ещё разбирали деревянные рамы, оставшиеся после праздничных приготовлений. Люди тихо переговаривались, временами смеялись, будто в Уичмире ничего необычного не произошло.

За церковью Томас провёл её мимо кладбища. Старые надгробия кренились среди травы под странными углами, надписи почти стёрлись от многолетних дождей и ветров. В примыкавшем к церкви здании всё ещё горел свет. Два окна на первом этаже были плотно зашторены, возле двери караулил мужчина с фонарём.

Томас присел за низкой стеной и указал вперёд.

— Когда сегодня днём привозил сюда дерево, видел, как Агнес вошла в это здание с отцом Олдриком. Она была страшно расстроена. Вцепилась ему в рукав и долго что-то говорила. Я хотел подойти, но Эдвин велел возвращаться к работе.

При мысли, что Агнес там, Изольда начала подниматься. Томас схватил её за руку и показал на охранника. Она в досаде прикусила губу. Всё внутри требовало броситься через кладбище, но стоило вспомнить голос Олдрика у её дома, как колени слабели.

Они дождались, пока мужчина возьмёт фонарь и уйдёт, видимо, обходить площадь. Томас провёл Изольду между надгробиями к задней стене здания. Ощупывая стену, они нашли

окно, закрытое неплотно. Изольда встала на цыпочки и заглянула внутрь. Она различила лишь деревянный стол и груду белой ткани в углу.

— Агнес? — прошептала она в щель. — Агнес, ты там? Я уже дома! Ты меня слышишь?

Какое-то время в комнате стояла тишина. Затем по полу заскреб стул. Сердце Изольды подпрыгнуло. Она вцепилась в подоконник, почти готовая залезть внутрь. Наконец в тусклом свете свечи показалось знакомое лицо.

— Изольда?!

Агнес изумлённо уставилась на неё, затем поспешила к окну.

— Что ты здесь делаешь? Где Томас? Он тебя привёл? Господи, разве я не говорила тебе не ходить никуда после темноты?

— Агнес! — Услышав голос приёмной матери, Изольда снова разрыдалась. — Что ты здесь делаешь? Они говорят, в этом году невеста — я! Отец Олдрик приходил домой и сам мне сказал! Мне никто ничего не объясняет. Почему ты не рассказала? Я весь вечер до смерти боялась!

Агнес была бледной, её собственные глаза покраснели, словно она тоже плакала. Она протянула к Изольде руки, но поперёк окна проходили железные прутья. Удалось лишь схватить пальцы дочери через щель. Изольда заметила синяки на запястье Агнес и маленький разрыв на рукаве.

— Они тебя обидели? — потребовала она ответа. — Кто это сделал? Эдвин? Агнес, пойдём со мной! У Томаса карета. Можем уехать прямо сейчас. Открой дверь, я встречу тебя спереди!

— Тише! Говори тише! — Агнес тревожно оглянулась и крепче сжала её пальцы. — Слушай меня, Изольда. Не давай им надеть на тебя свадебное платье и не пей никакого вина, которое предложат в церкви. Что бы завтра ни говорили, не соглашайся. Особенно если отец Олдрик попросит повторять какие-то клятвы. Не произноси ни слова. Ты поняла?

— Конечно, я не соглашусь! Я ни за кого замуж не хочу! — Изольда была на грани отчаяния. — Но сначала выйди отсюда, пожалуйста. Мы дома поговорим. Умоляю, Агнес. Мне так страшно, когда ты здесь взаперти…

По лицу Агнес тоже текли слёзы. Она просунула руку между прутьями и коснулась дочерней щеки, но, прежде чем успела сказать что-то ещё, в комнате послышались шаги. Агнес встревоженно оглянулась. Она отпустила Изольду и велела ей уходить.

— Беги! Не дай им тебя увидеть! Томас, уведи её отсюда. Как можно дальше!

— Агнес!

Изольда снова потянулась к ней, но Томас уже услышал, как кто-то приближается с парадного входа. Он обхватил Изольду за талию и оттащил от окна. Она сопротивлялась так отчаянно, что едва не потеряла ботинок, но могла лишь смотреть, как Агнес исчезает в темноте комнаты. Внутри раздался мужской голос, затем повернулся ключ в замке.

Томас прикрыл Изольде рот ладонью и утащил её за кусты у края кладбища. Она рыдала ему в руку, дрожа, слёзы капали на костяшки пальцев. Лишь когда охранник с фонарём вернулся на пост, Томас осмелился отпустить её.

— Прости, — хрипло прошептал он. — Я знаю, как ты переживаешь. Но сегодня нам её не вытащить. Спереди охрана, а дверь заперта. Если попробуешь ворваться, они запрут тебя рядом с ней.

Изольда сидела на корточках в грязи, плечи тряслись. Он был прав. Но Агнес оставалась внутри, а от мысли о запертой двери больно сжималось сердце. Изольда невольно злилась на Агнес за то, что та столько всего скрывала, и тут же ненавидела себя за эту злость. Приёмная мать сама была напугана, однако первым делом предупредила её о свадебном платье и клятвах.

Они долго прятались среди могил. Когда люди поблизости разошлись, отправились обратным путём. Проходя через центр деревни, Изольда увидела, что площадь снова ярко осве-

щена. Несколько жителей развешивали свежие белые гирлянды. Вокруг деревянного помоста по кругу расставили тринадцать фонарей. Кто-то сверял их количество с листком бумаги, несколько женщин негромко пели вместе. Изольда остановилась перед фонарями, испугавшись этого зрелища.

— Томас, что они делают? Уже так поздно. Почему всё ещё украшают?

Томас проследил за её взглядом, лицо его напряглось.

— Завтра вечером — Ночное бдение с фонарями. Его всегда проводят перед праздником. Все поют у костра и молятся за Невесту урожая. Я в детстве ходил. Еды было полно, и нам разрешали играть до полуночи.

— А теперь?

Он долго смотрел на тринадцать фонарей.

— А теперь я не хочу даже приближаться к этому месту.

Больше она ничего не спрашивала. Крепко сжимая в кармане пальто рисунок побережья, Изольда шла за ним по тёмной улице. Вдалеке всё ещё пели. Мелодия была весёлой, похожей на детскую песенку, которую знал каждый ребёнок. Она слышала её бессчётное число раз, даже не задумываясь. Сегодня песня вселяла ужас.

У её дома Томас всё ещё пытался придумать, как подогнать карету с дороги за деревней. Изольда открыла дверь. Суп на столе остыл, а привычный передник Агнес висел на спинке стула. Глядя на него, она вдруг почувствовала, будто не была дома уже много лет. Даже такая обыденная вещь, как передник, вызывала слёзы.

— Томас, — тихо сказала она, когда он собрался уходить. — Ты ведь завтра вернёшься?

Он обернулся. При виде её опухших глаз лицо его смягчилось.

— Конечно. Приду с самого утра. Узнаем, что сможем, об Агнес, а я проверю карету. На ночь запри двери и никому не открывай. Если что-то случится, выбирайся через заднюю дверь и иди прямо в мастерскую отца. Поняла?

Она кивнула. Но когда он повернулся, окликнула его снова, поспешила вперёд и обняла. Рыдала так сильно, что едва могла говорить.

— Спасибо… Я не знаю, что делать. Не хочу замуж за незнакомого мужчину. Хочу домой. Хочу, чтобы всё опять было как раньше, с Агнес…

Томас на мгновение застыл, затем похлопал её по спине. Когда рыдания стали стихать, он вышел, убедившись, что она заперла за ним дверь.

Было очень поздно. Изольда умылась и легла, но сон не шёл. Она положила рисунок Элеоноры рядом с подушкой и долго разглядывала его при свече. Наконец усталость взяла верх, и она закрыла глаза. Сколько успела проспать, Изольда не знала, но потом услышала снаружи слабые шаги.

Подумав, что Томас вернулся, она села и прислушалась. Кто-то прошёл под её окном, словно босыми ногами ступал по сырой земле сада. Изольда затаила дыхание. Неизвестный остановился возле её спальни. Затем раздались два тихих стука. Тук. Тук. Изольда не ответила. Сквозь стекло донёсся знакомый голос.

— Изольда… открой дверь, дитя.

Он почти ничем не отличался от голоса Агнес, что у Изольды бешено заколотилось сердце. Она едва не сбросила одеяло. Но как только ноги коснулись пола, вспомнила: всего несколько часов назад приёмная мать была заперта в церкви. Снаружи не виднелось ни огонька, человеческого силуэта тоже не было. Держа подсвечник, Изольда осторожно подкралась ближе и заметила пять мокрых отпечатков пальцев на стекле. Они располагались странно высоко, почти у верхнего края оконной рамы.

— Агнес?.. — дрожащим голосом спросила она.

Никто не ответил. Спустя мгновение голос снова позвал её по имени — на этот раз гораздо ниже, чем прежде.

Изольда попятилась. Задула свечу, бросилась в постель и туго закуталась в одеяло. Она закусила край стёганого покрывала, стараясь не всхлипывать: вдруг существо за окном её услышит. Шаги стихли лишь тогда, когда небо начало светлеть. До самого утра она больше не осмелилась закрыть глаза.

Глава 3. Ночное бдение с фонарями

На следующее утро Уичмир жил как обычно. Изольда с трудом поднялась с постели: голова раскалывалась. Глаза опухли и болели. После вчерашних слёз она так измучилась, что даже причёсываться не было сил. Она подошла к окну и осторожно отодвинула штору. Земля в саду уже начала подсыхать. Изольда была уверена, что ночью кто-то ходил снаружи, но в грязи остались лишь несколько расплывчатых следов, по которым невозможно было понять, кто их оставил. Она подняла глаза к стеклу. Пять отпечатков пальцев всё ещё виднелись, хотя стали бледнее по мере того, как высыхала влага.

Она долго смотрела на них, затем решила найти Томаса. По крайней мере один человек ей верил и хотел помочь уехать. Но едва Изольда вошла на кухню, в парадную дверь постучали. Она вздрогнула всем телом и вцепилась в спинку стула. Только знакомый голос Элеоноры заставил её немного успокоиться.

— Изольда? Вы дома? Мы с Артуром проходили мимо и решили заглянуть!

Немного поколебавшись, Изольда открыла дверь, оставив цепочку на месте. Снаружи стояла Элеонора с небольшим пакетом свежекупленного хлеба. Артур держал кожаный футляр размером с чемодан, набитый фотографическими принадлежностями. Увидев её лицо, оба изумлённо замерли.

— Боже мой, что с вами? — Элеонора тут же шагнула ближе. — Глаза ужасно опухли. Вы не спали? Заболели?

Изольда собиралась притвориться, будто всё хорошо, но от такого искреннего участия на глаза сразу навернулись слёзы. Она выдавила улыбку и сказала, что ей приснился кошмар. Агнес не было дома, и сама она почти не спала. Элеонора нахмурилась и предложила помочь поискать Агнес. Артур спросил, не нужно ли послать за врачом.

— Правда, со мной всё хорошо. Надо только отдохнуть. — Изольда поспешно покачала головой, но тут не удержалась от вопроса: — А вы ночью хорошо спали? Ничего странного не слышали? Может, шаги под окном? Или кто-то звал вас по имени?..

Элеонора задумалась и сказала, что спала крепко, разве что после полуночи слышала на улице пение. А вот Артур поднял голову.

— Я кое-что слышал. Моя комната самая дальняя на верхнем этаже. Где-то около полуночи на заднем дворе гостиницы кто-то суетился. Похоже, люди таскали деревянные ящики. Я хотел спуститься посмотреть, что происходит, но потом услышал, как Марта с кем-то разговаривает, и решил не вмешиваться. А у вашего дома тоже что-то было?

Изольда не успела ответить. С другого конца улицы донёсся весёлый оклик. Марта шла вдоль домов с несколькими женщинами и раздавала маленькие цветочные венки. Увидев троих у двери, она широко улыбнулась и спросила, собираются ли они вечером на Ночное бдение с фонарями.

При упоминании вечернего собрания Элеонора просияла.

— Бдение фонарей? Это ваш традиционный праздник перед главным торжеством? Я как раз вчера о нём спрашивала! Как здорово, что мы сможем увидеть его сегодня.

— Конечно сможете! — Марта вручила ей белый венок. — На площади будет огромный костёр, песни, танцы и полно особых угощений. Обязательно приходите. Нашим гостям мы всегда особенно рады.

Артуру и Элеоноре она дала по узкой белой ленте, а затем отдельно спросила о Сэмюэле. Элеонора объяснила, что он ушёл с камерой рано утром. Услышал, что к северу от деревни есть старые дома, и захотел посмотреть. Марта улыбнулась и кивнула. Сколько же энергии у молодых людей! Когда вернётся, надо как следует его накормить.

Изольда стояла рядом, слушая этот знакомый весёлый голос. Ночной страх снова подбирался к ней. Когда Марта протянула руку, она невольно отступила на полшага. Рука Марты замерла.

— Что случилось, дорогая? Всё ещё устала после вчерашнего?

— Я… плохо спала, — тихо ответила Изольда. Потом спросила: — Марта, Агнес до сих пор в церкви? Она прошлой ночью так и не вернулась. Я хотела увидеться с ней, но… не знаю, когда отец Олдрик позволит.

— Ох, так она всё ещё не пришла? — Марта изобразила удивление. — Ну, может, в церкви ещё есть работа. Сама знаешь, что творится перед праздником. Все с ног сбились. Не волнуйся, дорогая. Агнес столько лет живёт в Уичмире. Да кто же с ней что-нибудь сделает?

Изольде стало холодно, но она сумела кивнуть. Артур молча стоял чуть поодаль и переводил взгляд с одной на другую, словно заметил неладное. Когда Марта ушла, он тихо спросил, не случилось ли что-нибудь с приёмной матерью Изольды.

Она открыла рот, уже почти готовая рассказать всё. Но заметила вдали нескольких жителей, подметавших дорогу. Все смотрели на них. Слова застряли в горле. Изольда не знала, поверят ли ей Элеонора и Артур. Хуже того, они могли пойти за объяснениями к отцу Олдрику, а это ещё больше поставило бы Агнес под угрозу.

— Сначала хочу поговорить с Томасом, — наконец сказала она. — Он кое-что знает. Если вечером пойдёте на площадь, пожалуйста, не ешьте всё подряд, что вам предложат. Особенно мясные пироги и рагу.

Элеонора уставилась на неё.

— Что? Почему?

Изольда посмотрела ей в глаза; ладони взмокли от пота.

— Я пока точно не знаю, но вчера ночью мне сказали, что с едой может быть что-то не так. Пожалуйста, пока просто поверьте мне. Я не хочу вас пугать.

Артур сразу посерьёзнел. Ещё вчера у него самого возникли сомнения насчёт мяса, и теперь он положил руку сестре на плечо, прежде чем та успела потребовать подробностей. Пообещал, что они будут осторожны. Элеонора была совсем сбита с толку, но Изольда так явно боялась, что и она согласилась.

Как только гости ушли, Изольда поспешила в мастерскую семьи Рид. Там она узнала, что Эдвин ещё утром вызвал Томаса чинить дорогу у въезда в деревню. Даже его отец не знал, когда он вернётся. При словах «въезд в деревню» Изольда вспомнила карету, которую одолжил Томас, и тревога усилилась.

Она пошла главной дорогой мимо пекарни и увидела впереди мужчин, перекатывавших огромные камни. Два воза с лесом перекрывали выезд из деревни. Эдвин руководил работами сбоку, пока несколько работников тащили толстые стволы деревьев прямо на дорогу. Изольда попыталась пройти дальше, но один из мужчин остановил её с улыбкой. Он объяснил, что ночью на склоне упали деревья. Дорога из Уичмира временно закрыта.

— Когда её снова откроют? — потребовала ответа она. — Мне очень нужно попасть в соседний город. Неужели сегодня никак нельзя уехать?

Работник пожал плечами. Не знает. Староста велел перекрыть дорогу, они и перекрывают. Изольда уже хотела расспросить его подробнее, но неподалёку заметила Томаса. Тот держал пилу и спорил с Эдвином. Она поспешила к ним. Прежде чем успела позвать Томаса, Эдвин обернулся и с обычным воодушевлением поприветствовал её.

— А, Изольда! Какими судьбами? Хорошо спала? Слышал, Агнес помогает в церкви. Смотри, будь осторожна одна дома.

Глядя на него, Изольда вдруг почувствовала, что вести вежливый разговор почти невозможно. Она заставила себя говорить спокойно и спросила, зачем он перекрыл дорогу, по которой ещё вчера можно было свободно проехать.

Эдвин всё улыбался, объясняя, что почва на склоне размокла, ночью свалилось большое дерево, а рабочие теперь расчищают завал. Он даже поинтересовался, не хотела ли Изольда купить что-то за деревней. Пусть только скажет, что нужно, и он всё достанет. Ей самой незачем куда-либо ехать. Томас всё это время стоял рядом, молча.

Лишь когда другой работник позвал Эдвина, Томас подошёл. Тихо рассказал, что карета, оставленная им за деревней, исчезла. Ранним утром кто-то позвал кучера помочь с перевозкой дерева. Когда Томас пришёл, и карету, и лошадей уже забрали.

— Я спросил, в чём дело. Эдвин говорит, на время праздника все кареты должны возить припасы. — Томас крепче сжал рукоять пилы, с трудом сдерживая злость. — Я сказал, что сам одолжил именно эту карету. А он велел не вмешиваться, потом спросил, не собирался ли я кого-нибудь вывезти из деревни.

Изольду пробрал озноб.

— Он знает?

— Не знаю. Но нас могли видеть возле церкви прошлой ночью. Сегодня нельзя рисковать. Я придумаю другой способ. И что бы ты ни делала, одна в лес не ходи. Особенно после темноты.

Изольда посмотрела на дорогу, заваленную деревом и камнями. Глаза снова наполнились слезами. Она схватила Томаса за рукав, почти умоляя:

— А как же Агнес? Её всё ещё держат взаперти. Томас, кто-то всю ночь звал меня под окном. Голос был совсем как у неё. Я уже не знаю, что делать…

Томас побледнел. Некоторое время молчал, глядя на густой лес за Уичмиром.

— Ты открывала окно?

— Нет.

— Хорошо. — Голос был едва слышен. — Если ночью кто-то зовёт тебя с улицы, никогда не отвечай. Как бы знакомо ни звучал голос. Особенно если он доносится со стороны леса.

Изольда уставилась на него, собираясь спросить почему, но работник уже звал Томаса обратно. Она осталась у дороги одна. Возле деревянного указателя при въезде кто-то прибил новое объявление о ремонте, запрещающее выезд до особого распоряжения. Никогда прежде Уичмир не казался ей таким чужим.

* * *

Ночное бдение с фонарями началось ещё до заката. Посреди площади пылал огромный костёр, огонь лизал толстые поленья, и воздух над ними дрожал от жара. Жители собрались в праздничных нарядах. Мужчины пили и разговаривали, женщины расставляли печёные яблоки, хлеб и огромные блюда с мясом на длинных столах, накрытых белыми скатертями. Дети бегали по площади с маленькими фонариками, а несколько стариков сидели возле колодца и тихо пели песню, знакомую Изольде всю жизнь.

Издали всё выглядело как обычное весёлое деревенское гулянье. Но все казались необычно счастливыми. Даже старуха, вечно жаловавшаяся на погоду, без конца улыбалась. По мере того как Изольда приближалась к площади, люди приветствовали её, спрашивали, особенно ли она взволнована сегодня, и обещали, что эту осень она не забудет никогда.

Она заставляла себя улыбаться в ответ, умирая от страха. Агнес так и не появилась. Томас обещал расспросить людей в церкви, но тоже не вернулся. Изольда вовсе не хотела идти на бдение, однако днём Марта явилась к ней домой с двумя женщинами и белой шалью, снова и снова настаивая, что она должна присутствовать. Изольда не осмелилась отказать прямо. Решила прийти и посмотреть, что будет.

Элеонора и Артур уже ждали у края площади, наблюдая, как Сэмюэл настраивает камеру. На нём было тёмно-коричневое пальто, на шее висела кожаная сумка с принадлежностями. Увидев Изольду, он энергично помахал ей.

— Изольда! Как раз вовремя! Идите, посмотрите. Сделал чудесные снимки. Скорей бы их проявить. Ваш праздник и правда великолепен. За весь день почти не присел. Полдня болтал с девушкой по имени Нелл. Говорит, потом может показать мне старую колокольню за церковью.

От слов «за церковью» сердце Изольды упало.

— Сэмюэл, лучше не ходите туда один. — Она поспешила к нему и понизила голос. — Ночью тропинки опасные, а часть старых зданий обрушилась. Если хотите снимки, нельзя ли сходить завтра, при свете дня?

Сэмюэл рассмеялся и отмахнулся от её забот. У него камера и лампа — что может случиться? К тому же Нелл выросла в Уичмире. Она знает старые постройки лучше всех и уж точно не заблудится. Артур, услышав их, нахмурился и предложил всем остаться на площади: уже темнело.

— Почему вы все такие нервные? — Сэмюэл засмеялся. — Мне не три года. Хочу только пару снимков сделать. Что может пойти не так?

Элеонора тоже собиралась его урезонить, но с другой стороны толпы подошла Нелл. На ней было простое голубое платье, в руке — небольшой фонарь. Увидев Сэмюэла, она застенчиво улыбнулась.

— Мистер Прайс, вы ведь хотели посмотреть старую колокольню? Я поговорила с миссис Беллами. Она говорит, сегодня эту часть церкви никто не использует, так что я могу вас провести. Только лучше поспешить. Бдение скоро начнётся.

Сэмюэл тут же оживился. Он прижал камеру к груди, победно подмигнул Элеоноре и Артуру и пообещал вернуться максимум через полчаса. Затем пошёл за Нелл по узкой дорожке за церковью.

Изольда проводила их с тяжёлым сердцем. Она раздумывала, не пойти ли следом, когда к ней подошла Марта с огромным блюдом нарезанного мяса. Улыбаясь, она приглашала всех поближе к костру.

— Милая, чего ты всё стоишь? Тебя все ждут! Пойдём. Сегодня печёные яблоки, твои любимые. Я два самых больших специально для тебя отложила.

Изольда поспешно отказалась, сказав, что не голодна. Марта удивилась, потом стала уговаривать её съесть хотя бы немного. Не дело молодой девушке ходить с кислым лицом в такой счастливый день, говорила она. Изольда раздражалась всё сильнее, но спорить не решалась. Взяла яблоко и направилась к центру площади. Немного спустя зазвонили церковные колокола.

Разговоры понемногу смолкли. Эдвин Харкер поднялся на деревянный помост с бокалом вина в руке. Он поблагодарил жителей за работу по подготовке праздника и особенно поприветствовал троих приезжих. Услышав имя Сэмюэла, Изольда невольно поискала его в толпе, но нигде не увидела.

Элеонора тоже оглядывалась. Она тихо спросила Артура, давно ли Сэмюэл ушёл. Артур достал карманные часы и нахмурился. Прошёл почти час.

Затем со стороны церкви появился отец Олдрик. За ним шли несколько жителей с белыми фонарями. На нём была всё та же безупречно опрятная чёрная сутана, на лице — всё та же добрая улыбка. Толпа расступалась перед ним. Несколько детей бросились вперёд, желая потрогать рукава, но родители мягко оттянули их назад. Олдрик подошёл к костру и поднял руку, призывая к тишине.

— Друзья мои, прошло тринадцать лет, и настала новая жатва. Уичмир по-прежнему в безопасности. В амбарах достаточно зерна, чтобы прокормить нас, дети растут крепкими, а беды внешнего мира не коснулись наших домов. Сегодня мы почтим традиции, оставленные предками, и помолимся о предстоящей свадьбе.

Вокруг склонились головы. Стоя рядом с Элеонорой, Изольда едва могла дышать. Несколько женщин с белыми гирляндами собрались у помоста. Эдвин вынул толстую старую

книгу записей и открыл на нужной странице. Неизвестно как Марта уже оказалась за спиной Изольды. Она положила ладонь ей на плечо и мягко подтолкнула вперёд.

— Я не хочу… — Изольда попятилась, голос дрожал. — Марта, я не хочу туда подниматься. Я всё ещё не нашла Агнес. Позвольте мне хотя бы сначала увидеться с ней.

Улыбка Марты не дрогнула.

— Не волнуйся, дорогая. Сегодня только Бдение фонарей. Никто не собирается женить тебя этим вечером. Все просто хотят благословить тебя. Им будет обидно, если продолжишь от них прятаться.

Изольда попыталась снова возразить, но вокруг уже захлопали. Эдвин улыбнулся и помахал ей с помоста. Несколько женщин, знавших Изольду с детства, радостно выкрикнули её имя. Голоса звучали со всех сторон, пока она почти не перестала различать, кто говорит.

— Изольда! Поднимайся, дорогая!

— Ой, смотрите, какая скромница!

— Какая же у нас в этом году красавица-невеста!

— Ну иди же! Не бойся. Мы все ждём!

Элеонора ошеломлённо смотрела на толпу, потом повернулась к Изольде.

— Погодите. Эта невеста, о которой они говорят… Они ведь не вас имеют в виду?

Изольда взглянула на неё, и глаза наполнились слезами.

— Элеонора, я ни на что не соглашалась. Не знаю, зачем они это делают. Я даже не знаю, кто должен стать моим мужем, а теперь хотят поставить меня туда. Я не хочу замуж. Я хочу домой…

Улыбка исчезла с лица Элеоноры. Она сразу взяла Изольду под руку, попросила не плакать и пообещала остаться рядом. Подошёл и Артур. Встав рядом с женщинами, он вежливо объяснил Марте, что Изольда плохо себя чувствует, поэтому сегодня ей не следует подниматься на помост. Улыбка Марты сделалась натянутой.

— Мистер Уитби, это старинная традиция нашей деревни. Вы приезжий и, возможно, не всё понимаете. Изольда здесь выросла. Её все любят. Никто никогда её не обидит. Мы просто просим принять благословение. Незачем поднимать такой шум.

Артур не отступил. Он говорил по-прежнему учтиво, но настаивал, что, если Изольда не хочет идти, принуждать её нельзя. Несколько жителей перестали хлопать. Среди прежде весёлой толпы повисла неловкая тишина. Олдрик заметил переполох.

Он спустился с помоста и подошёл к Изольде. Сначала ласково спросил, нездорова ли она, затем взял за руку. Она попыталась выдернуть ладонь, но он лишь немного крепче сжал пальцы. Кожа была пугающе холодной, как тогда, когда он коснулся нитки на её запястье.

— Дитя моё, почему ты плачешь? — добродушно спросил он. — Посмотри, как все за тебя волнуются. Сегодня нужно лишь постоять у костра и принять благословения жителей. У нас ещё много времени на свадебные приготовления. Пока не стоит обо всём этом тревожиться.

Изольда покачала головой, плача.

— Но я не соглашалась, отец. Я не хочу замуж. Пожалуйста, можно мне сначала увидеть Агнес? Её до сих пор нет дома, я так за неё беспокоюсь.

Олдрик молча посмотрел на неё, прежде чем тихо ответить:

— Агнес сегодня была очень расстроена. Я распорядился, чтобы за ней присмотрели. Не тревожься. Завтра ей станет лучше. И то, что ты боишься свадьбы, совершенно естественно. Сегодня мы не просим тебя ничего решать.

Он отпустил её руку и с улыбкой повернулся к жителям. Объявил, что их невеста чувствует себя нездоровой, поэтому сегодня ей необязательно подниматься на помост. Люди сочувственно закивали. Несколько человек подошли утешить Изольду и попросили не доводить себя волнением до болезни.

Но облегчения она не почувствовала. Платье, свадьба, благословения — обо всём уже решили без неё. Словно никто даже не услышал отказа.

Церемония возобновилась. Тринадцать фонарей один за другим поставили вокруг костра. Жители выстроились длинной очередью, по очереди зажигали свечи и ставили их внутрь белых гирлянд. Несколько стариков запели, дети тихонько присоединились. Изольда знала эту песню с малых лет. В словах говорилось о лесе, жатве и возвращении весны, и она всегда считала её красивой. Теперь от этой мелодии по спине бежал холод.

Элеонора оставалась с ней, пока Артур ходил через площадь искать Сэмюэла. Он вернулся обеспокоенным. Никто из тех, кого он спрашивал, будто бы не видел их друга. Нелл тоже не помогала в гостинице, но Марта уверяла, что Сэмюэл наверняка ушёл куда-нибудь фотографировать и скоро вернётся. Костёр постепенно догорал. Жители принялись убирать посуду. Сэмюэла всё не было.

Нетерпение Элеоноры сменилось тревогой. Она снова и снова смотрела на карманные часы, а потом схватила брата за руку. Голос её повысился.

— Артур, его нет уже больше трёх часов! Темно хоть глаз выколи, дорог он не знает. Не может же он до сих пор фотографировать. Ты сам говорил, что старые здания опасные. Мы должны его найти!

Артур кивнул и попросил её постараться не паниковать. Он собирался попросить у Эдвина фонари и несколько помощников, чтобы обыскать дорожку за церковью. Изольда сразу предложила пойти вместе с ними. Она вспомнила, как Сэмюэл перед уходом упоминал старую колокольню, и тревога усилилась. Они только дошли до узкой тропинки рядом с церковью, когда из темноты медленно вышла Нелл. Одна. Подол голубого платья был забрызган грязью, лицо побледнело, шагала она так, будто ноги вот-вот подогнутся. Элеонора бросилась к ней.

— Нелл! Слава богу! Наконец мы вас нашли. Где Сэмюэл? Вы ведь повели его фотографировать? Почему он не вернулся с вами?

Нелл застыла как вкопанная. Посмотрела сперва на Элеонору, затем на Артура и, наконец, на Изольду. В её глазах стоял такой страх, что она, казалось, вот-вот расплачется.

— Я… я не знаю.

Элеонора уставилась на неё.

— Как это не знаете? Вы же ушли вместе!

Нелл опустила голову и так крепко сжала ручку фонаря, что костяшки пальцев побелели.

— Я отвела его к колокольне. Он сказал, что хочет ещё немного поснимать один, и велел мне возвращаться. Я правда не знаю, куда он пошёл.

Артур нахмурился и спросил, была ли у Сэмюэла при себе камера и говорил ли он, какой дорогой собирается вернуться. Нелл отвечала обрывками, и подробности никак не складывались. Изольда заметила грязь на её юбке.

— Нелл, вы упали? Почему у вас платье такое грязное?

Нелл опустила глаза, заметно разволновавшись ещё больше.

— Было темно. Я в грязь наступила… Мне пора. Миссис Беллами меня ждёт.

Она поспешно прошла мимо, не дожидаясь ответа. Даже когда Элеонора окликнула её, не обернулась. Артур проводил её мрачным взглядом.

— Надо найти Эдвина. Сейчас же.

Элеонора была на грани слёз. Она вцепилась в руку Изольды и дрожащим голосом сказала:

— Этот идиот Сэмюэл… А вдруг заблудился? Так темно, в лесу дикие звери. Почему он не мог просто остаться на площади со всеми?

Предупреждение Томаса прошлой ночью снова прозвучало в памяти Изольды. Она посмотрела вдоль дорожки, уходившей мимо церкви к деревьям. Далеко впереди ещё сияли несколько фонарей. Их красно-золотые огоньки перемещались между стволами, словно кто-то

уносил их всё глубже в лес. И тут она заметила сумку Сэмюэла с фотопринадлежностями под каменными ступенями у заднего входа в церковь. Пряжка была сломана, а один угол измазан мокрой грязью.

Элеонора заметила её первой, бросилась к ступеням и прижала сумку к себе. Расстегнула. Объективы, футляры для плёнки и несколько мелких инструментов остались внутри. Пропал только сам Сэмюэл.

— Артур… — Элеонора подняла глаза, и голос наконец сломался. — Он никогда бы не оставил здесь камеру. Ты же знаешь. Он даже за едой держит её так, чтобы видеть. С ним что-то случилось.

Артур подошёл и обнял сестру за плечи. Затем поднял взгляд к старой колокольне, черневшей на фоне неба. Вдали вдруг зазвонили церковные колокола. Раз. Два. Три. На тринадцатом ударе где-то в лесу раздался короткий крик. Он почти сразу оборвался.

Все трое повернулись на звук, но видели лишь свет фонарей между деревьями. На площади жители по-прежнему пели. Несколько детей даже смеялись и играли у костра, словно никто другой не услышал крика. Элеонора прижала сумку с камерой к груди, лицо её стало бескровным.

— Вы… вы это слышали?

Изольда кивнула. Артур крепче сжал трость, которую держал в руке, его лицо застыло от тревоги.

— Слышал. Мы должны его найти. Немедленно.

Глава 4. Пропавший гость

— Сэмюэл!

Элеонора стояла, прижимая к себе его камеру, и кричала в темноту между деревьями, пока не охрипла. Крик быстро оборвался, но она расслышала его совершенно ясно. Там кого-то ранили. Приподняв подол, она бросилась по раскисшей земле, но Артур схватил сестру за руку и потребовал, чтобы та взяла фонарь. Иначе она потеряет тропинку, едва войдёт в лес.

— Артур, отпусти! Сэмюэл ещё там! Ты тоже его слышал. Он мог пораниться или куда-нибудь упасть. Мы не можем просто стоять! — Элеонора почти плакала, пытаясь вырваться. — Только сегодня днём он обещал угостить нас выпивкой, когда закончит фотографировать. А теперь исчез, и даже камера осталась. Как я, по-твоему, должна успокоиться?

Артур не отпускал её. Голос стал строже обычного.

— Я не говорю, что не нужно его искать! Но мы даже не знаем, где он. Что будет, если ты одна бросишься в лес и тоже потеряешься? Элеонора, пожалуйста, хоть раз меня послушай. Найдём людей, которые знают эти места, и возьмём с собой.

Изольда шла следом с лампой, позаимствованной на площади. Колени подкашивались. Она всё вспоминала весёлое обещание Сэмюэла скоро вернуться, и каждый раз становилось страшнее. Вчера Томас предупреждал её насчёт еды в гостинице, а Агнес она видела запертой за церковью. Этого уже хватало для ужаса. А теперь живой человек исчез почти у них на глазах. Изольда боялась даже представить, что может случиться дальше.

Не успели они дойти до церкви, как встретили Эдвина, собиравшегося уйти с площади. Староста всё ещё держал наполовину полный бокал вина. Когда Артур объяснил случившееся, улыбка постепенно исчезла с его лица. Эдвин позвал нескольких молодых мужчин и велел взять фонари и верёвки.

— Ох, какая беда! Как же такое могло случиться? Что понесло мистера Прайса к старой колокольне в такую позднюю пору? Каменные ступени там много лет как разрушены. Даже мы, местные, обходим её стороной. — Эдвин раздавал указания на ходу, затем повернулся к Элеоноре с выражением глубокого сочувствия. — Мисс Уитби, пожалуйста, не терзайтесь. Наши люди знают этот лес. Мы сделаем всё, чтобы вернуть его.

Элеонора тут же поблагодарила его, радуясь, что наконец кто-то готов помочь. А Артур заметил кое-что ещё. Спросив имя, возраст и приметы Сэмюэла, Эдвин зачем-то уточнил, на сколько ночей трое гостей собирались остаться в Уичмире. Артур нахмурился, но ответил, что они забронировали четыре ночи. И настоял, что тоже пойдёт на поиски.

— Разумеется, — любезно ответил Эдвин. — Только, когда окажемся в лесу, вы должны слушаться наших людей.

Через несколько минут у задней двери церкви появились жители с фонарями. Один пошёл впереди, остальные двинулись вдоль старой каменной стены в сторону деревьев. Изольда хотела идти с ними, но, когда они проходили мимо кладбища, Томас остановил её.

Он присоединился к поискам незаметно для неё. На плечах висело старое пальто, в руке был фонарь. Увидев Изольду среди людей, он потемнел лицом.

— Что ты здесь делаешь? Разве я не велел тебе сегодня сидеть дома? Изольда, ты вообще понимаешь, насколько всё опасно? Я только вернулся от въезда в деревню, как услышал, что пропал гость. Сразу пришёл. А ты уже успела добраться за церковь!

Она и так была перепугана, а тут ещё выговор. Слёзы снова подступили к глазам.

— Думаешь, я сама хотела сюда идти? Сэмюэл пропал! Он пошёл фотографировать с Нелл, но Нелл вернулась одна, а его камера осталась. Элеонора места себе не находит. Как я могла сделать вид, что ничего не слышала?

Томас какое-то время смотрел на неё, затем беспомощно вздохнул. Набросил своё пальто ей на плечи и велел не выходить за пределы света фонарей. Изольда не собиралась спорить. Она поспешила за остальными к колокольне.

Башня стояла за церковью, стены обросли плющом и частично обвалились. Жители прочёсывали тропинки, время от времени выкрикивая имя Сэмюэла. Артур держал фонарь у самой земли, высматривая свежие следы или признаки того, что кого-то волокли. Элеонора звала и звала, пока почти не потеряла голос, но отказывалась остановиться и отдохнуть.

Томас с Изольдой обошли башню сзади. Там она заметила несколько перепутанных цепочек следов. Одна явно была крупнее остальных, с глубокой поперечной полосой на подошве. Изольда присела рассмотреть её, вспомнила ботинки Сэмюэла, которые видела днём, и позвала Артура.

Он почти сразу узнал отпечаток. Они с Сэмюэлом часто путешествовали вместе, и Артур знал, что подошву одного ботинка другу однажды меняли; после ремонта осталась характерная горизонтальная отметина. Но дальше следы исчезали в перепаханной грязи. Несколько менее чётких отпечатков вели к закрытой боковой двери башни. Артур толкнул её, однако она была крепко заперта.

— Этой дверью кто-нибудь пользуется? — спросил он у жителя, который вёл группу.

Мужчина покачал головой. Колокольня заброшена много лет, сказал он. Лестница внутри разрушена, и ходить туда незачем. Когда Артур спросил о ключе, мужчина заявил, будто тот давно потерян. И стал убеждать не тратить время: Сэмюэл мог уйти другой тропой, глубже в лес.

У Элеоноры лопнуло терпение.

— Вы сказали, он мог упасть в башне. А теперь говорите, что войти нельзя. Где нам тогда искать? Пожалуйста, хватит говорить бесполезные вещи, найдите его!

Житель смутился и поспешил пообещать, что они обыщут лес дальше. Артур остался на месте. Присев возле двери, он провёл пальцами по металлической накладке вокруг замка. Пыли на ней почти не было, а края замочной скважины покрывали свежие царапины.

— Эту дверь недавно открывали, — тихо сказал он Томасу.

Томас взглянул на замок и нахмурился. Он быстро огляделся. Неподалёку Эдвин руководил остальными. Видимо, заметив их у двери, он подошёл с фонарём.

— В чём дело? Что-нибудь нашли?

Артур поднялся и указал на замок.

— Мистер Харкер, вы сказали, зданием не пользовались много лет. Но к этой двери явно кто-то подходил. Нельзя ли найти ключ? Мы хотим осмотреть её изнутри.

Осматривая замок, Эдвин натянуто улыбнулся. Коснулся железа и предположил, что во время подготовки к празднику кто-то мог недавно пройти здесь. Но внутри опасно, и он никак не может позволить гостям рисковать собой. Артур уже собирался настоять, когда с другой стороны леса раздался крик: кто-то что-то нашёл. Элеонора бросилась на голос. Когда остальные догнали её, они обнаружили на земле тёмную шляпу.

На полях была грязь, а внутри — маленькая латунная застёжка, которой всегда пользовался Сэмюэл. Элеонора подняла шляпу и едва не упала. Артур подхватил её и спросил, нашлись ли другие следы. Жители ответили, что обыскали всё вокруг и больше ничего не обнаружили.

— Куда он делся? — Элеонора прижала шляпу к груди, голос неудержимо дрожал. — Артур, мне так страшно. Сэмюэл бывает беспечным, но никогда бы не бросил и камеру, и шляпу. С ним что-то случилось. Мы должны продолжать поиски.

Артур сжал плечо сестры и попросил Эдвина не останавливать поиски. Но староста посмотрел на густеющую темноту. Дальше начиналась самая опасная часть леса, объяснил он,

туда даже местные ночью не ходят. Нужно вернуться в деревню, отдохнуть, а на рассвете искать дальше.

Элеонора уставилась на него.

— Что вы сказали? Ждать до утра? Мы даже не знаем, где он! А если он ранен? Что с ним будет за эту ночь?

Эдвин снова и снова успокаивал её. Он обещал оставить несколько мужчин у начала тропы, чтобы те сразу сообщили, если Сэмюэл сам выберется. Элеонора всё ещё протестовала, когда со стороны церкви подошёл Олдрик с фонарём. Он ласково посоветовал ей вернуться в гостиницу и отдохнуть, добавив, что возглавит молитву жителей о пропавшем госте.

Артур повернулся к священнику. Раз колокольня стоит так близко к церкви, не знает ли тот, где хранят ключ от боковой двери? Олдрик выслушал, помедлил и с сожалением покачал головой. Башня заброшена с давних времён, сказал он. Ключ, вероятно, потерялся много лет назад.

Он говорил так легко и участливо, что казался искренне обеспокоенным судьбой Сэмюэла. Изольда стояла рядом и смотрела, как он спокойно распоряжается сопроводить Элеонору обратно в гостиницу, чувствуя всё более сильный холод с каждым его словом.

Агнес до сих пор была заперта где-то внутри этой церкви. А вдруг туда же увели Сэмюэла? Неужели все жители Уичмира будут просто притворяться, будто ничего об этом не знают?

На следующее утро Элеонора первым делом отправилась к дому Эдвина. Она почти не спала, глаза опухли, даже волосы толком причесать не успела. Артур пошёл с ней. Они потребовали немедленно организовать новые поиски и, если понадобится, вызвать полицию из соседнего города. Эдвин охотно согласился. Даже предложил написать письмо, чтобы кучер отвёз его. Но к полудню письмо так и не покинуло деревню.

Когда Артур пришёл на конюшню узнать почему, выяснилось, что всех лошадей отправили возить поваленные деревья. Несколько кучеров сидели во дворе, попивая чай. На просьбу дать транспорт все покачали головой. Дорога перекрыта; карете ни за что не проехать. Артур смотрел то на одного, то на другого, и лицо его становилось суровее.

— Если карета не проедет, отправьте всадника. Я заплачу. Кто доставит это письмо в соседний город, получит хорошее вознаграждение.

Один из мужчин явно заинтересовался и уже открыл рот, но другой положил руку ему на плечо и с улыбкой ответил вместо него.

— Ах, сэр, возможно, вы не слышали. На склоне вчера ночью сошёл ещё один небольшой оползень. Даже верхом небезопасно. Староста уже послал людей расчищать дорогу. Дайте нам ещё денёк.

Артур не стал спорить. Убрал деньги в карман и вернулся в гостиницу, твёрдо решив, что больше полагаться на жителей нельзя. Придя, он застал Марту за уборкой комнаты Сэмюэла.

Чемодан Сэмюэла уже стоял у двери. Одежда была аккуратно сложена внутри, на кровати лежало свежее бельё. Элеонора стояла посреди комнаты, глядя на всё это, мертвенно-бледная.

— Марта, что вы делаете? Сэмюэл пропал. Он не выезжал из гостиницы! Почему вы собираете все его вещи?

Марта испугалась такой вспышки. Поспешила объяснить, что лишь хотела подготовить приятную комнату к его возвращению. Но Элеонора и слушать не желала. Она затащила чемодан обратно к кровати и даже хотела заменить подушку, которой касалась Марта.

— Не трогайте его вещи! Пожалуйста! Он пропал только вчера вечером. Как вы можете уже освобождать комнату? А если он вернётся и не найдёт багажа?

Улыбка Марты дрогнула, хотя она продолжала мягко уверять, что хотела как лучше. Войдя, Артур увидел Нелл в дальнем конце коридора. В руках у девушки было ведро с водой. Лицо почти лишилось красок. Он сразу подошёл и спросил, куда именно она водила Сэмюэла вчера ночью.

При звуке его имени ведро дёрнулось в руках Нелл, вода пролилась на пол. Не поднимая головы, она запинаясь повторила прежнее объяснение. Только показала гостю место возле колокольни. Сэмюэл хотел ещё фотографировать, поэтому она вернулась одна.

Артур долго разглядывал её, потом спросил:

— Нелл, вы знали, что у Сэмюэла очень дорогая камера? Он так её любил, что даже во сне держал у кровати. Когда вы вчера расстались, он кому-нибудь её отдал?

Нелл побледнела ещё сильнее.

— Я… я не знаю.

— Не знаете?

— Сэр, у меня правда дела… — Голос Нелл становился всё тише, глаза наполнились слезами. — Пожалуйста, больше не спрашивайте. Миссис Беллами меня отругает, если увидит, что я отлыниваю от работы.

Она поспешно ушла с ведром, так и оставив пролитую воду на полу. Артур проводил её взглядом, уверенный, что девушка что-то скрывает об исчезновении Сэмюэла. Но в гостинице всегда кто-нибудь находился из домашних Марты. Найти место, где можно поговорить с Нелл наедине, было непросто.

Изольда узнала, что комнату Сэмюэла начали освобождать, только после полудня. Она шла к церкви искать Агнес, когда Артур остановил её. Он выглядел ещё более измученным, чем вчера: глаза налились кровью, воротник был растрёпан. Он тихо попросил об одном одолжении, о котором предпочёл бы не сообщать Марте. Услышав его план, Изольда широко раскрыла глаза.

— Вы хотите посмотреть старые гостиничные книги с именами постояльцев? Но Марта держит их под замком. Даже Нелл не разрешает трогать. Если поймает, страшно рассердится!

— Знаю. — Артур устало потёр лоб. — Но Сэмюэл исчез, староста всё откладывает отправку письма за пределы деревни, а Марта уже пытается освободить его комнату. Не могу избавиться от чувства, что они знают больше, чем говорят. Изольда, если вам слишком трудно, забудьте мою просьбу.

Изольда вспомнила пропавших путников, о которых Томас рассказывал прошлой ночью. Долго колебалась, но согласилась. Марта каждый день после полудня уходит на площадь помогать с подготовкой к празднику, объяснила она. В глубине гостиницы есть маленькая кладовая, где обычно хранят старые книги учёта. Если Артур хочет заглянуть в них, лучше сделать это, пока хозяйки нет.

Артур поблагодарил её и поспешил обратно всё подготовить. Изольда продолжила идти вдоль наружной стены церкви, надеясь узнать, не отпустили ли Агнес, пока жители заняты праздничными хлопотами. Но теперь комната за тем окном, где она видела Агнес прошлой ночью, была пуста.

Там всё тщательно убрали. На столе стояла новая свеча, а белую ткань из угла аккуратно сложили на шкаф. Стоя снаружи у окна, Изольда почувствовала подступающую панику. Она не имела ни малейшего понятия, куда увели Агнес. Ещё хуже — боялась, что за их тайную встречу приёмную мать могли наказать.

— Агнес… — прошептала она, затем ещё сильнее понизила голос: — Куда же они тебя увели?

Она уже собиралась уйти, когда позади послышались шаги. Изольда резко обернулась и увидела Нелл в нескольких шагах от себя. Та несла корзину со свежевыстиранными простынями.

— Что ты здесь делаешь? — тихо спросила Нелл.

Изольда посмотрела на неё, и сквозь страх внезапно прорвалась злость.

— Могла бы спросить тебя о том же. Где Сэмюэл? Ты вчера пошла с ним, верно? Почему вернулась одна? Элеонора от беспокойства сама себя до болезни доводит. Не можешь сказать ей правду?

Нелл побелела. Оглянулась в сторону церкви, поспешила к Изольде, схватила за рукав и потянула в угол, скрытый выступом стены.

— Не говори так громко! Пожалуйста, Изольда, я правда не знаю, куда он потом пошёл. Я отвела его к колокольне только потому, что миссис Беллами велела. Она сказала, священник хочет поговорить с этим господином, а раз у него камера, может, он заодно сделает несколько снимков церкви.

Изольда уставилась на неё.

— Священник хотел встретиться с Сэмюэлом?

Нелл горячо закивала; в глазах уже собирались слёзы.

— Я хотела войти с ним, но мне велели вернуться. Сказали, женщинам нельзя заходить в задние комнаты без разрешения, и я послушалась. Когда добралась до площади, миссис Беллами отправила меня работать на кухню. Только когда вы все стали его искать, я поняла, что он так и не вернулся…

— Тогда почему ты не рассказала Элеоноре?

— Потому что испугалась! — Нелл разрыдалась. — Думаешь, мне не хотелось? Сегодня утром я попыталась спросить об этом священника, но Эдвин отвёл меня в сторону и приказал никогда больше не упоминать о вчерашнем вечере. Сказал, если заговорю, миссис Беллами выгонит меня. Мама и папа умерли. Куда мне тогда идти?

Изольда смотрела, как слёзы бегут по лицу Нелл, и не находила ответа. Девушка почти никогда не выходила из гостиницы и выполняла практически любое распоряжение Марты. Но Сэмюэл пропал, и Изольда не могла оправдать молчание Нелл одним лишь страхом потерять работу.

— Тогда хотя бы скажи, куда люди священника его увели. — Голос Изольды дрожал. — Внутри башни есть другие комнаты? Артур заметил, что боковую дверь вчера открывали. Ты должна знать, у кого ключ.

Нелл долго не решалась. Наконец прошептала:

— Под колокольней есть старый проход. Раньше по нему переносили вещи в церковь. Ключ есть у миссис Беллами и у Эдвина. Я однажды спускалась туда маленькой. Там было так страшно и темно, что больше ни разу не решилась.

У Изольды оставались вопросы, но со стороны главного входа в церковь вдруг донеслись шаги. Нелл подхватила корзину и поспешила прочь.

— Пожалуйста, никому не говори, что узнала от меня, — умоляла она на ходу. — Пожалуйста.

Изольда оставалась на месте, пока девушка не скрылась за каменной стеной. Затем ухватилась за ближайшее дерево, чтобы не упасть. Она пришла искать Агнес, а вместо этого узнала, что Сэмюэла, возможно, тоже увели в церковь. Глаза жгло от бессильного отчаяния.

* * *

В тот вечер Артур наконец добрался до старых гостевых книг. Пока Марта была на площади, они с Элеонорой проскользнули в кладовую в задней части гостиницы. Изольда сторожила снаружи, а Томас остался на заднем дворе под предлогом ремонта дверной рамы на кухне — чтобы при необходимости помочь. Никто из них не ждал многого, пока Артур не нашёл в нижней части шкафа несколько толстых книг.

Они сохранились поразительно хорошо. Записи охватывали десятилетия: имя, даты пребывания и расходы почти каждого постояльца. Артур быстро перелистывал страницы, изредка останавливаясь, чтобы проверить, не пропущены ли листы. Элеонора сидела рядом и выписывала имена, напротив которых не было даты отъезда. Чем больше писала, тем сильнее бледнела.

— Артур, посмотри… Тринадцать лет назад осенью здесь останавливались трое приезжих. Дата приезда есть, а когда уехали — ни слова. И на этой странице, двадцать шесть лет назад, как раз во время праздника, опять имена и дальше пустота.

Артур взял книгу и внимательно осмотрел.

— Кто-то мог просто забыть записать их отъезд.

— Тогда почему это случается только во время праздника? — потребовала ответа Элеонора. — Посмотри на эти страницы. В другие месяцы всё заполнено аккуратно. Только у этих людей нет даты отъезда. А здесь кто-то залил имя чернилами. Можешь разобрать?

Артур придвинул книгу к лампе. Имя было густо замазано, но фамилию ещё можно было едва различить. Рядом значилась стоимость проживания для троих, а ниже другим почерком добавлена крохотная строчка: «Счёт закрыт». При этом ни записи об оплате, ни отметки об отъезде не было.

Нахмурившись, Артур пролистал книгу назад и обнаружил ещё несколько похожих записей. Он уже собирался переписать нужные страницы, когда в дверь настойчиво постучали.

— Скорее! Марта вернулась! — крикнула Изольда.

Элеонора подскочила и едва не опрокинула чернильницу. Артур захлопнул книгу и убрал её обратно в шкаф, убедившись, что они не уронили ни одного листка. Они едва успели выйти из кладовой, когда услышали, как Марта здоровается с Томасом в другом конце коридора и спрашивает, закончил ли он чинить дверную раму.

Изольда стояла у входа на кухню с натянутой улыбкой и предлагала Марте помочь с любыми вечерними делами. Марта удивилась, увидев её, затем весело поручила нарезать хлеб. Каким-то образом их никто не поймал.

Когда Изольда отправилась домой, стояла непроглядная ночь. Томас собирался проводить её, но Артур отвёл его в сторону обсудить, что они будут делать завтра. Поэтому Изольда пошла одна по знакомой мощёной улице. Проходя мимо деревенского колодца, она услышала со стороны церкви глухой стук, будто кто-то под землёй колотил по каменной стене. Она остановилась прислушаться.

Звук то появлялся, то пропадал, то был тяжёлым, то едва различимым. Изольда уже собиралась поспешить дальше, когда ветер донёс неразборчивый человеческий голос:

— …Помогите мне…

Она оцепенела. Казалось, голос доносился из леса за церковью.

— Там кто-нибудь есть?.. Пожалуйста… помогите…

Сердце грохотало. Подумав о Сэмюэле, Изольда сделала два нерешительных шага на звук и позвала его по имени. В деревьях наступила тишина. Потом, спустя мгновение, голос вернулся:

— Изольда…

Она отшатнулась. Кто бы это ни был, он знал её имя. Вцепившись в корзинку, она развернулась и побежала домой. Голос преследовал её всю дорогу: то близкий, то далёкий, иногда похожий на плачущего мужчину, иногда — на женщину, тихо умоляющую о чём-то. Когда Изольда добралась до своей двери, руки так сильно дрожали, что ключ едва не выпал. Она сумела открыть замок, ворвалась внутрь и задвинула засов. Прислонившись к двери, тяжело дышала, пока не заболела грудь. Через долгое время медленно сползла на пол. За окном послышались слабые шаги. Потом голос заговорил снова:

— Изольда… открой дверь…

На этот раз он был неотличим от голоса Агнес. На глазах Изольды выступили слёзы, но подойти к окну она не смела. Зажала уши руками и свернулась клубком у двери, снова и снова шепча:

— Нет… пожалуйста, прекрати… Я знаю, ты не Агнес… ох, пожалуйста… хватит меня звать…

Голос ещё долго доносился снаружи и смолк лишь тогда, когда церковные колокола пробили полночь. Подняв голову, Изольда заметила маленькое мокрое пятно у нижнего края занавески. Дрожа, подкралась ближе. В свете свечи она разглядела на наружной стороне стекла длинный узкий отпечаток ладони. Пальцы были слишком длинными для человеческой руки.

Глава 5. Те, кто покинул деревню

С первым светом Изольда отправилась к Томасу. Она так и не спала, глаза сильно опухли, и она едва держалась на ногах. Перед выходом она заново завязала красную нитку, которую дала Агнес, и положила в корзинку кусочек хлеба и бутылку воды. Рисунок морского берега от Элеоноры по-прежнему лежал во внутреннем кармане пальто. Изольда так часто доставала его, что уголки измялись. Томас колол дрова за мастерской. При виде Изольды он от неожиданности выронил топор.

— Изольда? Господи, что с тобой случилось? Опять не спала? Я же говорил отдохнуть и перестать бродить одной!

Она схватила его за рукав, голос стал хриплым.

— Томас, мы должны уехать сегодня. Я опять слышала этот голос ночью. На этот раз он звал меня по имени. Преследовал до самого дома. Я даже окно открыть не решилась. Если не веришь, покажу. На стекле отпечаток ладони, а пальцы страшно длинные. Человек таких не бывает.

Выражение лица Томаса медленно изменилось. Он положил дрова, уговорил её сесть на скамью и принёс воды. Она держала чашку дрожащими руками. Когда рассказ закончился, он долго молчал. Наконец пообещал найти способ вывезти её, но им придётся дождаться Артура и Элеонору.

— Они тоже хотят уехать? — спросила она, подняв глаза.

— Артур говорил со мной вчера ночью. Он сегодня твёрдо намерен отправить известие наружу. Он не верит, что Сэмюэл просто забрёл в лес и исчез. И уж точно не верит, что староста столько времени ищет и не нашёл ни единой зацепки. Если выберемся вместе, хотя бы сможем попросить помощи в соседнем городе.

Впервые за утро в Изольде затеплилась надежда. Она спросила, нашёл ли Томас карету, но он покачал головой. Эдвин забрал под своё распоряжение все экипажи на конюшне, даже телегу, на которой отец Томаса перевозил лес. Единственный шанс теперь — пешком обойти старую мельницу и выйти на тропу к соседнему городу.

— По этой тропе ещё можно пройти?

— В детстве было можно. Отец несколько раз водил меня. Обходишь мельницу, переходишь старый каменный мост и с другой стороны выходишь на большую дорогу. Сейчас там, наверное, всё заросло, но, если стражу не поставили, должны пройти.

Изольда кивнула, затем вспомнила Агнес. Короткая надежда угасла. Уйти одной она не могла. Приёмную мать уже два дня держали в церкви, и Изольда даже не знала, цела ли та. Томас заметил её лицо и сказал, что ещё расспросит людей. Но если ситуация станет совсем опасной, Изольда должна бежать первой и привести помощь.

— Я знаю, ты не хочешь её оставлять. Но если останешься здесь, это её не спасёт. — Увидев, как её глаза наполняются слезами, он смягчил голос. — Я не предлагаю бросить её. Доберёмся до соседнего города, найдём людей, которые помогут, и вернёмся за Агнес. Разве она не просила меня увезти тебя вчера? Ты не можешь заставить её волноваться напрасно.

Изольда посмотрела на красную нитку на запястье. Через долгое время сумела кивнуть. Когда ближе к полудню в мастерскую пришли Артур и Элеонора, багажа у них было совсем мало.

Элеонора прижимала к груди камеру Сэмюэла, а в другой руке несла небольшую сумку с заметками. За одну ночь она страшно измучилась. Лицо побледнело, губы, обычно не умолкавшие ни на минуту, были плотно сжаты. Артур взял с собой имена и даты, которые переписал из гостиничных книг. Как только они выберутся, он собирался обо всём сообщить в полицию.

— Лучше отправиться, пока все заняты праздником, — сказал Артур, разворачивая карту на столе. Он указал на тонкую линию возле мельницы. — Томас говорит, здесь старый мост. Мы вообще обойдём главный выезд из деревни. Если выйдем сейчас, до темноты доберёмся до какого-нибудь жилья.

Но Элеонора едва могла вынести мысль об отъезде без Сэмюэла. Она сидела с его камерой на руках и резко подняла голову, когда брат заговорил о дороге.

— Артур, мы правда оставим его здесь? А вдруг он ещё жив? Прошлой ночью мне приснилось, будто он заперт в очень тёмной комнате, стучит в дверь и умоляет прийти. Понимаю, это всего лишь сон, но…

Артур опустился перед сестрой на колени и взял за руку.

— Я тоже хочу его найти. Но мы ищем уже два дня. Староста никого не отправляет в соседний город, а хозяйка гостиницы постоянно что-то скрывает. Мы даже не знаем, к кому обратиться за помощью. Если останемся, пока нас самих здесь не запрут, кто тогда будет спасать Сэмюэла?

Элеонора заплакала. Она провела пальцами по застёжке футляра с камерой, потом наконец кивнула. Глядя на неё, Изольда чувствовала себя ужасно. Всего несколько дней назад они счастливо болтали в гостинице. Элеонора звала Изольду посмотреть море, а Сэмюэл с невероятным воодушевлением нахваливал деревенскую еду. Теперь Сэмюэл пропал, даже обычно невозмутимый Артур выглядел измотанным, и все только и думали, как выбраться отсюда.

Подготовившись, они пошли по тропе за мастерской к старой мельнице. Томас хорошо знал окрестные поля. Он провёл их в обход площади и главных дорог, через поле, где пшеница уже была сжата. Изольда так нервничала, что пригибала голову всякий раз, когда замечала вдали кого-нибудь из жителей. Наконец добрались до мельницы — и обнаружили огромное упавшее дерево, перекрывшее путь к каменному мосту. Ствол был такой толстый, что загородил почти всю тропу. Рядом нагромоздили несколько валунов, ветви переломались и переплелись, словно дерево рухнуло совсем недавно. Томас остановился, мрачнея.

— Вчера этого дерева здесь не было.

Артур осмотрел ствол. Слом был удивительно ровным, поблизости валялось множество свежих опилок. Он коснулся среза и поднял взгляд на Томаса.

— Его кто-то спилил.

Томас присел осмотреть поближе. Лицо стало ещё мрачнее. Он с детства работал с отцом. Прямой срез и чёткие следы зубьев пилы сказали ему достаточно. Никакой ветер не свалил это дерево.

— Эдвин… — сквозь зубы выругался Томас. — Сволочь вчера выезд из деревни перекрыл, а теперь и сюда добрался.

Изольда ощутила, как остатки надежды исчезают. Она попыталась сдвинуть один из камней, но он оказался слишком тяжёлым. Элеонора пришла на помощь, однако вдвоём они сумели сдвинуть только самый маленький.

— А мы не можем через него перелезть? — Изольда говорила торопливо, почти в отчаянии. — Ну упало дерево, и что? Мы же можем обойти дерево! Томас, за ним ведь ещё есть дорога? Мы всё ещё можем выбраться, правда?

Томас осмотрел землю по обе стороны. Упавшие ветки раздавили подлесок. Справа склон резко обрывался вниз, слева стоял густой лес. Обходить придётся совсем вне тропы. Артур посмотрел на деревья, немного подумал и сказал:

— Давайте попробуем слева. Если будем держаться в сторону моста, сильно не отклонимся.

Томас хотел возразить, но Элеонора и Изольда ждали его решения. В конце концов он согласился. Попросил Артура идти последним, взял топор и повёл их сквозь ветви в лес.

Под кронами стало гораздо холоднее, землю покрывали мокрые скользкие листья. Изольда одной рукой подхватывала юбку, другой держалась за пальто Томаса и осторожно пробиралась вперёд. Когда ветка цеплялась за волосы, приходилось останавливаться и распутывать. Элеоноре было ещё труднее из-за камеры; несколько раз она едва не угодила в грязные лужи. Сначала издалека ещё доносился шум мельничного ручья. Потом исчез и он, остался только шелест ветра в листве. Артур остановился, посмотрел на карманные часы и поднял глаза к серому небу.

— Томас, сколько мы уже идём?

— Может, полчаса.

— Уверен, что мы на верном пути?

Томас нахмурился, глядя на покрытое мхом дерево впереди.

— Думаю, да. Когда я был мальчишкой, где-то тут проходила узкая охотничья тропка. По ней можно было выйти к каменному мосту. Но… странно. Почему мы до сих пор её не встретили?

Слушая его, Изольда всё больше паниковала. Она обернулась: путь назад уже скрывался за тесно стоявшими стволами. Больше нельзя было определить, откуда они пришли. Вцепившись в пальто Томаса, она тихо спросила, не заблудились ли они.

— Не бойся. Пройдём ещё немного, — сказал он. — Если всё равно не найдём тропу, повернём назад.

Он едва договорил, когда в глубине леса что-то хрустнуло. Все четверо остановились. Звук был похож на то, как кто-то наступил на сухую ветку. Артур крепче сжал трость и всмотрелся в деревья. Томас медленно поднял топор и жестом велел молчать. Через мгновение лес затих. Потом где-то вдали раздался знакомый голос:

— Элеонора?..

Элеонора резко вскинула голову.

— Сэмюэл?!

Она бросилась бы прямо на голос, если бы Артур не схватил её за руку. Зов повторился — страшно слабый, словно говоривший был тяжело ранен.

— Элеонора… помоги мне…

— Сэмюэл! Где ты? — По щекам Элеоноры хлынули слёзы. Она кричала в деревья. — Мы идём! Не двигайся! Сейчас будем!

Артур крепко держал сестру. Лицо его стало суровым. Он тоже узнал голос Сэмюэла, и всё-таки что-то в нём было неправильным. Казалось, звук доносится из очень далёкого места и одновременно неестественно близко, словно кто-то шепчет прямо возле уха.

— Элеонора, подожди, — тихо сказал он. — Не ходи никуда, пока мы не увидим, кто говорит.

Но Элеонора была слишком расстроена, чтобы слушать. Она продолжала звать Сэмюэла сквозь слёзы, пока снова не получила ответ:

— Я здесь… скорее идите…

Лицо Томаса резко изменилось. Он схватил Изольду за руку и велел Артуру уводить Элеонору назад.

— Уходим. Сейчас же. Перестаньте кричать!

Артур уставился на него.

— Что такое?

— Я сказал, уходим! — процедил Томас сквозь зубы. — С этим голосом что-то не так! Сэмюэл вчера пропал за церковью. Как он вдруг мог оказаться так далеко? И если ранен, откуда ему знать, какой дорогой мы пошли сегодня?

Элеонора качала головой и рыдала, уверяя, что это Сэмюэл, что она никогда не перепутает его голос. Но Изольда вспомнила существо за окном, звавшее её голосом Агнес. Волосы

на всём теле встали дыбом. Тут среди деревьев послышались быстрые шаги. Что-то неслось к ним, очень быстро.

Томас схватил Изольду за руку и бросился бежать. Артур перестал уговаривать сестру и наполовину тащил, наполовину нёс её обратно. За спиной шаги становились всё громче: сухие ветки трещали, низкие кусты ломались с грохотом. Ни один из этих звуков не напоминал человеческий бег.

Изольда уже через несколько мгновений задыхалась. Ботинки вязли в мокрой земле, ветки рвали юбку. Она слышала, как Элеонора позади кричит имя Сэмюэла, а Артур приказывает не оглядываться. Томас не отпускал запястье Изольды и протащил её сквозь заросли.

— Быстрее! Тропа уже впереди!

Изольда отчаянно кивнула и попыталась прибавить шагу. В этот миг за спиной лес разорвал жуткий вопль.

Высокий, пронзительный крик, будто кто-то закричал изо всех сил, а потом звук резко оборвали на половине. У Элеоноры подкосились ноги, Артур едва успел подхватить её. Они вместе вывалились из леса и остановились только тогда, когда снова увидели поваленное дерево у мельницы.

Изольда прислонилась к стволу, согнулась пополам и пыталась отдышаться. В груди болело. Ветки исцарапали руки, колени были в грязи. Томас стоял рядом, всё ещё сжимая топор, бледный, облитый холодным потом. Элеонора от слёз едва держалась на ногах.

— Артур… что это было? Я слышала, как Сэмюэл звал меня, точно слышала. Он был прямо там… Почему ты не пустил меня? А вдруг он и правда жив?

Артур ничего не сказал. Обнял сестру и нахмурившись смотрел в лесную глубину. Проследив за его взглядом, Изольда вдруг заметила мужчину, стоявшего среди деревьев.

Он был высоким, в длинном тёмном пальто, чёрные волосы спадали до плеч. Лицо скрывала тень, но светло-серые глаза ясно выделялись в полумраке. Испуганная Изольда схватила Томаса за руку.

— Томас… там кто-то стоит.

Томас резко обернулся. Мужчина оставался на месте. Он не приближался, лишь неподвижно смотрел на четверых, словно наблюдал за чужаками, случайно забредшими в его владения.

Увидев, что незнакомец одет вполне обычно, Артур поколебался, потом крикнул:

— Сэр! Простите! Мы заблудились. Вы не знаете дорогу в соседний город? Наш друг пропал. Будем очень благодарны за помощь!

Незнакомец ничего не ответил. Медленно перевёл взгляд на Изольду. Она не понимала почему, но эти бледные глаза казались знакомыми. Прежде чем сумела припомнить, мужчина отвернулся и пошёл по тропе глубже в лес. Томас дождался, пока тот совсем исчезнет из виду, затем взял Изольду за руку.

— Хватит смотреть. Возвращаемся.

— Но этот мужчина… — Изольда всё ещё всматривалась в деревья. — Он живёт в лесу? Я его раньше не видела.

Томас не ответил. Выглядел он хуже некуда. В конце концов все четверо вернулись в Уичмир.

У въезда в деревню их встретил Эдвин, наблюдавший за рабочими, осматривавшими дорогу. Он совсем не удивился, увидев их со стороны мельницы. Даже улыбнулся и спросил, не вышли ли они прогуляться. Артур отбросил любезности.

— Мистер Харкер, вы говорили, будто дорогу перекрыло дерево, упавшее от ночного ветра. Но дерево у мельницы явно спилили. Мы требуем немедленно расчистить путь или дать нам лошадей. Мы едем в соседний город заявить об исчезновении Сэмюэла. Его нет уже два дня. Вы не можете бесконечно просить нас ждать.

Улыбка Эдвина медленно погасла. Он посмотрел на Артура, затем на бледные лица Элеоноры и Изольды. Наконец посмотрел на Томаса.

— Томас, кто велел тебе вести их этой дорогой?

Томас встретил его взгляд.

— Они хотели уехать, я показал тропу. Если бы вы починили главную дорогу, нам не пришлось бы лезть в лес.

Эдвин несколько мгновений смотрел на него, потом тихо вздохнул.

— Твой отец знает, чем ты занимаешься?

Лицо Томаса дрогнуло. Эдвин не стал ждать ответа. Снова повернулся к Артуру, вернув привычную добродушную манеру. Пообещал расчистить дорогу как можно скорее и продолжать искать Сэмюэла. Лишь выразил надежду, что гости больше не полезут в лес сами, рискуя попасть в ещё более серьёзную беду.

Артур уже собирался возразить, когда Изольда вспомнила Агнес. Она прямо спросила Эдвина, где держат её приёмную мать. Староста явно не ожидал, что она поднимет эту тему при гостях. На мгновение его лицо застыло.

— Держат? Господи, Изольда, какие странные мысли. Агнес просто помогает церкви готовиться к празднику. Священник её не обидит.

— Но она уже два дня не была дома! — Изольда снова расплакалась. — Я вчера ночью ходила искать её, и она была заперта в одной из задних комнат! На окне железная решётка, у двери стоит охрана. Пожалуйста, перестаньте мне лгать. Я до смерти за неё переживаю!

Рабочие остановились и обернулись. Лицо Эдвина стало жёстким, хотя он по-прежнему старался говорить ласково.

— Дитя моё, в последнее время ты очень устала. Может быть, что-то не так поняла. Агнес никогда не отличалась крепким здоровьем. Мы лишь хотели, чтобы она спокойно отдохнула в церкви. Иди домой, а я попрошу священника позже разрешить тебе навещать её.

— Не хочу позже! — Изольда содрогалась от рыданий. — Вы со вчерашнего дня твердите мне ждать. Марта велит ждать, священник велит ждать, а Агнес всё нет дома! Просто разрешите мне самой убедиться, что с ней всё хорошо!

Эдвин совсем перестал улыбаться. Помолчав, он посмотрел на покрасневшую девушку и сказал:

— Изольда, все в этой деревне видели, как ты росла. Никто не хочет, чтобы ты была несчастной. Но есть вещи, которые кому-то приходится вынести. Ты ещё молодая, естественно, не понимаешь. Когда через несколько дней праздник закончится, увидишь, что мы желали тебе только добра.

Изольда стояла, глядя на него, и не могла найти ни слова. Артур шагнул вперёд, готовый заступиться, но вдали зазвонили церковные колокола. Эдвин тут же объявил разговор законченным и ушёл с рабочими, оставив всех четверых у перекрытой дороги. Изольда проводила его взглядом, затем посмотрела на путь, которым им не удалось уйти. Долго молчала.

В сумерках она вернулась к постоялому двору Беллами. Она меньше всего хотела снова переступать этот порог, но днём Нелл тайком передала записку. Она нашла что-то, возможно связанное с Сэмюэлом, и просила Изольду вечером прийти в кладовую за кухней.

Томас не позволил ей идти одной, поэтому они вошли через заднюю дверь. Избегая столовой, прошли узким коридором к кладовой. Нелл ждала их, всё такая же бледная, с пучком ключей в руках.

— Я могу показать только на минутку, — прошептала она. — Миссис Беллами скоро вернётся. Пожалуйста, не шумите. Мистер Уитби сегодня всё расспрашивал про Сэмюэла. Знаю, он не отступится, но я не могу заставить себя прямо ему рассказать…

У Изольды почти не осталось терпения.

— Что ты хотела показать? Если это вещь Сэмюэла, скорее принеси. Элеонора до сих пор плачет в своей комнате. Она почти ничего не ест. Ты знаешь?

Нелл опустила голову и отперла маленькую дверь в дальнем конце кладовой. За ней каменные ступеньки вели вниз, во тьму. Изольда уставилась на них. Она бессчётное число раз помогала в гостинице и даже не подозревала, что здесь есть ещё одна дверь.

Нелл подняла фонарь и повела их вниз. В подвале было сыро. Вдоль стен стояли большие бочки, по полу валялись мешки и пустые ящики. Сильно пахло солью, старым деревом и чем-то неприятно прогорклым, что Изольда не могла определить.

— Миссис Беллами обычно никого из нас сюда не пускает. — Нелл подошла к деревянному сундуку и подняла крышку. — Вчера нашла это, когда помогала переносить вещи. Сначала решила, что кто-то из гостей потерял, хотела вернуть. Но потом услышала, что Сэмюэл пропал, и…

Её голос затих. В сундуке лежали сложенные пальто и шарфы. Рядом — грязный кожаный ботинок. Изольда сразу узнала подошву: глубокая горизонтальная борозда, точно как на следе, который они нашли возле колокольни.

— Ботинок Сэмюэла… — Голос дрожал, когда она подняла его. Шнурки всё ещё были завязаны, но верх кожи покрывали засохшие тёмно-красные пятна.

Томас подошёл и заглянул внутрь. Ботинок был пуст. Изольда взглянула на него, потеряв всякий цвет лица.

— Почему они положили его сюда? Нелл, вчера ты говорила, будто он остался у башни фотографировать. Почему его вещи в подвале вашей гостиницы? Отвечай!

Нелл отступила на шаг и разрыдалась.

— Не знаю! Клянусь, не знаю! С тех пор как вчера вернулась, я его не видела. Потом миссис Беллами велела помочь перенести ящики. Когда увидела здесь его ботинок, поняла, что случилось что-то ужасное. Но я боялась, что она меня поймает, поэтому пока спрятала его…

Томас положил ботинок обратно. Его внимание привлёк стоявший рядом мешок. Он не был завязан, из горловины торчал уголок светлой ткани.

Томас вытащил её. Это была мужская рубашка с порванным манжетом и незнакомыми инициалами, вышитыми изнутри на воротнике. В других сундуках лежала одежда разных фасонов. Что-то уже пожелтело от времени; некоторые вещи относились к моде, исчезнувшей много лет назад.

— Почему здесь столько одежды? — нахмурился Томас, переворачивая пальто. — Миссис Беллами обычно хранит здесь вещи постояльцев?

Нелл промолчала. Изольда заметила другое: в углу на столе стояли несколько маленьких мисок, наполненных солью и тёмной жидкостью. Рядом лежала толстая деревянная доска, тщательно вымытая, но по краям всё ещё виднелись бесчисленные тонкие следы ножа. Под столом находилось железное ведро с плотно закрытой крышкой. Кажется, именно оттуда исходил прогорклый запах. Изольда подошла и подняла крышку. Тут же зажала рот рукой и отшатнулась.

Ведро было наполнено грудой костей, с которых до последнего клочка соскоблили плоть. Некоторые были поразительно маленькими. Изольда не могла понять, каким животным они принадлежали, но сверху лежал короткий кусок челюсти с сохранившимися зубами. Зубы стояли ровным рядом. Совсем как человеческие.

В ушах у Изольды зазвенело. Она едва держалась на ногах. Сэмюэл ел в гостинице один мясной пирог за другим и весело расспрашивал Марту, какое мясо та кладёт. Марта улыбалась, накладывала ему ещё и уговаривала есть досыта.

— Томас…

Голос был едва слышен. Томас подошёл посмотреть и мгновенно изменился в лице. Закрыл ведро, схватил Изольду за руку и спросил, не дурно ли ей. Она оттолкнула его, согну-

лась и принялась так сильно давиться рвотными спазмами, что едва не выблевала хлеб, съеденный утром.

— Ух… нет… не может быть…

Она качала головой, рыдала, белая как бумага.

— Как они могли? Сэмюэл столько съел… и Элеонора ела… и Артур… Они не знали, что там… Боже, как можно было кормить таким гостей?

Нелл опустилась на корточки и заплакала, обхватив колени и повторяя, что ничего не знала. Марта никогда не позволяла ей прикасаться к этим вещам, уверяла она. Томас метался между гневом и тревогой, наблюдая, как обе девушки трясутся от рыданий, но понимал: если задержатся, окажутся в опасности. Он помог Изольде подняться и поторопил всех к лестнице. Они уже собирались уходить, когда за дальней стеной раздался глухой удар. Тук. Изольда застыла. Стук повторился. Тук. Тук. Словно кто-то отчаянно колотил в тяжёлую деревянную дверь.

Томас поднял фонарь. Узкий проход вёл из задней части подвала к старой двери, укреплённой железными пластинами. На ней висел огромный навесной замок, а вокруг замочной скважины виднелись свежие царапины. Изольда уставилась на него, сердце бешено билось.

— Там… там кто-то есть?

Стук прекратился. Через мгновение сквозь дерево донёсся такой слабый голос, что его почти не было слышно.

— …Помогите… мне…

Нелл побелела и попыталась оттащить Изольду. Томас крепче сжал топор, настороженно поглядывая на лестницу. Но Изольда узнала что-то в этом голосе. Приглушённый, хриплый из-за толстой двери — и всё же, она была уверена, что слышала его раньше.

— Сэмюэл?..

По ту сторону раздался отчаянный грохот. Кто-то колотил в дверь изо всех сил, словно пытался ответить. На глазах Изольды выступили слёзы. Она бросилась вперёд, вцепилась в замок и принялась дёргать, но тот даже не шелохнулся. Она повернулась к Томасу, голос сорвался на панику.

— Скорее! Томас, помоги открыть! Сэмюэл и правда может быть жив! Он там. Мы не можем бросить его!

Томас подскочил и поднял топор, собираясь сорвать замок. Но едва он ударил дважды, как наверху, на лестнице, послышались шаги. Затем раздался голос Марты:

— Нелл? Ты там внизу? Как странно. Я была уверена, что закрыла подвал. Кто открыл дверь?

Нелл так сильно дрожала, что чуть не выронила фонарь. Томас тут же остановился. Изольда смотрела на запертую дверь, слёзы текли по щекам. Человек внутри ещё несколько раз ударил в дерево и замолчал. Она хотела продолжать ломать замок, но Томас схватил её за запястье и потащил в маленький проход у противоположной стены.

— Пойдём! Надо выбраться! Если найдут нас здесь, сами уже никуда не уйдём!

Он волок её за собой, а она оглядывалась и плакала.

— Но Сэмюэл остался там! Томас, пожалуйста! Мы не можем его бросить!

— Я знаю! — Голос сорвался от напряжения. — Как только выйдем, найдём помощь и вернёмся за ним. А сейчас ты должна идти со мной!

Нелл побежала впереди с фонарём и провела их по узкому складскому коридору. Они проползли вверх через лаз под расшатанной деревянной панелью во дворе кухни. Едва успели выбраться наружу, как услышали из подвала крик Марты, за которым последовал топот шагов.

Изольда рухнула в грязь на заднем дворе и рыдала так сильно, что едва могла вдохнуть. Грубые доски содрали кожу на ладонях, колени были в синяках, но она почти не замечала.

Вцепившись в рукав Томаса, повторяла, что Сэмюэл жив и его надо спасти. Томас присел рядом. Его собственные глаза покраснели.

— Обещаю, мы найдём способ его вытащить. Но, Изольда, пожалуйста, постарайся перестать плакать. Здесь небезопасно. Нам нужно уходить.

Изольда подняла глаза к гостинице. Из кухонных окон лился тёплый свет, внутри звякала посуда. Кто-то готовил ужин. Знакомый запах жареного мяса плыл во двор. Она вспомнила, как всего несколько дней назад стояла на той кухне, резала хлеб и смеялась вместе с Мартой над тем, сколько у них всегда мяса. Желудок снова свело. Она закрыла рот рукой и согнулась от рвотных позывов. Слёзы текли по лицу. Вдалеке зазвонили церковные колокола.

Жители Уичмира выходили на площадь с фонарями, готовясь к вечерней молитве. Опрятно одетые, они приветствовали друг друга привычными доброжелательными улыбками. Дети бегали через улицу со свежими буханками хлеба, а женщины смеялись и велели им притормозить, пока не испачкали хлеб. Изольда сидела на корточках за гостиницей, глядя на знакомые лица, боясь даже подняться. Она прожила среди этих людей двадцать четыре года. А теперь не могла понять, кто из соседей, встречавшихся ей на улице, мог есть человеческую плоть. У церкви отец Олдрик уже ждал на ступенях, приветствуя прихожан.

Глава 6. Человек в подвале

Когда Томас вывел Изольду с заднего двора гостиницы, её ноги всё ещё дрожали. Подол платья был заляпан грязью, доски ободрали ладони, колени ныли. Перед глазами у неё стояли ведро с костями, сапог Сэмюэла и слабые мольбы о помощи из-за запертой двери. У наружной стены к горлу подступила тошнота. Изольда согнулась, опираясь ладонью о камень.

Томас присел рядом и погладил её по спине, хотя и сам едва держался. Он видел кости забитых свиней и овец, даже помогал отцу чинить деревянные полки у мясника. Только зубы в том ведре никак не давали ему покоя.

— Изольда, ты можешь встать? Мы слишком близко к кухне. Марта в любую минуту может выйти со своими людьми.

Он помог ей выпрямиться и вытер ей рот рукавом.

— Найдём Артура, расскажем про подвал. Если Сэмюэл действительно там, нам понадобится помощь, чтобы открыть дверь.

Изольда посмотрела на него сквозь слёзы.

— Но он только что был там! Ты ведь тоже слышал, как кто-то просил о помощи? Мы нашли дверь. Как мы могли его бросить? Томас, пожалуйста, вернёмся. Я буду умолять Марту открыть её. Сделаю всё, что она скажет.

Томас тяжело сглотнул. Изольда и раненого котёнка не смогла бы оставить на дороге, а тут человек, который ещё вчера шутил с ней в обеденном зале. Но он помнил и шаги на лестнице, раздавшиеся, когда он ударил топором по замку. Ещё немного — и они сами остались бы под землёй. Тогда уж точно никого не спасли бы.

— Послушай меня.

Он взял её холодные руки.

— Если Марта и правда держит там кого-то взаперти, она признается только потому, что ты её попросишь? Ты видела, как Нелл боялась даже показать нам лестницу. Нам нужен Артур. И ещё несколько человек, которые смогут помочь. Обещаю, сегодня мы попробуем вернуться.

Изольда кивнула, вытирая слёзы. Пройдя несколько шагов, всё же обернулась. В окнах кухни горел тёплый жёлтый свет; оттуда доносились звон тарелок и голоса людей, готовивших ужин. Ветер принёс в переулок знакомый запах жареного мяса, и желудок болезненно сжался. Всего несколько дней назад она нарезала хлеб на той кухне, а Сэмюэл расхваливал пироги. Теперь даже вспоминать об этом было дурно.

На углу они встретили Элеонору. Она несла обратно на постоялый двор фотоаппарат Сэмюэла и, увидев их, помахала рукой. На ходу пожаловалась, что Артур опять отправился докучать старосте. Но стоило Изольде рассказать о подвале, как краска сошла с её лица. Фотоаппарат едва не выскользнул из рук.

Элеонора вцепилась Изольде в руку и принялась спрашивать, точно ли голос принадлежал Сэмюэлу, не казалось ли, что он ранен, назвал ли он своё имя. Когда Изольда призналась, что не может сказать наверняка, девушка несколько раз беспорядочно прошла туда-сюда, а потом прижала фотоаппарат к груди и расплакалась.

— Нам нужно идти сейчас! Если он там, как можно ждать? А вдруг они переведут его в другое место? Где Артур? Я найду Артура!

Она бросилась в сторону дома старосты, но тут же вернулась. Глаза покраснели от слёз.

— Вы правда слышали, как кто-то звал на помощь? Ты ведь не говоришь это только ради того, чтобы меня утешить? Я уже не знаю, кому верить.

— Я не лгу.

Изольда отчаянно покачала головой и сама снова заплакала.

— Элеонора, лучше бы я ничего этого не видела. Вчера вечером я думала, Томас просто пересказывает страшные слухи. Но в подвале столько одежды… и кости. Я не знаю, что случилось с Сэмюэлом. Только за той дверью кто-то есть. Мы должны его вытащить.

Через полчаса Артур пришёл в мастерскую. Выслушав их, он помрачнел. У отца Томаса позаимствовал лом и молоток, приготовил масляную лампу. Старший плотник обычно в чужие дела не вмешивался, но, посмотрев на сына, всё-таки задал несколько вопросов. Томас ответил лишь, что на постоялом дворе нужно починить дверь. Отец долго разглядывал их, потом молча отдал инструменты и негромко посоветовал сыну не ходить за церковь после наступления темноты.

Артур порывался сразу взломать дверь в подвале. Томас отговорил его. Задний вход был знаком только ему, да и Марта наверняка уже заметила следы их визита. Второй раз пробраться туда так легко не получится. Артур долго мерил шагами мастерскую, затем решил сперва поговорить с Эдвином. Если Сэмюэла удерживают силой, староста обязан осмотреть подвал. А если откажется, они придумают другой способ.

Когда все четверо подошли к дому старосты, Марта уже сидела там. Она устроилась на скамье во дворе и промокала глаза платком, пока Эдвин её утешал. У ворот собрались несколько жителей, вполголоса обсуждавших, что кто-то разгромил постоялый двор. Увидев Изольду, Марта сперва удивлённо подняла брови, затем вскочила, словно наконец дождалась помощи.

— Ох, Изольда, слава богу, ты здесь! Сегодня кто-то пробрался в мою кладовую и перевернул всё вверх дном. Даже замок сломали. Ты ведь мне там помогала, знаешь, как аккуратно я всё храню. Ума не приложу, кому понадобилось делать такую подлость. Весь день теперь расхлёбываю.

Она снова приложила платок к глазам и натянуто улыбнулась Артуру.

— Господин Уитби? Вы тоже здесь? Так и нет вестей от бедного Сэмюэла? Несчастный юноша. Не представляю, куда он мог подеваться.

Артур не стал поддерживать вежливую беседу. Он прямо сказал, что есть основания полагать, будто Сэмюэла заперли в подвале постоялого двора. Они нашли одежду, сапог и обитую железом дверь, из-за которой кто-то звал на помощь. Он потребовал, чтобы Эдвин немедленно всё проверил.

Марта широко распахнула глаза, затем изобразила глубокое оскорбление. Голос её становился всё громче; она снова и снова спрашивала, как Артур может подозревать её в подобном. Её семья десятилетиями держит постоялый двор, за всё это время ни один гость не пострадал. Она ведь даже сама готовила Сэмюэлу ужин вчера вечером, словно одного этого было достаточно для оправдания.

— Не верите — пожалуйста, осматривайте! Но, господин Уитби, надо же быть разумным человеком. Я понимаю, вы расстроены из-за пропажи друга, но нельзя во всём винить меня. Я дала вам хорошие комнаты, каждый день кормила, даже старалась готовить то, что больше нравится вашему другу. А теперь меня обвиняют, будто я людей запираю! И как после таких разговоров мне вести своё дело?

Жители быстро встали на её сторону. Кто-то заметил, что Марта была доброй ещё девчонкой; другой заявил, что приезжие ничего не понимают в здешних порядках. Пожилая женщина даже упрекнула Изольду: как ей не стыдно помогать чужакам чернить своих? У Изольды запылали щёки. Сдерживая слёзы, она повторяла, что слышала стук из-за двери и видела груды одежды, о владельцах которой никто ничего не говорил.

— Я не утверждаю, что это обязательно сделала Марта. Я только хочу, чтобы кто-нибудь посмотрел.

Слова вылетали всё быстрее. Она стиснула юбку в кулаках.

— А если Сэмюэл действительно там? Если он ранен и никто ему не поможет? Нужно всего лишь открыть и проверить. Почему никто не хочет?

Когда гул голосов стал совсем громким, Эдвин наконец согласился осмотреть подвал. Он позвал нескольких мужчин и предложил Артуру с Томасом пойти вместе с ними. Марта настояла, что сама покажет дорогу. Она не намерена ни мгновения терпеть эти подозрения.

У всех на глазах хозяйка распахнула заднюю дверь постоялого двора и провела их через кухню и кладовую. Держалась она так спокойно, что с каждым шагом Изольде становилось тревожнее. Подвал был вычищен от одного конца до другого.

Спустившись по лестнице, Изольда не поверила собственным глазам. Старая одежда у стены исчезла, как и железное ведро с костями. Изрезанную ножами доску накрыли свежей тканью. Пол ещё оставался влажным после мытья. В воздухе стоял резкий запах уксуса. Марта объяснила, что в кладовой ужасная сырость, поэтому она велела всё отмыть, пока продукты не заплесневели.

Артур сразу направился к железной двери. Вместо прежнего замка висел новый. Томас постучал по нему ломом; дужка оказалась куда прочнее старой. Элеонора подбежала к двери, заколотила по ней кулаками и принялась звать Сэмюэла, умоляя каждого, кто находится внутри, ответить. В ответ слышалось только эхо. Она прижалась к доскам и рыдала всё сильнее, пока Артуру не пришлось придержать её, чтобы она не поранилась.

Олдрик пришёл, когда Артур с Эдвином уже спорили, следует ли взламывать дверь. Священник выслушал обе стороны, успокоил Элеонору и попросил старосту принести ключ. Если друзья пропавшего человека так обеспокоены, сказал он, пусть сами осмотрят помещение. Иначе их подозрения только усилятся. Артур от такой невозмутимости на миг потерял дар речи. Он едва не извинился за свою вспышку.

За дверью находилась сырая каменная камера. Пол покрывала потемневшая солома, в углу стояло пустое ведро, а возле стены виднелись слабые следы волочения. Элеонора бросилась искать хоть что-нибудь. Артур осматривал пол и дверные доски. Изольда осталась у порога, вдыхая запах застарелого пота и лекарственных трав. Здесь совсем недавно держали человека. В одном из углов солома даже была примята по форме лежавшего тела.

— Артур, иди сюда!

Элеонора стояла на коленях у стены возле двери.

— Тут надпись. Посмотри. Как думаешь, Сэмюэл мог это написать?

Артур присел с лампой. На камне виднелись несколько неглубоких царапин. Кто-то торопливо выскреб буквы обломком металла. Сверху стояли инициалы: E. W. Ниже — оборванная фраза по-английски; первые слова ещё можно было разобрать, остальное стёрли: «Не ешь…»

Элеонора узнала инициалы и снова разрыдалась. Сэмюэл часто подписывал свои письма к ней буквами E. W., даже открытки. Артур был осторожнее. Он тщательно перерисовал знаки, затем вытащил из щели в двери окровавленный лоскут ткани. Элеонора узнала шов по краю: перед поездкой она собственноручно зашивала Сэмюэлу этот рукав.

На этот раз даже Эдвин промолчал. Артур поднял голову. Выражение его лица пугало.

— В этой комнате кого-то держали. Вы и теперь будете твердить, что всё найденное — случайное совпадение? Требую найти Сэмюэла. Хочу знать, у кого есть доступ в подвал, у кого ключи и кто именно вымыл его прошлой ночью.

Эдвин открыл рот, но Олдрик шагнул вперёд и осмотрел надпись. Лицо его стало серьёзным. Он пообещал расспросить всех, кто отвечает за постоялый двор и церковь, а затем настойчиво посоветовал Артуру увести Элеонору и дать ей оправиться от потрясения. Артур собирался возражать, но сестра едва держалась на ногах. Ему оставалось только помочь ей выйти.

Изольда покинула камеру последней. Оглянувшись на пустое ведро, она заметила под его днищем кусочек светлой верёвки с узелками. Пока никто не смотрел, она подняла его и

сунула в карман. Уже на улице поняла, что вся одежда промокла от холодного пота. В тот вечер Нелл не показывалась в общих комнатах постоялого двора. Марта всем говорила, что девушка нездорова и отдыхает наверху. Изольде с трудом верилось. Подвал очистили слишком быстро. Даже следов крови по углам не осталось.

* * *

Через два дня в мастерскую пришёл странствующий торговец по имени Джона Мерсер. Ему было чуть за сорок; он носил бороду и большую часть года возил тележку с товарами между окрестными городками и деревнями. Отец Томаса знал его много лет и пригласил на чай.

Джона привёз новые ножи, швейные принадлежности и мелкий инструмент. На поясе у него висел короткий нож, которым он пользовался уже давно: деревянная рукоять отполировалась от прикосновений, а на ней была вырезана заглавная буква J.

В тот день в мастерской оказался Артур. Услышав, что Джона скоро покинет Уичмир, он спросил, не согласится ли торговец передать письмо в соседний городок. Артур обещал хорошо заплатить. Ему нужно было лишь, чтобы кто-то за пределами деревни сообщил полиции об исчезновении Сэмюэла. Джона прочёл письмо. Улыбка исчезла с лица. Он сложил листок, убрал во внутренний карман пальто и сказал, что за такую малость денег не возьмёт.

— У меня самого дети. Я знаю, каково ждать хоть каких-то вестей о близком человеке.

Он вернул нож за пояс и похлопал Артура по плечу.

— Не тревожьтесь. Как поеду, обязательно доставлю. Деревенская дорога, может, и закрыта, но я много лет тут езжу. Есть и другие пути.

Томас предостерёг его: в лес одному лучше не заходить. Джона рассмеялся и пообещал не глупить. За годы скитаний он выучил, каких мест следует избегать. Когда торговец ушёл, Артур впервые за много дней выглядел чуть спокойнее, а Элеонора сумела съесть половину куска хлеба.

* * *

В тот вечер Эдвин привёл Джону в церковь. Староста объяснил, что священник хочет купить ножи и ткань для обрядов. Олдрик сидел в своём кабинете и любезно слушал, как Джона расхваливает товары, словно перед ним был самый обыкновенный торговец. Он купил катушку тонкой серебряной нити и спросил, когда тот собирается уезжать.

Джона весело ответил, что утром поторгует ещё полдня, а после отправится в путь. Олдрик кивнул и налил ему чашку чая.

— Дорога из деревни сейчас в плохом состоянии, господин Мерсер. Если вам понадобится проводник, Эдвин всё устроит.

Джона горячо поблагодарил его. Он не заметил, что староста у двери всё это время смотрел в пол. Когда торговец ушёл, Олдрик достал из ящика стола листок с именем Артура и поднёс к пламени свечи. Он смотрел, как скручиваются и чернеют края бумаги, затем сказал Эдвину:

— Господин Мерсер — добросердечный человек. Завтра найди для него безопасную дорогу. По возможности подальше от ремонтных работ.

Эдвин взглянул на него, словно собираясь что-то сказать, но в конце концов только кивнул. Священник больше не говорил о Джоне. Он лишь напомнил старосте, чтобы свадебное платье доставили в дом Марлоу и обязательно проверили, хорошо ли ведёт себя Агнес.

Глава 7. Свадебное платье, сшитое для тебя

В следующие несколько дней в доме Изольды не было ни минуты покоя. Каждое утро кто-нибудь стучал в дверь, принося то яблоки и хлеб, то рулоны ткани, иголки с нитками или свежие цветы. Женщины, которые раньше едва здоровались с ней, теперь вдруг заинтересовались, хорошо ли она спит, достаточно ли ест и прибрано ли у неё дома.

Сперва Изольда старалась отвечать вежливо. К четвёртому дню ей расхотелось даже подходить к двери. Все говорили о свадьбе так, словно она давным-давно согласилась и теперь отнекивается только из девичьей застенчивости. Стоило попытаться объяснить, что замуж она не собирается, как женщины добродушно смеялись: вот наденет красивое платье — и сразу повеселеет.

На восьмое утро Марта принесла почти готовый белый свадебный наряд. Изольда варила на кухне лекарство для Агнес, когда услышала стук. Она решила, что привезли очередной подарок, вытерла руки и вышла в гостиную. Но Марта уже повесила на дверцу шкафа пышное белое платье, а две женщины, присев на корточки, расправляли юбки.

Ворот был украшен крошечными жемчужинами, вдоль манжет тянулись затейливо вышитые побеги, платье плотно облегало талию. Юбок оказалось столько, что платье даже на вешалке выглядело тяжёлым.

— А вот и ты! Иди, посмотри. Красота, правда? — Марта радостно поманила её рукой. — Эти кружева привезли из-за деревни много лет назад. Мы всё жалели их использовать. Тебе очень повезло, дорогая. Все хотят, чтобы ты была самой красивой. Подойди и встань прямо, я измерю талию.

Изольда осталась на месте. Последние дни она думала только о том, как повидать Агнес и выбраться из деревни. До платья ей не было никакого дела. Однако его почти дошили. И, судя по всему, было сшито точно по её мерке. Она смотрела на многослойную юбку, чувствуя, как холодеют пальцы.

— Когда вы начали его шить? — спросила она.

Марта сделала вид, что не поняла. Изольда шагнула ближе.

— Это платье. Священник объявил, что меня выбрали, всего несколько дней назад. Как оно уже может быть почти готово? Вы ведь даже талию мне не измеряли. Откуда вы знали размер?

Одна из швей перестала работать и посмотрела на Марту. Улыбка хозяйки постоялого двора оставалась ласковой, но с ответом она медлила дольше обычного. Для праздника в деревне всегда готовят традиционный свадебный наряд, пояснила она. Шьют заранее, на всякий случай. Если что-то не подойдёт — переделают.

Изольда тут же спросила, кем была предыдущая невеста, что с ней случилось после свадьбы и почему её никто больше не видел. В комнате стало тихо. Даже иглы перестали протыкать ткань.

— Ох, снова ты за своё? — наконец рассмеялась Марта и подошла, положив руки Изольде на плечи. — Все девушки волнуются перед свадьбой. Не забивай голову ужасами. Мы столько свадеб помогали устраивать. Не позволим тебе выставить себя на посмешище. Ну примерь. Нам ещё подгонять кое-что надо.

Изольда отступила.

— Не хочу я его примерять. Сколько раз говорить, что я не соглашалась выходить замуж? Вы можете хотя бы назвать человека, за которого хотите меня выдать? Как он выглядит? Я даже этого не знаю, а вы уже суёте меня в свадебное платье. Это же нелепо!

Улыбка Марты чуть померкла. Она обменялась взглядом со швеями, положила измерительную ленту на стол и села напротив Изольды. Заговорила всё тем же уговаривающим тоном, каким обычно успокаивают капризного ребёнка.

— Изольда, ты выросла среди нас. Сама знаешь, как мы о тебе заботились. Когда ты маленькой лежала с жаром, я приносила тебе куриный бульон. Помнишь зиму, когда у Агнес не было денег на новые ботинки? Я нашла для тебя пару. Мы столько сил вложили в это платье, чтобы ты вышла замуж как положено, с достоинством. А ты плачешь и устраиваешь сцены. Всем от этого больно.

У Изольды покраснели глаза. Она помнила бульон. Помнила, как Агнес снова и снова благодарила Марту за ношеные ботинки. Теперь каждое доброе дело превращалось в причину, по которой она будто бы обязана надеть платье. Опустив взгляд на руки, Изольда тихо спросила:

— Марта, а если бы выбрали Нелл? Если бы Нелл плакала и говорила, что не хочет замуж, ты бы тоже велела ей перестать капризничать? Всё равно заставила бы надеть это платье?

Марта ответила не сразу. На мгновение Изольда увидела на её лице сомнение — и почему-то от этого стало ещё больнее.

— Ты всегда говорила, что считаешь меня дочерью, — продолжила она дрожащим голосом. — Тогда прошу тебя, скажи правду. Девушка, которую выбрали тринадцать лет назад, умерла? Почему Агнес заперли в церкви? Что сделал Томас, раз староста велел за ним следить? Я ничего не знаю. Каждое утро кто-нибудь приходит и говорит: примерь наряд, ешь побольше, готовься к свадьбе. Как вы вообще можете ждать, что я буду счастлива?

Марта встала и разгладила складку у ворота платья. Долго молчала. Наконец сказала женщинам записать мерки и доделать оставшееся дома. Уходя, поставила на стол маленькую корзинку с хлебом и напомнила Изольде поесть. Изольда проводила их до двери. Женщины уже обсуждали, какие цветы лучше взять на свадебный день. Словно никакого разговора не было.

* * *

После обеда Изольда сама сняла платье со шкафа. Она надеялась найти внутри хоть что-то, что объяснит его происхождение. Разложила тяжёлые юбки на кровати и принялась слой за слоем проверять подкладку. Под одним рукавом обнаружилась заплатка, ткань которой выглядела заметно старее остального платья. Там было вышито имя. Нитки кое-где распустились, но буквы ещё читались.

Мэриан. Изольда уставилась на вышивку. Элеонора ведь спрашивала, кем была невеста тринадцать лет назад. А теперь у них появилось имя, оставшееся на платье. Присмотревшись, она заметила у талии тёмно-красное пятно. Его явно много раз стирали, но ткань затвердела, а швы вокруг были перешиты. Изольда коснулась пятна кончиком пальца, почувствовала дурноту и оттолкнула платье. Потом долго сидела на кровати, пытаясь прийти в себя.

К вечеру вернулась Агнес. Услышав, как на улице остановилась повозка, Изольда решила, что Марта опять что-нибудь привезла. Но кто-то окликнул её знакомым голосом. Она вскочила. Агнес вошла, опираясь на чужую руку. Лицо бледное, под глазами глубокие тени. За несколько дней она словно постарела на годы. Волосы растрепались, правое запястье было в синяках. Увидев дочь, она наконец позволила себе немного расслабиться.

— Агнес!

Изольда бросилась к ней и по дороге опрокинула табурет.

— Ты наконец дома! Где ты была? Меня к тебе не пускали. Вчера я снова ходила в церковь, а комната пустая. Ты представляешь, как я испугалась? Я думала, с тобой случилось что-то ужасное…

Агнес пошатнулась от объятия, но крепко прижала дочь к себе. Изольда плакала у неё на плече, пока женщина не погладила её по спине и не попросила сесть. Только тогда девушка

заметила, как неуверенно Агнес стоит на ногах. Изольда принесла стул и воду. Заметив следы на запястье Агнес, она изменилась в лице.

— Кто это сделал? Священник? Эдвин? — Она взяла руку Агнес, голос стал громче. — Скажи! Они тебя били? Ты лечила половину деревни, когда люди болели. Как они посмели?

Агнес сказала, что несколько дней назад поссорилась кое с кем и случайно повредила руку. Изольда не поверила, но женщина выглядела такой измученной, что допытываться было невозможно. Она налила Агнес ещё воды и уже собиралась разогревать суп, когда вспомнила про платье в спальне. Остановилась посреди комнаты.

— Ты ведь знала, правда?

Агнес подняла голову. Изольда стояла возле стола, не оборачиваясь, и говорила всё тише:

— Ты давно знала, что меня выберут Невестой урожая. Каждый раз, когда запрещала ездить в другой город, когда я просила показать мне море, а ты говорила, что потом обязательно что-нибудь придумаем… Всё из-за этого, да?

Агнес долго молчала. Затем кивнула. Изольде казалось, она готова услышать ответ, но слёзы всё равно выступили на глазах. Она повернулась, вся дрожа.

— Почему ты не сказала? Мне двадцать четыре. Ты до сих пор считаешь, что я слишком маленькая, чтобы понять? Они почти дошили моё свадебное платье, а я даже не знаю, за кого меня собираются выдать. Ты ни слова не сказала. Ты знаешь, как мне страшно? Я несколько дней толком не сплю. Стоит услышать шаги за дверью — сразу думаю, что за мной пришли.

Агнес потёрла глаза. Тихо рассказала, что годами искала выход: говорила со старостой и со священником, даже пыталась связаться с людьми, которых знала раньше. Она надеялась, что если удастся достаточно долго тянуть время, то появится способ защитить дочь. Изольда перебила её сквозь рыдания. Если Агнес всё время знала, что ей грозит опасность, почему вообще растила её в этой деревне? Почему не увезла много лет назад?

— Ты всегда говорила: подождём, пока я подрасту, пока у нас будут деньги, пока снаружи станет безопаснее. Но ты знала, что я вообще не могу уехать!

Изольда сердито вытерла лицо. Голос сорвался почти на крик.

— Агнес, ты взяла меня к себе, потому что правда хотела дочь? Или потому, что им нужна была невеста?

Едва слова слетели с губ, она застыла. Агнес медленно побледнела и неподвижно осталась сидеть в кресле. Изольду тут же охватило раскаяние. Она вспомнила ночи, когда Агнес не спала у её постели во время болезни; как накрывала девочку своим зимним пальто, когда не было денег на дрова; как всего пару дней назад они спорили из-за подгоревшего хлеба.

После стольких лет она обвинила эту женщину в том, будто та растила её лишь затем, чтобы отдать чужим людям.

— Агнес, я… — Изольда шагнула вперёд и опять заплакала. — Я не хотела так говорить. Просто мне очень страшно…

Агнес держала стакан обеими руками. Через некоторое время тихо ответила:

— Знаю. Ты имеешь полное право злиться. Мне следовало рассказать тебе раньше.

Изольда обняла её. Агнес прижала дочь к себе и дала выплакаться, прежде чем продолжить. Когда она взяла Изольду, то верила, что деревня ещё изменит решение. Раз в несколько лет она вновь обращалась к Олдрику. Предлагала даже все семейные сбережения, лишь бы нашлось другое решение. Но священник неизменно отвечал, что договор, заключённый предками, нельзя просто разорвать. Без защиты леса вся деревня окажется в опасности.

— Тогда почему все вместе не могут придумать другой способ? — спросила Изольда сквозь слёзы. — Почему именно меня надо туда отправлять? Я ведь ничего плохого не сделала. Я даже не знаю, что живёт в лесу.

Агнес не нашла ответа. Вытерла дочери щёки и заметила белую юбку, видневшуюся из дверного проёма спальни. Неужели уже принесли свадебный наряд? Изольда кивнула и повела её посмотреть. Увидев имя под рукавом, Агнес прикрыла рот ладонью.

— Мэриан… — произнесла она, и глаза наполнились слезами. — Я знала её. Она жила на западной стороне деревни. У неё были очень длинные волосы, она любила жёлтые платья. Ей только исполнилось двадцать, когда её выбрали.

— Она вернулась? — спросила Изольда.

Агнес не ответила. Только осторожно отвернула старую заплатку, скрывая имя, словно боялась, что ветхая ткань порвётся. Изольда не решилась спросить ещё раз. Села на край кровати и представила двадцатилетнюю девушку в этом самом платье, которая выходит из деревни, уходит в лес — и больше никогда не возвращается.

* * *

Вечером они поздно поужинали у очага. Агнес сварила простой овощной суп, а Изольда так криво нарезала хлеб, что приёмная мать принялась над ней подшучивать. Столько всего нужно было обсудить, но, когда они наконец сели рядом, ни одна не знала, с чего начать. После ужина Изольда извинилась за дневные слова. Агнес покачала головой, взяла её за руку и попросила пока об этом не думать.

— Если когда-нибудь сумеешь уехать, отправляйся куда захочешь, — сказала Агнес хриплым голосом. — Ты ведь всегда мечтала увидеть море. Выбери для этого погожий день. Зимой там сильный ветер. Не стой на берегу, пока не простудишься.

У Изольды защипало глаза. Она пожаловалась, что Агнес до сих пор обращается с ней как с ребёнком. Агнес улыбнулась и велела в поездках не транжирить деньги, заранее спрашивать цену за ночлег, есть, когда голодна, и не доверять каждому встречному, обещающему о ней позаботиться. Изольда соглашалась со всем подряд, положив голову ей на плечо. Хотела спросить, поедет ли Агнес вместе с ней к морю, но увидела её бледное, усталое лицо и промолчала.

Перед сном Агнес достала старую записную книжку, которую всегда держала под замком. Положила Изольде на колени и раскрыла на определённой странице. Лист был испещрён рисунками красных нитей, соляных кругов, сожжённых трав и незнакомыми символами. Агнес объяснила, что всё это пришло из семьи родной матери Изольды. В молодости она изучила кое-что из записей и надеялась, что никогда не придётся обучать этому следующее поколение.

Изольда смотрела на книжку, поражённая настолько, что на мгновение забыла о горе.

— Подожди, Агнес… То есть это действительно работает? В детстве я думала, что старухи рассказывают про ведьм, чтобы пугать детей. Ты хочешь сказать, что на самом деле умеешь колдовать?

Агнес устало улыбнулась и велела закрыть окна. Завтра они кое-что попробуют. У Изольды было ещё сто вопросов, но приёмная мать едва держала глаза открытыми. Она помогла ей лечь. В тот вечер они больше не говорили о платье. Однако, проснувшись за полночь, Изольда увидела полоску света под дверью спальни. Агнес одна сидела в гостиной, перелистывала старую книжку и шептала слова, которых Изольда не понимала.

Глава 8. Когда ночью зовут тебя по имени

Утром двенадцатого дня Изольда впервые увидела колдовство в действии. Агнес велела нарезать шалфея во дворе и разложить неповреждённые листья для просушки. Потом принесла миску соли, отрезок красной нити и несколько огарков свечей. Изольда решила, что они будут делать обычные защитные обереги, которые Агнес иногда готовила. Но когда приёмная мать попросила насыпать тонкую дорожку соли вдоль оконной рамы и завязать узлы с помощью собственных волос и семян трав, стало ясно: урок совсем другой.

— Здесь обязательно нужны твои волосы, — объясняла Агнес, поправляя узел. — Как и нить на запястье. Для другого человека от них почти не будет пользы. И запомни, что нужно говорить, когда завязываешь. Если мысли разбегаются, хоть наизусть выучи слова — не поможет.

Изольда обмотала красную нить вокруг пальцев и несколько раз попыталась повторить движение, хмурясь всё сильнее с каждой неудачей.

— Да почему же это так трудно? Вчера у тебя всё так легко получалось. Агнес, медленнее! Я не успеваю!

Агнес отложила свою работу и снова показала, куда просунуть пальцы. Когда узел наконец получился, велела прочитать отрывок из записной книжки. Изольда путалась в произношении. Дважды произнесла слова — ничего. На третий раз пепел в медной чаше тихонько сдвинулся к центру, словно его подтянуло невидимым ветерком. Она так резко отшатнулась, что едва не выронила нить.

— Что?! Ты видела? Он сам пошевелился!

Изольда наклонилась над чашей, чтобы проверить. Глаза широко раскрылись от восторга.

— Я его даже не трогала! Агнес, посмотри! Это правда я сделала?

Агнес с лёгким удовлетворением оглядела круг, оставшийся на пепле. В семье родной матери Изольды хранилось множество древних обрядов. Одни помогали защитить дом или разоблачить чужой облик. Другие были связаны с именами, кровью и клятвами — и требовали куда большей платы, чем обычные травы. Изольда изумилась. Почему Агнес скрывала от неё всё это до сегодняшнего дня?

Агнес не стала лукавить. Она боялась втягивать дочь в старые обряды. А ещё сильнее боялась, что Олдрик узнает об их занятиях.

— Священник тоже умеет колдовать? — спросила Изольда.

Вспомнив последние дни, она перестала улыбаться.

— Он ведь всё время говорил, что это опасно, что нельзя верить историям из других мест. Но на свадьбах он произносит какие-то слова, которых я не понимаю, верно?

Рука Агнес замерла на книжке. Через мгновение она кивнула. Олдрик много знает о древнем договоре с лесом, в том числе давно забытые вещи. Что бы он ни попросил Изольду сделать у алтаря, соглашаться с лёгкостью нельзя. Изольда спросила, сможет ли она отказаться от брака, если вообще ничего не произнесёт. Агнес долго молчала. Потом объяснила: отказ от клятвы, возможно, не даст заключить более глубокую сделку. Но это ещё не значит, что деревенские не уведут её в лес.

Изольда снова приуныла. Посмотрела на красную нить и вспомнила платье, висящее в спальне. Стиснула нитку так крепко, что побелели костяшки. Она не собиралась проводить последние дни в одних страхах. Села за стол и упражнялась, пока пальцы не заныли. В конце концов у неё получилось два настоящих защитных узла. Агнес привязала один к её запястью, второй спрятала в оконной раме спальни.

Если ночью кто-нибудь позовёт её по имени с улицы, сперва надо проверить, не изменился ли узел. И ни в коем случае не спешить открывать дверь. Они легли рано. Перед сном

Агнес старательно накрыла зеркало в спальне тяжёлой тканью. Изольда едва не рассмеялась и не спросила, боится ли она, что оттуда кто-нибудь вылезет. Но лицо Агнес было слишком серьёзным, поэтому девушка вместо шутки помогла закрепить уголки покрывала.

Ночью её разбудил едва слышный стук. Ещё не до конца проснувшись, Изольда различила шаги под карнизом. Они были лёгкими; при каждом касании земли раздавался влажный, липкий звук. Затем кто-то остановился под окном спальни.

— Изольда… открой дверь, деточка.

Сон слетел мгновенно. Голос был точь-в-точь как у Агнес. На секунду Изольда решила, что приёмная мать вышла ночью на улицу, и уже начала садиться. Но настоящая Агнес спала рядом. Точнее, уже не спала. Она тоже услышала зов и успела зажать Изольде рот ладонью, прежде чем та заговорила. Их взгляды встретились. Глаза девушки наполнились слезами.

— Изольда, мама пришла… Здесь так холодно. Открой, впусти меня, ладно?

Голос был пугающе ласковым. В нём слышалась даже та лёгкая хрипотца, с которой Агнес заканчивала фразы. Изольда тряслась и вцепилась в рукав приёмной матери, почти не смея дышать. Агнес притянула её к себе, одной рукой нащупав небольшой нож возле кровати, другой — красную нить на её запястье. Нить стала ледяной. Узел слегка затягивался, больно впиваясь в кожу.

Существо за окном, похоже, теряло терпение. Его голос стих, а затем оно заговорило плачущим детским голоском — так, как сама Изольда в детстве всхлипывала, зовя Агнес. Оно прошло от окна спальни к кухне, обогнуло дом сзади и вернулось вдоль стены к входной двери. Когда по доскам застучали, Изольда уткнулась лицом в плечо Агнес и беззвучно заплакала. Та раз за разом шептала: отвечать нельзя.

Стук прекратился лишь тогда, когда вдали зазвонили церковные колокола.

* * *

Утром под окном осталось пять длинных влажных следов. Изольда рассматривала их из сада. Они тянулись удивительно высоко: обычному человеку пришлось бы поднимать руку над головой, чтобы оставить такое. Агнес запретила ей исследовать следы. Велела собрать соль, которой они пользовались прошлой ночью, в тряпичный мешочек и сжечь в очаге.

В тот же день Томас принёс новые известия. При прошлой попытке выбраться возле старой мельницы они наткнулись на нарочно поваленное дерево. Из-за него пришлось свернуть в чащу, и они едва вернулись живыми. Второй раз этим путём Томас идти не собирался.

Отец когда-то рассказывал ему о старой дороге, по которой вывозили брёвна ниже по течению от мельницы. Она шла вдоль ручья к каменному мосту и, возможно, позволяла обойти заграждение с другой стороны. Много лет ею никто не пользовался, и Томас не знал, можно ли ещё пройти. Они с Артуром собирались сначала проверить её, а если путь окажется свободен — вывести Изольду и Агнес.

Элеонора хотела пойти с ними, но все сошлись на том, что лучше дождаться разведчиков. Изольда ухватила Томаса за рукав и засыпала вопросами: когда они отправятся, сколько займёт дорога, что делать, если встретятся деревенские? Томас наконец устало рассмеялся. Раньше она жаловалась, что никогда никуда не ездит. Теперь, когда появился шанс, разговаривает так, словно собирается обогнуть весь мир.

Изольда сердито на него посмотрела. Потом вспомнила, как кто-то в лесу звал голосом Сэмюэла, и улыбка исчезла. Томас заверил, что проверять путь пойдут только они с Артуром. Он не позволит женщинам снова заблудиться в густом лесу. Неохотно Изольда положила собранный узел обратно на стул и принялась ждать.

Томас и Артур спустились вдоль ручья от мельницы и нашли заросшую сорняками лесовозную дорогу. По ней удалось миновать поваленное дерево. Но дальше паводок подмыл берег, оставив такой скользкий склон, что на нём невозможно было удержаться. Оставалось идти через старый каменный мост. Артур уже направился к нему, когда Томас заметил на противо-

положном берегу двух мужчин с фонарями. Те ходили взад-вперёд, охраняя проход. Он утянул Артура за дерево.

Они долго ждали удобного момента, но никто не уходил. Пришлось поворачивать назад. Вернувшись в мастерскую, Артур не сдерживал ругани в адрес старосты. Томас же отметил места караульных на карте и стал искать другой путь. Элеонора с каждым днём тревожилась всё сильнее.

Однажды ночью она снова услышала движение в комнате, где жил Сэмюэл. Открыв дверь, никого не увидела. Только цепочку мокрых следов на полу и латунную застёжку от его сумки для фотоаппарата — раньше её там не было. Элеонора настаивала, что Сэмюэл возвращался. Артур не мог объяснить, почему следы внезапно обрываются у порога.

После долгого спора они сели вместе, чтобы разобрать всё, что удалось выяснить. Оказалось, во время нескольких предыдущих Праздников урожая гости исчезали из записей об отъезде с постоялого двора. Их имена больше нигде не встречались.

— Куда они дели всех этих людей? — Элеонора сжимала перо, глаза были ужасно красными. — Сэмюэл обожал свой фотоаппарат. Он ни за что не бросил бы его и не ушёл, не сказав ни слова. Артур, я всё думаю: зачем мы вообще сюда приехали? Если бы я не прочитала ту статью о празднике, если бы не уговорила вас поехать со мной, Сэмюэл сейчас, может быть, был бы дома…

Артур не стал её винить. Мягко забрал перо и попросил что-нибудь съесть. Элеонора не смогла. Положила голову на стол и долго плакала, а Артур молча переписывал имена пропавших гостей в новый список для полиции. Он больше не верил ни Эдвину, ни обещаниям Олдрика провести расследование. На семнадцатый день Томас решился на новую попытку.

Теперь он собирался обойти заброшенную овчарню во время ночной смены караула, подняться на холм и пройти по старой звериной тропе через долину ручья. Первую часть пути он проверил днём. Дальше предстояло несколько часов пешком, зато новых преград он не видел. Томас сказал Изольде: если Агнес пойдёт с ними, уходить надо сейчас, пока у неё ещё хватает сил ходить. Дожидаться дня перед свадьбой нельзя.

Изольда немедленно принялась собираться. Сложила в узел записную книжку Агнес, маленький пузырёк с мазью, запасную одежду и нарисованный Элеонорой берег моря. Затем пересчитала серебряные монеты, накопленные за годы, и убрала в карман.

Агнес увидела, как она снова и снова пересчитывает деньги, достала из-под шкафа старый кошелёк со своими сбережениями. Изольда пыталась отказаться, но Агнес вложила его ей в ладонь и велела не экономить на еде и не останавливаться в опасном месте ради пары медяков.

— Ты едешь с нами, — твёрдо сказала Изольда, прижимая кошелёк к груди и глядя Агнес в лицо. — Даже не думай в последнюю минуту передумать и отправить меня одну. Мы же договорились: выберемся, поживём где-нибудь спокойно, пока ты не поправишься, а потом поедем к морю. Ты ведь тоже никогда его не видела?

Агнес ласково кивнула. В тот вечер они рано погасили лампы и сидели в темноте в пальто, ожидая Томаса. Изольда так волновалась, что то и дело проверяла окна, воду и припасы в узле. Она даже яблоко не могла съесть, хотя обычно очень их любила. После полуночи Томас так и не появился. Что-то случилось. Теперь она была в этом уверена.

И тут на улице возник свет фонарей. Агнес выглянула из-за занавески и побледнела. По переулку шёл Эдвин с несколькими мужчинами. Двое обогнули дом, ещё двое встали возле ограды. Изольда узнала их и схватила приёмную мать за руку. Шёпотом сказала, что, наверное, Томаса поймали. За дверью раздался знакомый голос старосты:

— Агнес, Изольда, я знаю, вы не спите. Открывайте. Нам нужно кое-что обсудить.

Агнес глубоко вдохнула и велела Изольде выбираться через кухонное окно. С мужчинами она разберётся сама. Изольда пришла в ужас. Они же обещали уйти вместе! Неужели

Агнес опять оставит её одну? Объяснять было некогда. Агнес сунула узел ей в руки и строго велела слушаться. Надо бежать через огород к западной тропе. Там должны ждать Элеонора с Артуром. Если их не окажется на месте, следует спрятаться в ближайшем фермерском доме и дождаться рассвета.

Изольда всё ещё спорила, когда стук стал настойчивее. Агнес подтолкнула её к заднему окну, помогла перелезть через подоконник, закрыла створку и пошла открывать дверь. Изольда приземлилась в огороде. Один башмак остался в мокрой грязи. Поднимать его было некогда. Прижав узел к груди, она бросилась бежать. Она только перебралась через ограду, когда из дома донёсся спор, а следом — грохот опрокинутой мебели.

— Агнес?!

Изольда остановилась. Из освещённого окна раздался крик боли. Голос Агнес. Её охватила паника. Позабыв о побеге, она бросила узел и помчалась обратно. Один из мужчин у задней двери попытался её остановить. Изольда так сильно укусила его за руку, что тот отпустил. Она пролезла через ограду и ворвалась в дом. Агнес лежала возле стола. По лбу струилась кровь. Эдвин стоял перед ней на коленях, пытаясь помочь подняться.

— Агнес!

Изольда рухнула рядом. Голос срывался.

— Очнись! У тебя столько крови! Что вы с ней сделали? Она же пожилая женщина! Как вы могли?

Эдвин торопливо объяснял, что Агнес разволновалась, началась потасовка, и она случайно ударилась головой об угол стола. Изольда почти не слышала его. Она пыталась вытереть кровь рукавом и всё время плакала. Лишь когда Агнес приоткрыла глаза, стало немного легче. Но потом Изольда подняла голову и посмотрела на окруживших их мужчин. Она знала каждого с детства. И ни один даже не собирался позволить ей послать за доктором.

Страх сменился яростью.

— Вон отсюда! Все! — закричала она сквозь слёзы. — Вам нечего делать в моём доме! Я не соглашалась на эту свадьбу. И не соглашалась, чтобы вы забирали Агнес! Сколько ещё вы собираетесь над нами издеваться?

Эдвин нахмурился, собираясь ответить, но с улицы вошёл Олдрик. Он осмотрел рану Агнес, распорядился принести чистую ткань и аптечку. Говорил всё тем же ласковым голосом. Изольда не позволила ему дотронуться до приёмной матери. Оттолкнула его руку и потребовала сказать, где держат Томаса и почему они так упорно мешают ей уехать.

Олдрик спорить не стал. Велел двум женщинам перенести Агнес в постель, затем приказал Эдвину оставить людей у дома, чтобы мать с дочерью ночью больше не подвергались опасности. Изольда смотрела на него в оцепенении. Их снова запирали.

— Отец… — Слёзы продолжали стекать по лицу. — Это мой дом. Зачем вы ставите здесь охрану? Я лишь хочу отвезти Агнес к врачу. Вы даже этого не позволите?

Олдрик вздохнул и заверил её, что об Агнес позаботятся, а свадьба состоится в назначенный день. Он поднял с пола грязный узел, который Изольда бросила во дворе, положил на стол и тщательно стряхнул с него землю. Она смотрела на его аккуратные руки, чувствуя страшный холод. Изольда провела всю ночь у постели Агнес, держа её за руку до утра. У двери сменялись караульные. Время от времени доносились глухие разговоры и металлический звон креплений фонарей.

Томас не появился. Ни Элеонора, ни Артур не могли к ней пробраться. Перед рассветом Агнес ненадолго очнулась и погладила Изольду по волосам. Девушка тут же села, плача и спрашивая, где болит, не хочет ли она воды. Говорила, что они непременно попробуют бежать снова, когда Агнес окрепнет. Агнес посмотрела на неё и с трудом выговорила: «Береги старую записную книжку. Что бы ни случилось, она не должна попасть к Олдрику».

Глава 9. Невеста леса

Последние три дня перед свадьбой над Уичмиром моросил дождь. С утра до вечера сырела пшеница, которой украсили улицы. Деревенским даже пришлось накрыть деревянный помост, который они только что возвели на площади. Подготовка не остановилась. Наоборот, все суетились ещё сильнее. От пекарни с раннего утра тянулись аппетитные запахи, возле церкви женщины плели венки, дети мыли маленькие фонарики для украшений.

Изольда сидела в спальне и слушала голоса за окном. Когда-то Праздник урожая был её любимым днём в году. Теперь при одном упоминании свадьбы она начинала дрожать. Агнес поправлялась, но долго не могла оставаться на ногах. Соседи каждый день приносили еду и лекарства, будто заботились о них как никогда прежде. При этом караульные у дома никуда не уходили.

Изольда ежедневно спрашивала, можно ли ей найти Томаса или навестить Элеонору на постоялом дворе. Каждый, кто приносил припасы, улыбался и напоминал: свадьба близко, невесте лучше отдыхать дома. Она пыталась вылезти через заднее окно. Даже притворилась больной, надеясь, что один из караульных отправится за доктором и оставит ей возможность бежать. После нескольких неудач пробовать снова она почти не решалась — особенно когда видела повязку на лбу Агнес.

За два дня до свадьбы Марта принесла готовое платье. Увидев его, Изольда невольно отодвинулась к изголовью кровати. Марта будто не заметила. Развернула белую ткань, расхвалила искусных швей и объявила, что эта свадьба будет красивее той, что состоялась тринадцать лет назад. Изольда спросила, вернулась ли Мэриан после того, как надела это платье.

Руки Марты замерли на юбках. Помолчав, она села на край кровати и вздохнула.

— Милая, зачем вспоминать печальные истории? Все так старались, чтобы из тебя вышла красивая невеста. Ты только посмотри на рукава. Мы несколько дней вышивали узор. Потом поймёшь, как сильно тебя любит деревня.

Изольда смотрела на платье и старалась держать себя в руках, но в конце концов заплакала.

— Марта, я не хочу его надевать. Считай меня ребёнком, если хочешь, но я не собираюсь выходить замуж за человека, которого даже не видела. Я не знаю его имени. Как можно за него выйти? А вдруг он жестокий? Вдруг бьёт меня, запрёт где-нибудь или… или вообще никогда не отпустит домой?

На мгновение лицо Марты изменилось. Она коснулась ткани и заговорила тише. Когда она впервые увидела этот наряд в молодости, он показался ей невероятно красивым. Тогда она ещё даже не была помолвлена и завидовала девушкам, которым выпадало пройти по площади в белом платье. Голос её осёкся, словно Марта сама услышала, что говорит.

Изольда подняла голову.

— Тогда почему ты сама не пошла?

Марта очень долго молчала.

— Потому что в тот год выбрали не меня.

Она поднялась, велела женщинам собирать вещи и ушла без дальнейших объяснений. Изольда смотрела ей вслед, чувствуя, как страх нарастает. Перед глазами снова и снова возникали улыбающиеся лица деревенских, развешивавших праздничные венки.

* * *

В тот вечер Нелл тайком передала ей записку. Листок был спрятан в чистой простыне; слова на нём торопливо нацарапали. Томас жив, писала Нелл, но его держат в старой кладовой за мастерской. Артур повредил плечо во время ссоры со старостой. Его и Элеонору теперь не выпускают с постоялого двора. О Сэмюэле по-прежнему ничего не известно.

Внизу Нелл приписала ещё одно предупреждение: в день свадьбы Изольде нельзя пить красное травяное вино. Изольда несколько раз перечитала записку. Только убедившись, что Томас жив, смогла хоть немного вздохнуть свободнее. Она спрятала листок в записную книжку Агнес и вполголоса всё рассказала приёмной матери.

Агнес велела быть особенно осторожной, если во время обряда кто-нибудь потребует выпить вино, оставить отпечаток ладони или повторить клятву. Изольда пообещала, что ни на что не согласится. Потом спросила, есть ли хоть какая-нибудь надежда вернуться живой, если деревенские силой уведут её в лес.

Агнес долго смотрела на неё. Наконец вложила дочери в ладонь маленькую серебряную подвеску. Металл потёрся от времени, на обороте был выгравирован цветок с пятью лепестками. В самом центре виднелся крошечный круг, похожий на некоторые знаки в книжке.

— Её оставила твоя родная мать. Она была ещё молодой, когда ушла из своей семьи, а потом приехала в Уичмир. Я знала её недолго, но уверена: она никогда не пожелала бы тебе такой жизни.

Агнес помогла спрятать подвеску под нижней юбкой и взяла Изольду за руку.

— Я не знаю, что за человек Корвен Торн. О хозяине леса рассказывают столько всякого, что правду от выдумки не отличишь. Когда попадёшь туда, никому не доверяй слишком быстро. Особенно если Олдрик станет что-то велеть. Он может пообещать, что ты вернёшься домой, если согласишься на условие. Или что я буду в безопасности. Но ты никогда не должна отдавать своё имя или кровь только из-за страха.

По щекам Изольды текли слёзы.

— Агнес, мне правда надо туда идти? Мы ведь столько всего перепробовали. Неужели нет другого выхода? Я только хочу остаться живой. Хочу увидеть море, жить с тобой в каком-нибудь городке за деревней. Можно совсем недалеко. Я даже из дома выходить не буду, если так надо. Только не хочу в тот лес.

Агнес обняла её и гладила по спине. Не обещала того, что не могла исполнить, и не пыталась утешать красивыми словами, которые Изольда так хотела услышать. Они сидели обнявшись, пока караульный не объявил, что принесли ужин. Только тогда Агнес отпустила дочь и велела умыться. В тот вечер они поели овощей и зачерствевшего хлеба, который оставили про запас, и вспоминали двух цыплят, которых Изольда когда-то тайком пронесла в спальню.

Сначала она улыбалась лишь ради Агнес, потом рассмеялась по-настоящему. Но смех снова сменился слезами, и она едва смогла доесть суп. Агнес не упрекала. Они разговаривали за столом об обычных домашних делах, словно завтра у них ещё будет время обсудить травы в саду и хлеб, который Изольде никак не удавалось испечь как следует.

В день свадьбы дождь закончился. Изольда проснулась от колокольного звона. За окном уже ходили жители. Издалека доносились шум повозок и детский смех. Марта пришла с несколькими женщинами: они приготовили ванну, завтрак, потом достали белое платье и велели Изольде вставать.

Она свернулась на кровати, покачала головой и вцепилась в одеяло. Сначала женщины посмеивались и уговаривали её, уверяя, что все невесты нервничают. Когда Изольда заплакала так сильно, что почти не могла вдохнуть, они перестали шутить и пошли за Агнес. Агнес медленно вошла в спальню, опираясь о косяк, и попросила остальных выйти.

Как только дверь закрылась, Изольда бросилась ей на шею, сотрясаясь от рыданий. Повторяла, что не хочет надевать платье, не хочет уходить из дома, не хочет выходить замуж за незнакомца, который живёт в лесу. Агнес обнимала её, пока та немного не успокоилась. Потом умыла, расчесала волосы, заново завязала красную нить и убедилась, что подвеска спрятана. В подкладку платья вложила маленькую сложенную книжечку с записями об обрядах. Лишь после этого помогла одеться.

Платье оказалось тяжёлым и сильнее обычного стягивало талию. Стоя перед зеркалом под фатой, Изольда едва узнавала бледную девушку в отражении. Агнес затянула последний шнурок и замерла у манжеты, там, где прежде было вышито имя Мэриан. Коснулась ткани, затем осторожно поправила рукав.

— Если окажешься в опасности, сначала найди способ выжить, — прошептала она. — Сможешь — беги. Придётся — прячься. Ты не обязана расплачиваться жизнью за чужие ожидания.

Изольда повернулась и крепко её обняла. Они разжали руки только после нескольких окликов с улицы. Агнес расправила фату и помогла дочери выйти из спальни. Увидев наконец одетую Изольду, Марта просияла, объявила её самой красивой невестой и поспешно позвала женщин поправить юбки. Изольда смотрела в пол и молчала.

Дорогу от дома до церкви устлали лепестками. По обе стороны стояли деревенские в чистой праздничной одежде, махали руками и улыбались. Одни желали счастья, другие восхищались невестой; несколько пожилых женщин даже плакали от умиления. Подол платья волочился по влажной мостовой. Изольда то и дело оглядывалась в поисках Агнес, но та отставала, поддерживаемая двумя людьми.

Когда они пересекали площадь, кто-то крикнул её имя. За группой мужчин стоял Томас. Руки были связаны верёвкой, рот разбит. Увидев Изольду, он рванулся к ней, но его тут же схватили за плечо. Изольда замерла, потом с плачем бросилась к нему, уронив букет.

— Томас! Что они с тобой сделали?

— Изольда, не ходи с ними! — Голос Томаса охрип. — Они ведут тебя в лес! Послушай! Не иди за ними! Я вчера видел, что они готовят. Они не собираются отпускать тебя обратно!

Две женщины успели схватить Изольду за руки. Она отчаянно вырывалась, перекручивая юбки платья. Мужчины оттаскивали Томаса прочь, но он продолжал кричать, чтобы она бежала. Наконец его повалили на землю, и он ударился лбом о камни мостовой.

— А-а! Не бейте его! — завизжала Изольда сквозь слёзы. — Пожалуйста, отпустите! Он всего лишь хотел мне помочь. Почему вы даже этого не можете позволить?

Музыка оборвалась. Люди зашептались. Матери отводили детей себе за спины, а какой-то старик велел Томасу прекратить представление. Изольда тянулась к нему, но не могла освободиться. Лишь когда из церкви вышел Олдрик и велел увести Томаса, площадь начала успокаиваться. Олдрик подошёл к Изольде и ласково заверил, что Томас ещё молод и вспыльчив. Когда праздник закончится, его отпустят домой.

Изольда умоляла отпустить его прямо сейчас. Олдрик только посоветовал перестать плакать, пока не испортила лицо. Она смотрела на человека, которого знала с детства, и вдруг почти не узнавала его. Благословения в церкви длились долго. Изольда стояла перед алтарём, а Олдрик произносил старинные слова. Пахло воском, цветами и пряностями. Под ногами холодили каменные плиты. Все вокруг были празднично одеты и смотрели с торжественным воодушевлением.

Эдвин положил на алтарь тяжёлую старую книгу. Марта поднесла серебряную чашу с чистой водой. Олдрик попросил Изольду назвать имя и возраст, затем произнёс благословение лесу, урожаю и защите, обещанной древним договором. Голос эхом отражался от сводчатого потолка. У Изольды кружилась голова. Она думала только о том, когда всё это кончится.

И вдруг Олдрик велел повторить клятву, касающуюся её имени, крови её рода и добровольного отречения от них. Изольда вспомнила предупреждение Агнес.

— Изольда Марлоу, по своей ли доброй воле ты принимаешь этот древний договор, отдаёшь своё имя и кровь своего рода лесу и связываешь себя последующими обетами?

Она резко подняла голову.

— …Нет.

Олдрик помолчал, затем мягко напомнил, что они дошли до самой важной части церемонии. Волноваться не нужно. Следует лишь повторить ответ, который он ей подсказал. Изольда в ужасе смотрела на него и качала головой.

— Я сказала, что не согласна! — выкрикнула она громче. — Я не понимаю, что значат эти слова. Я не знаю, что вы заставляете меня обещать. Вы всё время говорили, что сегодня всё объясните, а теперь опять требуете повторять, ничего не понимая! Отец, пожалуйста, отпустите меня домой. Я этого человека даже не видела. Как я могу обещать отдать себя ему?

По церкви прокатился шёпот. Одни жители выглядели оскорблёнными, другие торопили её, прося не задерживать обряд. Несколько человек тревожно смотрели на Олдрика — они боялись, что отказ навлечёт беду. Священник не стал выговаривать ей при всех. Некоторое время рассматривал Изольду, затем закрыл книгу и объявил, что невеста слишком взволнована. Главную клятву можно отложить. Пока завершат прощальное благословение.

Эдвин встревожился и тихо спросил, не повредит ли это договору. Олдрик заверил, что шествие в лес состоится, а остальное он уладит сам. Марта снова поднесла серебряную чашу. Олдрик уколол Изольде палец тонкой серебряной иглой, и несколько капель крови упало в воду. Она вздрогнула и попыталась отдёрнуть руку, но Марта осторожно придержала запястье и попросила не бояться. Скоро всё закончится.

Вода слегка порозовела. Олдрик прошептал ещё одно благословение и окропил ею алтарь и порог. Где-то в глубине церкви раздался глухой гул, словно за каменными стенами что-то шевельнулось. Изольда в ужасе огляделась. Жители просто склонили головы в молитве. Похоже, их это не удивило. Она понятия не имела, что помогла совершить её кровь. Знала лишь одно: даже после того, как она вслух отказалась от клятвы, отпускать её никто не собирался.

К сумеркам свадебная процессия дошла до лесной опушки. Между двумя огромными старыми деревьями стояли каменные ворота. По столбам вился плющ, на ржавых железных прутьях висели венки из сухих цветов. В детстве Изольда видела ворота издалека, но приближаться к ним всегда запрещали. Теперь она стояла вплотную и видела, что оба столба покрыты вырезанными знаками, а кое-где в камень вставлены тёмно-красные самоцветы.

Олдрик вручил ей фонарь. Нужно идти по тропе, объяснил он, пока она не выйдет к старинному поместью. Там живёт хозяин леса. Его зовут Корвен Торн. Услышав имя, Изольда поспешно спросила, сколько ему лет, обычный ли он человек и почему никогда не приходил в деревню. Олдрик толком ничего не объяснил. Корвен живёт в лесу уже много лет, сказал он. Олдрик знает его и может гарантировать, что за одно лишь появление на его земле её не тронут.

— Вы можете обещать, что я вернусь живой? — Слёзы скользили по щекам Изольды. — Отец, скажите мне правду. Если я туда войду, смогу ли хоть когда-нибудь вернуться и увидеть Агнес?

Олдрик ответил не сразу. Посмотрел на темнеющую тропу, а затем сказал, что многое ещё можно обсудить, если Изольда согласится на условия, которые ей предложат дальше. От этого уклончивого ответа последние надежды растаяли. Она опустила глаза, вцепилась в фонарь. Тут за спиной послышался кашель Агнес. Изольда резко обернулась.

Кто-то помог Агнес выйти вперёд из толпы. Повязка всё ещё закрывала лоб, лицо было пугающе бледным. Увидев дочь, она рванулась навстречу. Изольда выронила цветы и бросилась в её объятия, умоляя придумать хоть какой-нибудь другой выход. Агнес обнимала её и плакала. Только шептала на ухо: старайся выжить, никогда не отдавай своё имя бездумно и не принимай из страха клятв, смысла которых не понимаешь.

Они стояли так, пока кто-то не напомнил, что скоро стемнеет. Агнес неохотно отпустила дочь. Изольда пошла к воротам, то и дело оглядываясь. Проходя мимо Марты, она почувствовала, как та поправляет сбившуюся фату. Глаза женщины были красными, но она всё равно улыбнулась и сказала, какая Изольда красивая. Изольда ничего не ответила. Подобрала юбки и медленно прошла за железные ворота.

Позади зааплодировали. Деревенские выкрикивали благословения, махали белыми цветами, даже дети весело прощались с ней. Изольда успела пройти всего с десяток шагов, когда тяжёлые ворота с грохотом захлопнулись. Она обернулась, бросилась назад и схватилась за прутья. Снаружи повесили замок.

— Подождите! Не запирайте! — всхлипывала она. — Я ещё даже до дома не дошла! Уже темно. А если я заблужусь? Эдвин, пожалуйста, откройте! Мне страшно!

Эдвин стоял по ту сторону с ключом. Лицо было странным, словно он хотел что-то сказать, но в конце концов лишь посоветовал держаться тропы. Изольда вцепилась в железо так крепко, что пальцы заболели от холода. Продолжала умолять не оставлять её одну. Но жители уже расходились. Музыка удалялась, таяла в вечернем воздухе. Агнес увели под руки, Марта вместе с процессией направилась обратно в деревню.

Изольда смотрела, как они один за другим исчезают в сумерках. Наконец она осталась одна за запертыми воротами. Позади уходила в лес незнакомая тропа. Она долго плакала. Лишь когда почти совсем стемнело и среди деревьев закричали ночные птицы, Изольда вытерла лицо, подняла фонарь и пошла дальше.

Глава 10. Существо в поместье

В лесу было холоднее, чем Изольда ожидала. Она шла по узкой тропе с фонарём в руке. Ветки цеплялись за белое свадебное платье, подол волочился по грязи и постепенно становился серо-коричневым. Она давно потеряла счёт времени. Ноги ныли, тяжёлая ткань оттягивала плечи. Красивые туфли, которые выбрали деревенские, совсем не подходили для такой дороги: стоило наступить на скользкий камень, приходилось хвататься за дерево, чтобы не упасть.

Несколько раз хотелось вернуться. Но каменные ворота были заперты, а позади её никто не ждал. Оставалось вытирать лицо и идти дальше, ориентируясь по слабому свету фонаря.

— Господин Торн? — окликнула она деревья охрипшим от слёз голосом. — Я Изольда Марлоу. Священник отправил меня к вам. Если вы слышите, пожалуйста, выйдите. Я совсем здесь не ориентируюсь, а уже темно. Боюсь свернуть не туда.

Ветер шелестел листвой. Ответа не было. Изольда стала ещё тревожнее. Она вспомнила слова Олдрика во время обряда и предупреждения Агнес: нельзя соглашаться на клятву, смысла которой не понимаешь. Она коснулась серебряной подвески под воротником. Металл согрелся от тела, красная нить по-прежнему держалась на запястье. Проверив узел, девушка постаралась не представлять всякие ужасы.

Но потом вышла к развилке и запаниковала. Две дороги расходились в разные стороны. На обеих виднелись старые колеи от колёс. Одна заросла травой ей по колено. Изольда подняла фонарь и тщетно поискала указатель. Сердито пробормотала что-то себе под нос, снова расплакалась и закричала:

— Эй! Есть тут кто-нибудь? Меня кто-нибудь слышит? Я не знаю, куда идти! Пожалуйста, помогите!

Никто не откликнулся. В конце концов она выбрала более широкую тропу справа. Не успела далеко пройти, как из кустов донёсся шорох — словно сквозь заросли продирался большой зверь. Она замерла и задержала дыхание. Луч фонаря не доставал до того места. В темноте лишь двигались несколько веток. Вспомнив детские страшилки о волках, Изольда подхватила юбки и поспешила дальше. Шла всё быстрее, пока каблук не увяз в грязной яме. Она едва не упала.

— Ну почему со мной опять такое происходит?

Присев, она попыталась вытащить туфлю и ещё сильнее перепачкала юбки. Ногу освободить удалось, но туфля осталась в грязи. Изольда обернулась за ней — и за спиной треснула ветка. Она вздрогнула, бросила туфлю и побежала, хромая одной босой ногой. Миновав стену, покрытую мхом, наконец заметила между деревьями слабые жёлтые огоньки.

Впереди стояло старинное поместье. Огромный дом из тёмно-серого камня, с высокими крышами и остроконечными башенками почти вровень с верхушками деревьев. Части стен оплёл плющ. Высокие окна мерцали свечным светом. Участок окружала ржавая железная ограда. Сад давно зарос, хотя кто-то ещё расчищал дорожку из каменных плит.

Изольда остановилась у ворот, переводя дыхание. Потом набралась смелости, толкнула створку и пошла к входной двери. Она ожидала увидеть слуг или хотя бы сторожа. Но в доме стояла неестественная тишина. Она несколько раз постучала, звала Корвена Торна. Ответа не последовало. Подождав, она осторожно нажала на ручку. Дверь открылась.

Прихожая оказалась такой огромной, что Изольда на мгновение забыла испугаться. На стенах висели старинные портреты, тёмно-красный ковёр тянулся к лестнице. В камине пылал большой огонь. Возле длинного стола стояли кресла с высокими спинками. Мебель выглядела старомодно, но всё было чистым. Несколько книг лежало раскрытыми, словно хозяин лишь на минуту вышел.

Изольда осторожно закрыла дверь и осталась неподалёку, боясь что-нибудь тронуть. Она уже собиралась позвать снова, когда с лестницы раздался низкий мужской голос:

— Кто тебя впустил?

Она вздрогнула и подняла голову. На лестнице стоял мужчина в тёмном пальто. На вид лет тридцать пять, высокий, с чёрными волосами чуть ниже воротника и неестественно бледным лицом. Серые глаза в свете свечей казались холодными. Одежда на нём была добротная, но вышедшая из моды; воротник и манжеты выдавали старинную аристократическую привычку одеваться.

Изольду не покидало странное чувство, что она уже видела его. Через мгновение вспомнила серые глаза человека, наблюдавшего за ней и Томасом из-за деревьев после неудачного побега.

— Простите! — Она опустила голову, голос дрожал. — Я стучала, но никто не ответил. Я из Уичмира. Отец Олдрик велел мне найти господина Корвена Торна. Вы… это вы?

Он ответил не сразу. Медленно спустился, посмотрел сначала ей в лицо, затем на забрызганное грязью свадебное платье и фонарь. Под его взглядом Изольда попятилась. Вблизи мужчина оказался ещё выше, чем она думала. Щёки впалые, глаза глубоко посажены, словно он очень давно не спал как следует.

— Кто тебя прислал? — спросил он.

Изольда торопливо объяснила, что деревня выбрала её Невестой урожая и сегодня в церкви провели обряд. Пока говорила, мысли перескакивали от Агнес к Томасу и обратно. Объяснение получилось таким путаным, что она сама потеряла нить. Наконец вытерла глаза и призналась, что ничего не понимает в этой свадьбе и никогда не соглашалась выходить за незнакомца.

При имени Олдрика выражение лица мужчины едва заметно изменилось.

— Он сам проводил обряд?

Она кивнула.

— Он велел мне повторить клятву, но я не поняла слова и отказалась. Они всё равно отправили меня в лес. Господин Торн, если вы знакомы со священником, не могли бы попросить его отпустить меня домой? Агнес ранена. Я очень за неё беспокоюсь.

Мужчина не попытался её утешить. Вместо этого посмотрел на запястье. Изольда хотела спрятать красную нить под рукавом, но он уже заметил. Подошёл на шаг ближе и спросил, принадлежала ли её родная мать к старому роду ведьм. Изольда уставилась на него. Агнес рассказала об этом только вчера. Откуда незнакомцу знать?

— Не знаю, — честно ответила она. — Агнес моя приёмная мать. Я живу с ней с детства. О родной матери она почти никогда не говорила. Вы были с ней знакомы?

Он долго молча смотрел на неё.

— Как тебя зовут?

— Изольда Марлоу.

— Фамилию я знаю.

Растерявшись, она ещё раз назвала полное имя. Мужчина отвернулся, погрузившись в мысли. Затем взял со стола подсвечник, жестом велел идти за ним и направился наверх. Изольда растерянно смотрела ему вслед, пока не опомнилась.

— Подождите, господин Торн! Вы так и не сказали, могу ли я вернуться в деревню. Я ведь не собиралась здесь оставаться. Мне только сказали, что вы будете ждать в поместье, но я не хочу замуж. Если вы тоже не хотите жениться, может, мы вместе объясним всё священнику? Обещаю никому не мешать!

Корвен оглянулся на её красные от слёз глаза. Лицо почти не изменилось.

— На улице темно. Если уйдёшь сейчас, сомневаюсь, что доберёшься хотя бы до каменных ворот.

Изольда побледнела.

— Но я ведь дошла сюда одна. Дорога трудная, но если пойду обратно…

— Можешь попробовать, — холодно перебил Корвен. — Я бы посоветовал дождаться утра.

Он продолжил подниматься. Изольда посмотрела то на лестницу, то на закрытую входную дверь и наконец пошла за ним, собирая грязные юбки. Она украдкой поглядывала на хозяина. Странно жить в таком огромном доме без слуг и без единого звука. Любой человек, увидев на пороге перепачканную плачущую девушку, хотя бы спросил, не ранена ли она. Корвен, похоже, совсем ею не интересовался.

В конце верхнего этажа он открыл дверь гостевой спальни. Там стояла огромная кровать, украшенная резьбой в виде роз и виноградных лоз. Окна были высокими, в камине горел огонь. На прикроватном столике ждали кувшин воды и несколько кусков хлеба — словно гостя ожидали заранее. Увидев еду, Изольда замялась на пороге. После подвала постоялого двора она боялась есть мясо, приготовленное чужими, а даже простая вода напоминала о пережитом.

Корвен не настаивал. Поставил подсвечник, открыл дверь в соседнюю умывальную и сказал, что там можно смыть грязь. Затем достал из шкафа чистое одеяло и положил на кресло. Взглянул на тяжёлое платье.

— Лучше сними это. Если оставишь мокрым, завтра почувствуешь себя только хуже.

Изольда широко распахнула глаза и покраснела.

— Что? Но… у меня с собой нет другой одежды!

Корвен нетерпеливо посмотрел на неё.

— На тебе есть нижнее платье.

Она опустила взгляд и поняла, что он всего лишь говорит об испачканном свадебном наряде. От смущения хотелось провалиться сквозь пол. Изольда извинилась и попыталась спрятать грязные юбки. Он не стал продолжать разговор. У двери остановился и велел не открывать её бездумно, если ночью услышит шум.

— Почему? — встревожилась она. — Здесь кто-то ещё живёт? Я не видела слуг, когда вошла.

— Слуг нет, — ответил он и добавил: — Дверь запирается изнутри.

Прежде чем она успела задать следующий вопрос, он ушёл. Изольда смотрела на закрытую дверь и думала, что у этого человека совершенно странные манеры. Но держаться на ногах она почти не могла. Наполнила таз водой, смыла худшую грязь и с трудом стянула свадебный наряд. Под ним оставалось длинное белое нижнее платье — тоньше, зато значительно чище. Она сложила свадебное платье на кресло, решив разобраться с ним утром, затем нанесла мазь на ссадины на коленях.

Нащупав под одеждой серебряную подвеску, снова вспомнила Агнес и заплакала. Она не знала, в порядке ли приёмная мать, обработали ли раны Томаса, нашли ли Артур и Элеонора Сэмюэла. Этим утром она проснулась в собственном доме. Теперь оказалась глубоко в лесу, в поместье совершенно незнакомого человека. Изольда присела на кровать, собираясь немного отдохнуть. За весь день почти ничего не ела. После слёз и борьбы на свадьбе, после долгого похода через лес раскалывалась голова.

Она вспомнила, как перед обрядом ей дали выпить якобы успокаивающей травяной воды. Сначала та показалась обычной, пока во рту не появился странный горький привкус. Теперь навалилась тяжёлая сонливость. Она хотела ещё раз проверить замок, но едва опёрлась ладонью о кровать, как провалилась в глубокий сон.

* * *

Тем временем неподалёку от поместья Джона Мерсер отчаянно искал выход из леса. Он должен был покинуть Уичмир больше десяти дней назад, но одна неприятность сменяла другую. Сначала лошадь по непонятной причине заболела, затем пропали товары, которые он оста-

вил у въезда в деревню. Когда он наконец их отыскал, Эдвин заявил, что главную дорогу всё ещё не починили.

Джона больше не хотел оставаться в Уичмире, особенно после странных слухов о Свадьбе урожая. Он решил уйти один старой дорогой, которую указал Эдвин. Перед выходом проверил письмо Артура. Оно по-прежнему лежало во внутреннем кармане пальто. Но среди деревьев быстро стало ясно: что-то не так. Несколько дорожных знаков явно переставили. Тропа, которая будто бы вела вверх по холму, упиралась в крутой овраг. Пришлось возвращаться и искать колеи, скрытые в траве.

К закату он так и не нашёл дороги в соседний город, а вода в бутылке почти закончилась.

— Чёртов Эдвин… — бормотал Джона, нащупывая на поясе нож, который носил больше десяти лет. — Вернусь — заставлю его самого пройти этой прекрасной короткой дорогой.

В подлеске что-то шевельнулось. Джона остановился и поднял фонарь. Несколько веток медленно качнулись. Казалось, кто-то примял внизу узкую дорожку. Вспомнив предупреждение Томаса о лесе, торговец почувствовал, как по коже пробежали мурашки. Но паниковать как ребёнок не хотел. Достал нож и позвал в темноту:

— Эй! Кто там? Я всего лишь странствующий торговец. Мне неприятности не нужны. Если ты из деревни, покажи выход. Заплачу!

Ответа не последовало. Джона постоял, затем двинулся дальше. Из темноты донеслось низкое, тяжёлое дыхание. Из кустов молниеносно вылетела неправдоподобно длинная рука и схватила его за пальто. Он даже не успел разглядеть напавшего, прежде чем его поволокли по грязи. Фонарь вылетел из руки и покатился по листьям, дрожащим огоньком осветив корни деревьев.

Джона наотмашь ударил ножом назад. Лезвие с металлическим визгом встретило что-то твёрдое. Хватка ослабла. Он пополз вперёд, но, не успев продвинуться и на несколько шагов, получил страшный удар в спину. Нож сломался. Джона закричал от боли и ухватился за корень, стараясь вырваться. Существо оказалось неизмеримо сильнее. Пять длинных пальцев вонзились в ткань и снова потащили его в тень.

Борьба продолжалась долго. Грязь вокруг превратилась в месиво, кора соседних деревьев покрылась глубокими царапинами. Наконец последний крик Джоны оборвался. Лес стих. Чудовище склонилось над телом и начало есть. Его спина выгибалась высокой дугой, серо-белая кожа натянулась над выступающим позвоночником. Две узкие руки упирались в грязь. Длинные чёрные волосы скрывали лицо; плечи поднимались и опускались в такт движениям челюстей.

Пальто Джоны разорвалось. Левая рука всё ещё сжимала сломанный нож; вырезанная на рукояти буква J была замазана кровью и землёй. Где-то вдалеке треснула веточка. Существо перестало есть и медленно подняло голову. Тёмные волосы откинулись, обнажив серые глаза, глубоко запавшие в глазницы. Оно прислушалось, затем с трудом вытолкнуло из изуродованного горла почти неразборчивые слова:

— …Ещё кто-то?

Неподалёку мужчина с фонарём искал пропавшего спутника. Он вышел между деревьями и увидел тело в грязи — и поднимающееся рядом чудовище. Фонарь качнулся в его руке. Мужчина развернулся и помчался обратно. Существо проводило его взглядом. Через некоторое время распрямило неестественно длинные конечности, словно решая, не последовать ли за ним.

Но вдруг замерло и повернуло голову к поместью. В нескольких окнах ещё горели огни. Чудовище долго стояло в темноте, затем побрело к дому, опустив по бокам окровавленные руки. Когда Изольда снова открыла глаза, возле кровати горела только одна свеча. Она смотрела на незнакомые потолочные балки. Голова пульсировала болью, и сначала она не могла

вспомнить, сколько проспала. Свадьба, лес, слёзы Агнес и мужчина в тёмном пальто перепутались в памяти.

Она села. На ней было длинное белое нижнее платье с засохшей грязью на коленях. Правая ступня отзывалась болью, когда касалась рамы кровати. Рядом стояла чашка холодной воды, занавески были плотно задёрнуты. В комнате пахло сырым деревом и свечным воском.

— …Агнес?

Она позвала машинально, потом вспомнила, что приёмной матери здесь нет. Изольда сидела на краю кровати, не зная, что делать, пока где-то в коридоре с тяжёлым грохотом что-то не ударилось о стену. Она вскочила. Ухватившись за спинку кровати, прислушалась. Снова удар. Ближе. Следом — звук, будто по полу медленно волокут что-то тяжёлое.

Изольда подошла к двери, подумав, что снаружи Корвен. В коридоре ещё горели свечи, вдоль стен висели старые портреты. Она выглянула в сторону лестницы.

— Господин Торн? Вы здесь? Мне показалось, внизу что-то шумело…

Снизу раздался быстрый скрежет. Изольда остановилась. На ступени выползла бледная, неправдоподобно длинная рука. За ней — вторая. Что-то ползло из-за поворота лестницы. Тело выворачивалось под странными углами, серо-белая кожа туго обтягивала выступающие кости. Чёрные волосы скрывали лицо. Между прядями смотрели только серые глаза.

На мгновение Изольда застыла. Но затем разглядела обе руки — таких у человека быть не могло — и закричала. Она развернулась и побежала по коридору. За спиной скрежет сразу ускорился. Изольда распахивала двери, но одни были заперты, а за другими стояла старая мебель. Спрятаться негде. Плача и крича, она неслась босиком по холодным половицам, путаясь ногами в юбке.

— Помогите! Кто-нибудь, помогите мне! Пожалуйста!

Голос срывался. Возле лестницы она споткнулась, врезалась в перила и ударилась коленом о край каменной ступени. От боли едва смогла подняться, но существо приближалось. Держась за поручень, она кое-как спустилась и побежала к входной двери. Схватилась за ручку, потянула. Не открывается. Она толкала и колотила по двери, пока не заболело плечо. Створка даже не шелохнулась.

С лестницы донёсся треск. Обернувшись, Изольда увидела, что высокое тощее существо уже в прихожей. Чёрные волосы обрамляли мертвенно-бледное лицо, пальцы почти касались пола. Она бросила дверь и помчалась в другой коридор, по пути опрокинув подсвечник. Пламя едва не схватило подол. За поворотом нижнее платье зацепилось за железный крюк, торчавший из-под ковра. Изольда полетела вперёд и ударилась коленями о пол.

Она вскрикнула и принялась отчаянно освобождать ткань, но руки тряслись слишком сильно. Шаги приближались. Пахло кровью. Что бы это ни было, теперь Изольда поняла: существо вполне может есть людей.

— Не подходи… Пожалуйста, я ничего плохого не сделала… — умоляла она сквозь рыдания. — Я хочу домой… Прошу, отпусти меня…

В конце коридора висело высокое зеркало. Изольда подняла голову и увидела в отражении тонкую чёрную фигуру за спиной. Она уже была рядом. Серо-белая рука медленно тянулась к её плечу. Девушка оцепенела, не в силах даже дёрнуть юбку. Ледяные пальцы легли на неё.

— А-А-А-А!

Она зажмурилась и отчаянно закричала, пытаясь рвануться вперёд. Ткань не отпускала, и от сильного рывка начала трещать. Повреждённое колено пульсировало. Изольда вслепую металась, умоляла о пощаде и уже почти не понимала собственных слов.

— Не ешь меня! Обещаю, я невкусная! Пожалуйста! Во мне лекарства — Агнес давала мне много трав. Я буду горчить! Только не ешь!

Существо за спиной остановилось. Его ладонь не опустилась ниже, но и не исчезла с плеча. Изольда вся дрожала от рыданий. Через долгую паузу она услышала чудовищно хриплый голос, словно каждое слово с болью проталкивали через горло.

— …Что ты сказала?

Изольда замерла. Медленно обернулась. Чудовище смотрело на неё сверху вниз. Лицо впало почти до костей, в уголках рта запеклась кровь, чёрные волосы свисали по бокам искривлённых плеч. Оно находилось так близко, что она видела ненормальные очертания костей под кожей. Она отпрянула в ужасе. И всё же серые глаза показались знакомыми.

— …Господин Торн?

Существо не ответило. Горло медленно дрогнуло, ноздри раздулись, будто оно пыталось узнать её по запаху. Сердце Изольды бешено колотилось, слёзы продолжали течь.

— Что… что с вами случилось? Это вы? Тот человек, которого я видела на лестнице?..

Чудовище наклонилось ближе. Изольда вскрикнула и поспешно закрыла рот ладонью. Его взгляд упал на красную нить на её левом запястье. Узел промок от пота, но не развязался. Существо вытянуло к нему длинный палец и остановилось, не коснувшись.

— Вейл… — прохрипело оно.

Изольда подняла голову.

— Откуда вы знаете это имя? Агнес тоже его упоминала, но я не знаю, что оно значит. Вы знали мою родную мать? Если да, расскажите…

Она не успела договорить. Существо выгнуло спину, из горла вырвался подавленный рык. Оно упёрлось ладонью в стену, впившись длинными ногтями в дерево, словно терпело невыносимую боль. Изольда рванула платье с крюка и поползла назад, не обращая внимания на треск ткани. Монстр поднял на неё голову. У рта блестела кровь, дыхание становилось тяжелее, обнажился ряд острых зубов.

— Уходи… — прохрипел он.

Изольда отчаянно закивала. Слёзы хлынули ещё сильнее.

— Ухожу! Прямо сейчас уйду. Пожалуйста, не сердитесь. Только не гонитесь за мной…

Опираясь о стену, она поднялась и, хромая, направилась к лестнице. Существо не напало. Оно держалось за стену, тело содрогалось от тяжёлого дыхания. Изольда не смела оглядываться, пока с трудом поднималась наверх. Она добралась до гостевой комнаты, закрыла и заперла дверь, затем придвинула к ней кресло. Села на пол, прижала колени к груди и долго плакала.

Постепенно внизу стало тихо. Она хотела забраться на кровать, но колено болело так сильно, что при каждом движении снова выступали слёзы. Изольда посмотрела на порванное нижнее платье и вспомнила окровавленную пасть монстра. Теперь понятно, почему жители не хотели говорить ей, кто её жених. Через долгое время в коридоре раздались шаги. На этот раз обычные — стук подошв по деревянному полу.

Изольда закрыла рот рукой и съёжилась возле кровати. Шаги замерли у её двери. Два тихих стука. Она затаила дыхание. Наконец послышался низкий, измученный мужской голос:

— Изольда Марлоу.

Она уставилась на дверь. Голос был очень похож на голос человека, с которым она разговаривала на лестнице.

— Открой, — сказал Корвен.

Из её глаз снова хлынули слёзы.

— Нет! Пожалуйста, не подходите ко мне. Я ничего у вас не трогала, ничего не пыталась украсть. Завтра же утром уйду. Только разрешите мне остаться здесь на эту ночь… Пожалуйста.

Небольшая пауза.

— Сейчас я тебя есть не собираюсь.

Изольда едва поверила услышанному. Вытерла щёки и дрожащим от страха и ярости голосом возмутилась:

— Что значит «сейчас»? Вы же только что хотели меня съесть! Я видела кровь у вас на губах! Вы уже кого-то другого съели?

Корвен ответил не сразу. За дверью было слышно его медленное тяжёлое дыхание. Изольде хотелось потребовать объяснений, но от страха слова застревали в горле. После долгого молчания он тихо произнёс:

— Ты права. Тогда держи дверь закрытой до утра.

Его шаги удалились. Изольда продолжала сидеть на полу, обхватив колени. Слушала, пока он не дошёл до конца коридора и не закрыл другую дверь. Прошло много времени, прежде чем она осмелилась встать и убедиться, что кресло надёжно подпирает дверь. Она поставила подсвечник возле кровати, решив не гасить огонь всю ночь. Внизу, в прихожей, Корвен стоял у камина и смотрел на свои руки.

Удлинённые кости постепенно вернулись к обычной форме, но возле ногтей всё ещё оставались грязь и кровь. Он взял чистую ткань и тщательно вытер каждый палец, затем несколько раз вымыл руки, пока вода в тазу не стала бледно-розовой. Вернувшись к длинному столу, он нашёл брачный документ, который оставил раскрытым. Внизу стояла знакомая печать Олдрика.

Корвен прочёл бумагу от начала до конца. В ней были указаны имя и возраст невесты, дата её прибытия в лес, благословение и обряд с кровью, проведённый в церкви. Но там, где должна была стоять важнейшая клятва договора, не было ни обещания невесты, ни отметки о завершении обряда. Корвен долго смотрел на пустое место. Он вспомнил красную нить на запястье девушки и запах её крови, который узнал, приблизившись к ней. С таким запахом он не сталкивался много лет.

Он отложил документ и открыл ящик. Внутри лежала старая металлическая печать. Рисунок стёрся, но цветок с пятью лепестками всё ещё можно было различить. Корвен поднёс её к свече и принялся разглядывать. Сверху донёсся тихий скрежет передвигаемой мебели, затем приглушённые рыдания Изольды. Судя по звукам, она укрепляла дверь, время от времени задевая больное колено и вскрикивая.

Корвен немного послушал, вернул печать в ящик и снова взял брачный документ, чтобы перечитать строки, дописанные Олдриком от руки. Тут снаружи раздался стук копыт. Он замер и посмотрел на окна. У железных ворот мелькнул огонь, послышалось фырканье лошади. Кто-то приехал по старой лесной дороге. Снаружи мужчина окликнул Корвена по фамилии. Голос был очень знакомым.

Корвен сложил документ, убрал в карман пальто и направился к входу. Проходя мимо лестницы, он заметил, что плач наверху стих. Из-под двери гостевой комнаты пробивался свет свечи. Наверх Корвен не поднялся. Прошёл прямо к входной двери и повернул замок.

Глава 11. Невеста за закрытой дверью

После наступления темноты колокола Уичмира зазвонили снова. По мощёным улицам жители возвращались на площадь, впереди с фонарями бежали дети. Разбросанные днём лепестки никто не убрал, и теперь ветер кружил их под ногами.

В пекарне ещё топились печи. Женщины раскладывали горячий хлеб по корзинам, мужчины собрались у свежеразожжённого костра, пили и обсуждали урожай. Кто-то принёс скрипку, другой — деревянную флейту. Старики расселись на скамьях, готовясь исполнить старинную песню, которую пели здесь из поколения в поколение. Вся деревня казалась счастливой, что обряд состоялся. Только в маленьком каменном доме на углу улицы по-прежнему горел одинокий свет.

Марта Беллами принесла последнюю тарелку с жареным мясом к длинному столу и позвала молодёжь помочь с раздачей. От дневных хлопот она вспотела, белый передник всё ещё был в муке, но улыбка почти не исчезала с её лица. Когда её спросили, плакала ли Изольда при прощании, Марта вздохнула и рассмеялась. Любая девушка расстроится, впервые покидая родительский дом. Привыкнет на новом месте — успокоится.

Другая женщина заметила, что Изольда была удивительно красива в платье, даже красивее Мэриан тринадцать лет назад. Нож в руке Марты замер. Она подняла голову и попросила не вспоминать людей из прошлого в такой счастливый день.

— Да я просто сказала, — неловко ответила женщина, беря тарелку с мясом. — Ты сегодня вся на нервах. Невесту доставили, священник сказал, что обряд прошёл хорошо. Теперь уж можно отпраздновать?

— Конечно можно! А почему нет? — Марта передала ей блюдо и по пути вытерла жир с подбородка ребёнка. — Все столько трудились. Пусть наедятся вдоволь. И скажи Нелл, чтобы принесла сидр из кухни. А то мужчины напьются крепкого и завтра работать не смогут.

Нелл стояла у двери постоялого двора. Услышав имя, быстро отозвалась. В руках у неё был кусок только что выстиранной ткани. Лицо заметно бледнее остальных, под глазами тёмные круги. Марта увидела, что девушка не двигается, подошла и спросила, не заболела ли она. Нелл покачала головой, сказала, что плохо спала, и поспешила на кухню.

Марта проводила её взглядом, снова надела улыбку и вернулась к гостям. На другом конце площади Эдвин Харкер распоряжался, как развесить на деревянных стойках фонари, которые принесли обратно из леса. Кто-то спросил, заперли ли каменные ворота. Эдвин кивнул и похлопал по карману пальто: ключ у него. Седой старик с облегчением вздохнул. Сегодня можно спать спокойно.

Эдвин ничего не ответил. Вместо этого велел нескольким молодым мужчинам охранять въезд в деревню, а завтра осмотреть старую лесную дорогу. Он уже собирался уйти, когда заметил у края площади отца Томаса. Плотник держал старую шляпу. Лицо было мрачным.

— Господин Рид, почему не выпьете с нами? — Эдвин подошёл с привычной дружелюбной улыбкой. — Вы столько плотничали для праздника. Заслужили несколько дней отдыха. Томас ещё молод, горячий. Скоро образумится.

Отец Томаса посмотрел на шляпу. Немного помолчал, затем спросил, когда ему вернут сына. Эдвин сказал, что Томаса держат в безопасном месте. Если перестанет пытаться помогать Изольде сбежать, его скоро отпустят. Пожилой мужчина горько усмехнулся. Неужели помочь подруге, которую знаешь с детства, выбраться из деревни — такое ужасное преступление?

Лицо Эдвина изменилось.

— Вы знаете, как важен нынешний праздник. Если бы Томас действительно увёл невесту, последствия были бы для всех невыносимы. Вы здесь всю жизнь прожили. Вам следует понимать это лучше молодых.

— Я знаю одно: он мой сын, — хрипло произнёс плотник. — Его мать рано умерла. Я один его вырастил. Теперь мне даже навещать его нельзя, а вы спрашиваете, почему я не пью сегодня?

Эдвин помолчал, потом пообещал, что завтра отец сможет увидеться с сыном. Плотник не поблагодарил. Надел шляпу и пошёл к мастерской. Эдвин смотрел ему вслед. Улыбка медленно сползла с лица. Когда кто-то позвал его начинать песню, он поправил пальто и вернулся в центр площади. Жители образовали широкий круг. Самая пожилая женщина села у костра с небольшим барабаном на коленях. Несколько раз ударила по коже, проверяя звук, затем запела шероховатым, но неожиданно чистым голосом.

Другие старики подхватили. Постепенно пение заполнило круг. Даже дети, не знавшие всех слов, хлопали в ладоши и громко выкрикивали припев.

Золотеет пшеница, высоко веет ветер,
Мимо идёт дева в белом наряде.
Тринадцать осеней, тринадцать ударов,
Её жених ждёт там, где растёт лес.
Не оборачивайся, назад не смотри,
Оставь фонарь — амбары будут полны.

Мелодия плыла над каменным колодцем и церковью, проникала в окна домов и дальше — к полям. Молодые женщины танцевали вокруг огня, обняв друг друга за руки; юбки кружились. Последние две строчки дети исполняли особенно громко и драматично, заставляя взрослых смеяться. Кто-то раздавал им печёные яблоки, кто-то отгонял от пламени.

Со стороны всё выглядело как обычная весёлая деревенская свадьба. Только в доме Изольды не горело праздничных фонариков. Агнес сидела в гостиной перед миской давно остывшего супа. Лоб был перевязан. Она ослабела настолько, что, закрывая окно, вынуждена была держаться за спинку стула. Любимая чашка Изольды стояла на столе. Старый выцветший передник висел на стуле, возле окна лежали травы, которые девушка не успела разобрать.

Днём женщины, помогавшие прибраться, чуть не унесли передник. Говорили, что раз невеста вышла замуж, хранить старые вещи ни к чему. Агнес накричала на них так яростно, что те поспешили повесить его обратно. Она протянула руку к чашке. Как только пальцы коснулись края, с площади долетела старая песня. Агнес закрыла глаза.

Слушать, как деревенские снова и снова поют, что невеста не должна оглядываться, было тяжело, словно на грудь положили камень. Она вспомнила, как тринадцать лет назад Мэриан проходила по площади в этом же платье. Жители пели те же слова. Девушка плакала, букет дрожал в руках, а вдоль улицы все улыбались и желали ей счастья.

Мэриан не вернулась. Со временем о ней перестали говорить. Даже у маленького домика появился новый хозяин. Агнес поставила чашку и поднялась, опираясь на стол. В спальне Изольды кровать выглядела точно так же, как утром. Рядом с подушкой лежал кусок слишком твёрдого хлеба. Несколько дней назад Изольда испортила выпечку, но отказывалась выбрасывать: говорила, что скормит птицам.

Агнес долго держала хлеб в руках. Потом села на кровать и закрыла лицо ладонями.

* * *

На верхнем этаже постоялого двора Беллами Элеонора Уитби сидела у окна и смотрела на костёр. Артур полулежал на кровати. Левое плечо перевязано, лицо заметно бледнее, чем несколько дней назад. После того как он пытался выйти через деревенскую дорогу и подрался с охраной, им с Элеонорой приказали оставаться на постоялом дворе. Даже к обеду их сопровождали.

Марта всем говорила, что Артур ранен и нуждается в покое. Каждый день посылала Нелл с едой. Элеонора отлично понимала: двое мужчин, дежуривших у двери, не собирались разрешать им свободно ходить. Когда за окном пение стало громче, она повернулась к брату.

— Артур, Изольду правда сегодня увели в лес? Я слышала внизу, что невеста уже ушла, но Нелл не сказала, что случилось. Ей всего двадцать четыре, и она всё время повторяла, что не хочет замуж. Как эти люди после всего могут петь и танцевать?

Артур медленно сел, морщась от боли в плече. Днём он видел, как свадебная процессия проходила мимо постоялого двора. Изольда шла в белом, окружённая несколькими деревенскими женщинами. Она выглядела пугающе бледной. Он пытался спуститься и вмешаться, но охрана ответила, что деревенская свадьба — не дело приезжих. Это мучило его ещё сильнее, потому что несколькими днями ранее Изольда прямо сказала: на брак она не соглашалась.

Элеонора заплакала.

— А Сэмюэл? Раз Изольду отправили, они теперь собираются отвести в лес и Сэмюэла? Артур, мне так страшно. А если мы никогда его не найдём? Его мать ждёт, что мы вернёмся домой. Перед отъездом она написала мне, просила присматривать за Сэмюэлом. А я даже не знаю, жив ли он.

Артур сел рядом и взял сестру за руку. Он уже не обещал, что они обязательно найдут Сэмюэла. Только сказал, что тайком сохранил копии записей постоялого двора и отметил несколько имён, повторявшихся в старых книгах. Как только выберутся, всё передадут полиции в соседнем городке. Элеонора посмотрела на фотоаппарат Сэмюэла и спросила, есть ли вести о Джоне Мерсере.

Артур покачал головой. С тех пор как торговец пообещал отвезти письмо, его никто не видел. Эдвин утверждал, что он, должно быть, поехал торговать в другом месте. За окном снова зазвучала песня. Элеонора заметила странность в последней строке. Дети пели: «Оставь фонарь — амбары будут полны». А пожилые женщины, кажется, произносили: «Оставь её там — амбары будут полны».

Может, ей послышалось? Она раскрыла блокнот и записала обе версии. Артур прислушался и предложил расспросить Нелл, когда появится возможность. Возможно, в словах содержится ещё одна подсказка о судьбе Невест урожая. Олдрик не участвовал в празднестве.

В церковном кабинете он изучал старый договор с сильно истрепавшимися пожелтевшими краями и древним знаком внизу. Рядом лежали записи о сегодняшней свадьбе. Имя Изольды, кровавый обряд и шествие — всё внесено. Только место главной клятвы оставалось пустым. Олдрик разгладил бумагу пальцами и написал несколько строк на чистом листе.

Он как раз запечатал письмо, когда Эдвин постучал и вошёл.

— Отец, деревня празднует. Вы не придёте? Все ждут, что вы проведёте последнюю молитву.

Олдрик протянул ему письмо и велел найти человека, знающего лесную дорогу, чтобы доставить его в поместье. Эдвин взял конверт, затем спросил, зачем снова связываться с Корвеном, если невесту ему уже отправили. Священник объяснил только, что обряд ещё не завершён. Нужно убедиться, что Изольда добралась благополучно.

— А если нет? — замялся Эдвин. — Лес большой. Она этих троп не знает, да ещё в таком тяжёлом платье. Вдруг что-то случилось?

— Именно поэтому мы и должны проверить, — сказал Олдрик, подняв глаза. — И продолжать расспрашивать о господине Мерсере. Он вёз письмо в соседний город. Если действительно уехал, позже могут возникнуть трудности.

Эдвин кивнул. У самой двери вспомнил об Агнес и спросил, следует ли держать караульных у её дома. Олдрик сказал, что теперь столько людей не нужно, при условии что Агнес останется в деревне. И отпустил старосту с письмом.

* * *

В ту ночь у поместья Корвена Торна раздался стук копыт. Посыльный в тёмном плаще вёл покрытую потом лошадь. Он ждал у железных ворот, пока Корвен не вышел из дома. Корвен

переоделся в чистую тёмную рубашку и привёл волосы в порядок. Если не считать бледности, ничто не напоминало о случившемся раньше.

— Господин Торн. — Посыльный снял шляпу и осторожно поклонился. — Отец Олдрик прислал вам письмо.

Корвен не пригласил его внутрь. Взял конверт и тут же вскрыл. Мужчина попытался передать приветствия священника по поводу невесты, но Корвен уже читал. Олдрик благодарил за приём Невесты урожая из Уичмира и объяснял, что Изольда от волнения не завершила все положенные клятвы. Он надеялся, что в поместье о ней временно позаботятся, пока она не успокоится и не сможет выполнить оставшиеся условия.

На последнем абзаце уголок рта Корвена едва заметно дёрнулся.

— Что ещё он сказал?

Посыльный помедлил. Олдрик хотел знать, жива ли невеста, не ранена ли и согласна ли остаться в поместье. Корвен посмотрел на письмо, не отвечая. Наверху скрипнула передвигаемая мебель, затем раздалось несколько слабых стуков. Посыльный поднял глаза к освещённому свечой окну. Вспомнив слухи о том, как горько плакала невеста, осторожно спросил, устроилась ли Изольда на ночь.

— Она жива, — ровно ответил Корвен, складывая письмо. — Если Олдрик хочет узнать что-нибудь ещё, пусть спрашивает меня сам.

Посыльный хотел было продолжить, но Корвен уже отвернулся. Мужчина нахлобучил шляпу и поспешил к лошади. В прихожей Корвен положил письмо на длинный стол и взглянул в сторону гостевой комнаты в конце верхнего этажа. Там по-прежнему горел свет, но дверь была крепко закрыта. Через некоторое время он услышал, как передвигают стул, затем приглушённый кашель.

Наверх он не пошёл. Лишь когда поздно ночью поместье окончательно затихло, убрал письмо Олдрика в ящик и вернулся к старым книгам, разложенным на столе.

Глава 12. Комната невесты

Когда Изольда проснулась, уже рассвело. Серый утренний свет пробивался сквозь тяжёлые занавески и ложился на резные столбики кровати, освещая пыль. На мгновение ей показалось, что она дома. Но стоило ей коснуться незнакомого постельного белья, как воспоминания о ночи нахлынули разом: страшное лицо, длинные пальцы, кровь у рта и пугающее спокойствие мужского голоса за дверью.

Она села слишком резко. Боль пронзила колено, заставив вскрикнуть и вцепиться в раму кровати, пока приступ не прошёл. Похоже, она уснула на полу, а потом, когда стало слишком холодно, как-то доползла до постели. Кресло, которое она придвинула к двери, по-прежнему стояло криво. Никто его не трогал.

Свеча у кровати догорела. На столике остались неровные потёки воска. Белое нижнее платье порвалось там, где она падала, а кровь из раны на колене оставила на простынях бледно-розовые пятна. Она сидела в оцепенении, пока живот громко не заурчал. Только тогда поняла, как давно нормально не ела. Смутившись, Изольда вздохнула и осторожно спустила ноги с кровати. Прихрамывая и опираясь на стул, добралась до умывальной.

В тазу была холодная вода, рядом лежали чистые тряпки и несколько бинтов. Были ли они здесь вчера? Она не могла вспомнить. Помедлив, вымыла руки и как могла обработала рану. В маленьком глиняном горшочке ещё оставалась мазь, которую положила Агнес. Изольда осторожно нанесла её и перевязала колено. Щипало так сильно, что на лбу выступил пот.

— Ну правда… Знала бы, что так будет, ни за что не надела бы вчера эти туфли.

Сидя на стуле, она потрогала распухшую щиколотку.

— Теперь еле хожу. А что делать, если эта тварь снова появится?

Тут же пожалела, что заговорила о чудовище, и обернулась к двери. Снаружи ни звука. Поместье стояло в такой тишине, что были слышны капли воды, падавшие в таз. После долгих сомнений Изольда решила искать еду. Нельзя же сидеть в спальне, пока не умрёшь с голоду, ещё до возвращения монстра. Она приоткрыла дверь на щёлочку. Коридор пуст.

Ковёр расправили, опрокинутый подсвечник исчез, даже грязные следы возле лестницы кто-то вытер. От этого стало не по себе. Она ведь помнила, как всё опрокидывала, как платье зацепилось за крюк под ковром. Почему теперь всё выглядело так, будто ничего не было? Изольда медленно шла вдоль стены, прислушиваясь у каждой двери. Добравшись до лестницы, наконец осмелилась посмотреть вниз. Прихожая была пуста.

Кто-то снова разжёг камин. На длинном столе стояли книги и серебряный подсвечник. У окна поставили высокое кресло. Изольда понаблюдала сверху, затем спустилась. Проходя место, где вчера упала, поискала железный крюк. Его вдавили обратно в край пола; осталась лишь неглубокая царапина. Она содрогнулась от воспоминания о ледяной руке и поспешила дальше.

Кухня находилась за прихожей. Изольда нашла её не сразу. Внутри стояли большой деревянный рабочий стол, медные кастрюли и аккуратная стойка с ножами. В шкафах обнаружились мука, сушёные бобы, овёс и прекрасно сохранённые корнеплоды. Даже банки с вареньем нашлись. Она ожидала, что кухня чудовища-людоеда будет полна чего-нибудь ужасного. Вместо этого она оказалась опрятнее её собственной.

Изольда замялась, открыла банку с овсом и понюхала. Ничего странного. Она достала маленькую кастрюльку, чтобы сварить себе завтрак. Плита отличалась от домашней. Огонь уже горел, а рядом лежали незнакомые железные приспособления. Ставя кастрюлю, она задела ручкой медный половник. Раздался громкий звон. Изольда застыла и посмотрела к двери, ужаснувшись, что шумом привлекла монстра.

В коридоре ничего не шевельнулось. Наконец она снова задышала и продолжила мешать кашу.

— Даже кашу варить — словно ворую, — пробормотала она. — Как меня сюда занесло? Агнес бы со смеху умерла, узнав, что я боюсь шуметь на кухне.

Мысль об Агнес стёрла улыбку. Изольда дотронулась до серебряной подвески у ворота и снова склонилась над кастрюлей. Когда каша сварилась, она устроилась с миской в углу кухни. Так проголодалась, что обожгла язык первой же ложкой. Сидела, дуя воздухом сквозь рот, и ругала себя за глупость. Завтрак помог собраться с мыслями.

Прошлой ночью входная дверь не поддалась. Однако Корвен говорил, что двери открываются изнутри. Она не знала, солгал ли он, а видеть ночью ту ужасную фигуру снова совершенно не хотела. Нужно поискать другие выходы и, если получится, карту. Хотя бы узнать, как далеко поместье от Уичмира. Опираясь о стену, она отправилась исследовать коридор по другую сторону прихожей.

Дом оказался ещё больше, чем она представляла. Слева располагался почти пустой банкетный зал с длинным столом под выцветшей скатертью и стульями, выставленными рядами вдоль стен. Напротив — небольшая гостиная с видом на запущенный сад. У одной стены стояло старое пыльное пианино. Изольда нажала клавишу. Звук оказался неожиданно чистым. Она испугалась и отдёрнула руку.

Дальше находился кабинет с книжными полками почти до потолка. На столе лежали карты, записные книжки и незапечатанные письма. При виде такого количества книг страх немного ослаб. Изольда с детства любила читать. Девочкой она выдумывала поручения — будто должна отнести лекарство от Агнес, — только чтобы зайти в церковь и одолжить книги у Олдрика. Потом перечитывала все доступные сказки и истории столько раз, что знала концовки наизусть.

Теперь ей страшно хотелось узнать, что стоит на этих полках. Но она вспомнила чудовищное лицо Корвена и отдёрнула протянутую руку.

— А если он терпеть не может, когда трогают его вещи? — пробормотала она.

Потом чуть не рассмеялась над собой.

— Я даже не знаю, выйду ли отсюда живой, а переживаю, что разозлю хозяина?

В конце концов она решила посмотреть только то, что лежало на столе, и не открывать ящики. На стене висел большой портрет: мужчина в тёмной парадной одежде, рядом богато украшенный меч, а за его спиной — поместье, стены которого ещё не оплёл плющ. Лицо показалось знакомым. Изольда подошла ближе и увидела серые глаза. Остановилась.

Изображённый на портрете мужчина был почти точной копией Корвена. Изольда рассмотрела латунную табличку под рамой. На ней значилась дата более чем трёхсотлетней давности. Она дважды перечитала её, коснулась края таблички, словно проверяя, не ошиблась ли, и медленно отступила.

— …Не может быть.

Может, семейное сходство. Агнес всегда говорила, что родственники порой наследуют особенные черты, а улыбка Изольды похожа на улыбку её родной матери. Но глаза, нос, линия челюсти совпадали почти полностью. Даже еле заметная отметина возле правой брови была такой же. Тревога усилилась. Наконец она заставила себя отвернуться и поискала карту.

На столе лежал план окрестных земель. Были отмечены тропы к северному и западному лесу и несколько заброшенных строений. Забрать карту Изольда не осмелилась. Запомнила расположение мест и огрызком карандаша переписала несколько названий на свой листок. В кармане оставался набросок морского берега, который дала Элеонора. Достав его, Изольда увидела нарисованный маяк.

Всего несколько недель назад она стояла в обеденном зале постоялого двора и с восторгом расспрашивала Элеонору, насколько огромно море. Теперь казалось, что с тех пор прошла целая жизнь. Она ещё переписывала названия с карты, когда от двери раздался голос:

— Что ты делаешь?

Изольда едва не выронила карандаш. В дверях стоял Корвен. На нём была чистая тёмная рубашка, волосы свободно собраны на затылке. В одной руке — нераспечатанное письмо. Сейчас он снова выглядел человеком. Пальцы были совершенно обычными. Но серые глаза тут же напомнили ей о кровавом существе прошлой ночью.

— Я… я искала карту. — Она отступила на шаг, путаясь в словах. — Я не открывала ваши ящики и не брала книг. Только хотела выяснить, как вернуться в деревню. Если вы против, чтобы я заходила в кабинет, я немедленно уйду.

Корвен посмотрел на бумагу на столе, потом на её перевязанное колено. Вместо упрёка он положил письмо, подошёл к полке и взял небольшой свёрнутый план. Разложил его на столе и повернулся к выходу. Изольда уставилась вслед.

— П-подождите… Это… мне?

— На карте показана дорога к деревне.

Она посмотрела на него и тихо поблагодарила. Корвен не ответил. Уже направлялся к двери. Изольде хотелось спросить о стольком, что она не могла решить, с чего начать. Наконец выдавила:

— Господин Торн, вчера вы сказали, что лучше дождаться утра, прежде чем решать, уходить ли мне. Ну вот, уже утро. Можно… можно вас кое о чём спросить?

Он остановился и оглянулся. Изольда стиснула листок. Голос был совсем тихим.

— Если я захочу вернуться в Уичмир, вы рассердитесь?

Корвен так долго смотрел на неё, что она уже приготовилась к отказу. Потом ровно сказал:

— Дверь вон там.

Она осталась стоять, пока он уходил. Лишь спустя мгновение до неё дошло, что, возможно, он и правда позволяет ей уйти. Изольда поспешила к двери кабинета и крикнула вслед в коридор:

— Подождите! Вы серьёзно? Я действительно могу уйти? Вы не пошлёте никого, чтобы меня вернуть?

Ответ спокойно донёсся издали:

— Как пожелаешь.

Изольда долго стояла в дверях, переводя взгляд с карты на пустой коридор. После случившегося понять Корвена стало ещё труднее.

Глава 13. Хочешь уйти — уходи

Изольда была уверена, что Корвен рассердится, когда она попросит разрешения уйти. С тех пор как её отправили в лес, все звали её Невестой урожая. Для неё сшили платье, провели обряд и оставили одну в его поместье. Завершился брак или нет, Корвен наверняка понимал, зачем её привели.

Она даже собиралась предложить помощь по дому. Может, остаться служанкой, заработать немного денег и тогда попросить его помочь ей вернуться домой. Несколько раз мысленно репетировала такой разговор. Но и представить не могла, что он даже не попробует её остановить. Изольда долго стояла у кабинета, потом свернула карту. Она никак не могла поверить, что он так легко её отпустил, поэтому пошла следом по коридору и нашла Корвена у лестницы, выходившей в прихожую.

Он стоял у окна и читал письмо. Обернулся лишь тогда, когда она окликнула его.

— Господин Торн, я хотела бы уточнить кое-что, — сказала она, придерживаясь за перила и стараясь успокоить голос. — Когда вы сказали, что я могу уйти, вы действительно разрешили покинуть поместье? Я могу вернуться в Уичмир или поехать куда-то ещё, и вы не будете против?

— Угу.

Изольда ждала объяснений. Их не последовало.

— Но священник отправил меня к вам как невесту. Заставил пройти всю церемонию, они даже платье сшили. Вам и правда не нужно, чтобы я осталась? А если он потом спросит? Что мне ему сказать?

Корвен сложил письмо и поднял глаза.

— Это забота Олдрика. Хочешь домой — иди домой.

Изольда не сразу нашлась с ответом. Ей хотелось попросить его проводить хотя бы часть пути, но вспомнилось страшное существо прошлой ночью. Посмотрев на его руки, снова обретшие обычную форму, она проглотила просьбу. Корвен тоже не собирался продолжать разговор. Он раскрыл письмо и направился к маленькой гостиной внизу.

Изольда проводила его взглядом и негромко поблагодарила. Вернувшись к себе, она всерьёз принялась собираться. Свадебное платье было чересчур тяжёлым, а во время падения юбки сильно порвались. Чистить и зашивать его времени не было. Она порылась в шкафу и нашла старую рубашку. Ткань жёсткая, фасон безнадёжно устаревший, плечи и рукава слишком широкие и длинные.

Изольда подвернула манжеты, перехватила рубашку поясом от свадебного платья и с тяжёлым вздохом оглядела себя.

— Боже правый. Если так выйду на улицу, все решат, что я украла мужскую одежду.

Она долго возилась перед зеркалом, пока наряд не стал выглядеть чуть менее нелепо. Под рубашкой оставалось длинное белое нижнее платье, поверх плеч легла тёмная шаль. С обувью было хуже. У неё осталась лишь одна свадебная туфля, а прошлой ночью беготня босиком изрезала ступни. Перерыв спальню и соседнюю кладовку, она нашла под шкафом старые кожаные сапоги. Явно слишком большие. Даже набив внутрь сложенную ткань, ноги болтались, но это всё же лучше, чем босиком.

Когда Изольда завязывала шнурки, внизу открылась дверь и раздался металлический звон. Она замерла и прислушалась. Звук шёл из-за кухни. Хотелось не обращать внимания, но в дорогу понадобятся вода и еда. Наконец она, прихрамывая, спустилась вниз. Корвен только что вошёл через заднюю дверь. В руках он нёс туго завязанный мешок с добычей.

Сквозь ткань проступали тёмные пятна. Увидев их, Изольда невольно отступила. Корвен на неё не взглянул. Положил мешок на каменную столешницу возле кухни и вымыл руки. Она

стояла у двери, желая сбежать, но не в силах отвести глаз. Затем заметила в отверстии мешка серо-коричневый мех и немного расслабилась. Может, кролик.

Когда Корвен закончил мыть руки, он поднял голову.

— Тебе что-то нужно?

Изольда слишком поспешно покачала головой, потом вспомнила, что собиралась уходить.

— Я хотела взять немного хлеба и воды. Вчера я заблудилась в лесу, и если снова поверну не туда, добираться до деревни придётся целую вечность. Можно взять что-нибудь с кухни? Я верну деньги, когда они у меня появятся.

Корвен бросил взгляд на полки и велел брать, что нужно. Она ожидала отказа. Его безразличие почему-то смущало. Изольда взяла два куска ржаного хлеба и наполнила маленькую флягу. Несколько раз едва не спросила, не слишком ли много берёт. Корвен на неё не смотрел, занимался добычей у столешницы. Она старалась держаться подальше.

Почти дойдя до кухонной двери, остановилась.

— Господин Торн…

Он поднял глаза. Помедлив, она спросила:

— Та тварь вчера ночью… которая гналась за мной по коридору. Вы знаете, где она сейчас? Если я сегодня выйду, могу с ней столкнуться? Понимаю, глупо звучит, но мне очень страшно. Я думала, она меня съест.

Руки Корвена на мгновение замерли. Изольда заметила, как медленно сжались его пальцы, и тут же пожалела о вопросе. Она вспомнила серые глаза на лице чудовища и то, как мужчина за дверью говорил, что «сейчас» не собирается её есть. Но вслух произнести свои подозрения не могла. Ждала хоть какого-нибудь успокаивающего ответа.

— Днём обычно безопаснее, — наконец сказал Корвен. — Но если забредёшь туда, где никогда не бывала, я не знаю, что тебе встретится.

Она нахмурилась.

— Но ведь в лесу есть тропы. Они отмечены на карте, которую вы дали. Или они тоже опасны?

— То, что тропа существует, ещё не значит, что ты дойдёшь до её конца.

От этих слов яснее не стало.

— Тогда вы не можете подсказать, какая безопаснее? Я только хочу домой. Не собираюсь причинять неприятности.

Корвен отложил то, что держал в руках, и разложил на столе меньшую карту. Показал старую тропу к востоку от поместья, которая вела к каменным воротам. Она проходила мимо ручья и заброшенной каменной беседки. Если держаться её, до темноты можно добраться до ворот. Изольда внимательно изучила маршрут и заставила его повторить, с какой стороны — слева или справа — должна оказаться беседка.

— А что будет у каменных ворот? — спросила она. — Вы не знаете, деревенские их охраняют?

— Ты вошла через них.

— Знаю, но они заперли их за мной. Если ворота всё ещё закрыты, меня наверняка услышат, если я начну звать с другой стороны. Эдвин часто их проверяет. Подожду, пока он придёт и впустит меня обратно.

Корвен не стал возражать. Подвинул ей карту. Изольда тщательно запомнила дорогу и свернула лист, чтобы вернуть. Но он дал понять, что карту можно оставить себе. Она искренне поблагодарила, взяла еду и вышла с кухни. К полудню всё было готово.

Изольда несла узел из старой ткани, на ней болтались неподходящие рубашка и сапоги, а в руке была короткая деревянная палка, найденная в саду. Раньше она поддерживала цветочную решётку. Изольда решила, что ею можно раздвигать траву и, если нападёт зверь, хотя

бы попробовать отбиться. В прихожей она проверила все свои вещи: записная книжка Агнес, серебряная подвеска, красная нить — всё на месте.

Затем глубоко вдохнула и подошла к входной двери. В этот момент из кабинета вышел Корвен. Изольда остановилась и крепче прижала узел к себе.

— Эм… Я ухожу.

Корвен посмотрел на неё. Взгляд ненадолго задержался на огромных сапогах, затем он пошёл к лестнице. Изольда в изумлении ждала. Он даже не собирался её останавливать. Она так боялась, что её удержат силой, но теперь, когда можно уйти, не верилось, что всё настолько просто.

— Вы точно не рассердитесь? — снова спросила она. — Деревенские, наверное, наговорили вам всякого про свадьбу, но они сами всё устроили. Я никогда не соглашалась оставаться. Если встретите отца Олдрика, объясните ему, пожалуйста, что я не хотела доставить вам неприятности.

Корвен остановился.

— Изольда.

Она резко подняла голову.

— Что?

— Хочешь уйти — уходи.

От его спокойствия она растерялась. Изольда кивнула, взялась за ручку входной двери. Днём та поддалась без труда. Солнечный свет ложился на каменные плиты, ветер шевелил верхушки далёких деревьев. При дневном свете сад выглядел совсем не таким, как в ночном кошмаре. Изольда переступила порог и оглянулась. Корвен уже поднимался по лестнице, даже не обернувшись.

Она ещё несколько секунд постояла в дверях, затем закрыла створку и пошла по садовой дорожке. У железной ограды оглянулась на окна верхнего этажа. Там никого не было. Она понятия не имела, что думает этот человек. И расспрашивать уже некогда. Сжимая деревянную палку, Изольда вошла в лес по маршруту, отмеченному на карте.

Глава 14. Дорога через лес

Только покинув поместье, Изольда поняла, что даже днём здесь легко заблудиться. Солнечные лучи пробивались сквозь густую крону, ложась на толстый слой опавших листьев. Кое-где ещё стояли лужи после дождя.

Одолженные сапоги были такими большими, что приходилось постоянно останавливаться и подтягивать шнурки. Повреждённая правая щиколотка ныла. На карте дороги выглядели понятными, но под деревьями многие развилки скрывались в траве, а ручей, к которому она рассчитывала выйти, всё не появлялся. Изольда проверяла положение солнца и держалась наиболее заметных колей. Поначалу настроение было неплохим.

Корвен по крайней мере за ней не пошёл, а поместье осталось далеко позади. Она представляла, как покажет Агнес свой нелепый наряд, сварит горячего супа и проспит много часов подряд. Если Томаса уже освободили, он наверняка скажет, что она похожа на воровку, укравшую одежду плотника. Элеонора как-то обещала сводить её за настоящими походными ботинками, если Изольда приедет в город.

При этой мысли она улыбнулась, а потом вдруг захотелось плакать. Почти через час до неё наконец донёсся шум воды. Мелкий ручей вился между деревьями, по поверхности плыли пожелтевшие листья. На берегу лежали плоские камни, на которых когда-то, должно быть, отдыхали путники. Она сверилась с картой и убедилась, что всё ещё идёт верно. С облегчением присела, сняла сапоги, чтобы осмотреть щиколотку, и попила воды.

Кожу на правой пятке натёрло до крови, на носке осталось красное пятно. Она медленно обмотала ногу бинтом, морщась от боли, вновь натянула сапог и уже завязывала шнурки, когда рядом послышался голос:

— Ох, милочка, что же ты здесь совсем одна делаешь?

Изольда резко подняла голову. На противоположном берегу стояла пожилая женщина с корзиной. На ней были серо-коричневое платье и тёмный платок. В корзине лежали зелень и грибы. Она ничем не отличалась от женщин, которые собирали травы на холмах возле Уичмира. Увидев, как Изольда вздрогнула, незнакомка улыбнулась и помахала рукой. Сказала, что просто проходит мимо и ничего плохого не хочет.

Сперва Изольда обрадовалась встрече с человеком, выглядевшим совершенно обычным. Но Агнес предупреждала, что некоторые существа умеют подражать человеческим голосам. Поэтому девушка осталась на своём берегу и осторожно поздоровалась.

— Здравствуйте… Простите за беспокойство, эта тропа ведёт в Уичмир? Я пришла с востока и иду уже очень давно. Не слишком хорошо знаю дорогу.

Женщина переложила корзину и окинула Изольду улыбчивым взглядом.

— Уичмир? Конечно знаю. А чего ты так странно одета, девочка? Сапоги-то на несколько размеров больше. Попала в неприятность в лесу?

Изольда смущённо оглядела свою одежду и объяснила, что уходила в спешке, а ничего подходящего под рукой не оказалось. Женщину это, кажется, позабавило. Незнакомка присела на камень у воды и спросила, чья она дочь и почему прежде её не встречала. Изольда замялась, не желая называть своё имя. В Уичмире все знали, что нынешнюю невесту отправили в лес. Если незнакомка знакома с кем-нибудь в деревне, она может сообщить Эдвину, где находится Изольда.

Она сказала лишь, что хочет домой, уже несколько раз сворачивала не туда и будет благодарна, если ей подскажут более простой путь.

— Тогда иди вниз по ручью, — весело ответила женщина. — Миновав старую каменную беседку, увидишь дорогу в деревню. Только ходишь ты медленно, милая. Боюсь, до темноты

не доберёшься. Может, ко мне зайдёшь отдохнуть? Я рядом живу. Поешь, а после обеда продолжишь.

Изольда поспешно покачала головой. У неё есть вода и еда, она не хочет никого обременять. Незнакомка выглядела разочарованной, но всё же советовала передохнуть. Девушке опасно бродить по лесу в одиночку, тем более раненой. Изольда напряглась и опустила взгляд на щиколотку. Рану закрывали носок и сапог. С другого берега её вряд ли можно было увидеть.

— Откуда вы знаете, что я ранена? — спросила она, стараясь говорить непринуждённо. — Просто сапоги велики. Поэтому я медленно иду.

Старушка хихикнула.

— Да ведь видно, когда девочка хромает. Не хочешь ко мне — посиди хоть тут, отдохни. А где ты ночевала? Далеко отсюда? В той стороне ведь есть огромный дом, верно?

Сердце Изольды дёрнулось. Она ни словом не упоминала поместье.

— Я… не совсем уверена, — проговорила она, поднимаясь с палкой. — Спасибо за дорогу. Мне лучше идти, семья будет волноваться, если задержусь.

Женщина слегка прищурилась.

— Твоя семья… Должно быть, они очень по тебе скучают.

Изольда натянуто улыбнулась и закинула узел на плечо. Пошла вдоль ручья, стараясь именно идти, а не бежать. Женщина больше ничего не сказала. От этого почему-то стало ещё тревожнее. Когда Изольда наконец оглянулась, камень на противоположном берегу был пуст. Исчезла и корзина с зеленью. Только ручей всё так же спокойно журчал.

Она какое-то время смотрела на пустой берег, затем решила не возвращаться. Идя по совету незнакомки вниз по течению, не могла перестать думать о странных вопросах. Почему та так интересовалась, откуда пришла Изольда и где ночевала? Зачем звала к себе девушку, которую видит впервые? В памяти всплыло предупреждение Корвена. Может, она слишком поспешно ушла из поместья.

Но тут она представила его окровавленные руки и яростно покачала головой. Какие бы опасности ни ждали в лесу, ещё одну ночь под крышей с чудовищем она проводить не собиралась. После полудня Изольда нашла беседку с карты. Половина крыши обвалилась, колонны покрылись мхом, внутри валялись сухие ветки и птичьи перья. Мимо проходила явно используемая тропа. Вдоль неё стояли несколько очень старых указателей. На одном ещё читалось слово «Уичмир», хотя стрелка почти стёрлась.

— Я почти дошла… — Изольда дотронулась до букв. От счастья ей хотелось плакать. — Агнес, я уже почти дома. Только дождись меня. Скоро приду…

Она ускорила шаг. Вскоре среди деревьев раздалось пение. Знакомая мелодия урожайной песни, которую жители исполняли на празднике. Детские голоса, мягкие удары старушечьего барабана. «Золотеет пшеница, высоко веет ветер…» Глаза Изольды оживились.

— Кто-то из деревни?

Она поспешила на песню, ожидая, что за следующими деревьями покажутся дома. Но пение всё отдалялось, словно певцы уходили глубже в лес. Изольда остановилась и проверила карту. Она уже свернула с тропы к воротам.

— Эй! — крикнула она в сторону голосов. — Я Изольда, из Уичмира! Я заблудилась! Помогите!

Пение резко оборвалось. Изольда насторожённо ждала. И та же мелодия зазвучала снова, гораздо ближе. «Не оборачивайся, назад не смотри…» По спине пробежал холод. Она помнила, как пела эти строки в детстве, нарочно растягивая последнюю, чтобы насмешить взрослых. Но сейчас в голосах не было радости. Казалось, невидимые люди раз за разом репетируют одну песню в густых зарослях.

Изольда отвернулась. Сперва шла быстро. Но когда за спиной снова послышалось напевание, перестала притворяться спокойной и побежала по прежней тропе, крепко сжимая палку.

Она не оборачивалась и больше ни на что не отзывалась. Лишь когда в груди заболело, а щиколотка была готова подломиться, остановилась у дерева перевести дух.

Постепенно лес затих. Посмотрев на карту, она решила, что до ворот осталось недалеко. Между деревьями ещё было светло. Если не свернёт, возможно, успеет до темноты. Вытерла лоб рукавом и уже собралась идти дальше, когда увидела на кусте полоску коричневой кожи. Сначала подумала, что кто-то потерял старую сумку. Но вблизи оказалось: оборванный ремешок с маленькой металлической пряжкой. От дождей кожа затвердела, а листья рядом покрывали тёмные засохшие пятна.

Изольда вспомнила сумку для фотоаппарата, которую Сэмюэл всегда носил с собой. Потрогала пряжку. Она казалась знакомой, хотя уверенности не было. Помедлив, девушка убрала её в узел. Если вещь принадлежала Сэмюэлу, Артур с Элеонорой могут узнать. Она едва поднялась, когда где-то вдали крикнула птица, а под чьей-то ногой хрустнула ветка.

Изольда резко обернулась. Кругом темнели деревья. Смеркалось. Задерживаться она не решилась. Опираясь на палку, поспешила к воротам.

Глава 15. Люди по ту сторону ворот

Когда впереди наконец показались каменные ворота Уичмира, солнце почти скрылось за верхушками деревьев. Поначалу она не поверила своим глазам. Но вот два покрытых плющом столба с выветренной резьбой, низкая каменная стена рядом — точь-в-точь как в день свадьбы. Она смотрела, пока не узнала трещину, знакомую с детства.

Значит, домой она всё-таки добралась. Забыв о больной щиколотке, Изольда побежала. Огромные сапоги хлопали на ногах. Она едва не споткнулась о корень, ухватилась за столб, задыхаясь, и рассмеялась.

— Я здесь… Я правда дошла!

Она толкнула железные ворота. Не поддались. Толкнула сильнее и увидела огромный замок посередине и новую цепь, обмотанную вокруг створок. Тот самый замок, который Эдвин повесил в свадебный день. Цепь была так натянута, что между прутьями не пролезть. Стена высокая, скользкая, а сверху острые железные шипы. Перебраться не получится.

Изольда постояла, затем заглянула сквозь решётку в сторону деревни. Вдалеке виднелись крыши домов и высокий церковный шпиль. Знакомая колокольня и каменные переулки, среди которых прошли все двадцать четыре года её жизни, спокойно лежали по другую сторону. Глаза наполнились слезами. Но надежда ещё оставалась. Ворота запер Эдвин. Если кто-то придёт с ключом, она сможет вернуться.

Изольда положила палку, схватилась за прутья и крикнула:

— Эй! Кто-нибудь здесь есть? Это Изольда! Пожалуйста, откройте мне ворота!

Голос разнёсся по дороге и растворился среди деревьев. Никто не ответил. Она позвала ещё несколько раз. В это время жители с восточной окраины часто гоняли овец возле леса. Если подождать, можно увидеть фонарь. И действительно, вскоре на дороге показался огонёк. Приближался пожилой мужчина в сером пальто. На плече он нёс связку свежесрезанных веток.

Изольда узнала его сразу. Он ухаживал за деревенскими плодовыми деревьями и когда-то угощал её спелыми яблоками. Она замахала обеими руками. От облегчения по щекам побежали слёзы.

— Господин! Сюда! Пожалуйста, подойдите! Ворота заперты, я не могу войти!

Мужчина остановился и поднял фонарь. Изольда придвинулась к решётке и объяснила, что несколько часов шла по лесу, повредила ногу и больше не в силах искать обход. Агнес живёт на восточной стороне деревни. Если он откроет ворота, она будет очень благодарна. Мужчина сначала сделал шаг к ней, но, услышав имя, замер.

— …Изольда?

— Да, это я! — Она так радостно кивала, что почти смеялась. — Не узнаёте? Я только переоделась, волосы растрепались. Понимаю, выгляжу странно, но это правда я. Пожалуйста, откройте. Я совсем измучилась.

На лице мужчины отразился испуг. Фонарь качнулся. Мужчина сделал два шага назад. Изольда перестала улыбаться.

— Что случилось?

Ответа не было. Он смотрел на слишком большую рубашку, запачканное грязью нижнее платье и красную нитку на её запястье. Наконец тихо спросил:

— Как ты вернулась?

Изольда моргнула.

— Что? Ну как — пришла. Это мой дом. Я провела ночь в лесу, это было ужасно. Я не могла там остаться. Пожалуйста, расспрашивайте потом. Откройте. У меня ноги кровоточат. Я больше не могу идти.

Мужчина оставался в нескольких шагах. От страха он побледнел.

— Кто отправил тебя обратно?

Изольда нахмурилась. Внутри шевельнулось страшное подозрение.

— Никто меня не отправлял. Я пришла сама. Почему все спрашивают об этом? Мне что, нужно чьё-то разрешение, чтобы вернуться домой?

Мужчина покачал головой.

— Тебя уже отдали лесу.

— Знаю! — воскликнула она. — Но я не хочу там оставаться! Человек в поместье не говорил, что я обязана. Он сам сказал, что могу уйти. Если он не против, почему вы не открываете ворота?

Упоминание хозяина поместья напугало мужчину ещё сильнее. Он открыл рот, словно собираясь спросить о чём-то, посмотрел на замок и снова отступил.

— Стой там. Не подходи ближе.

Изольда уставилась на него, не веря услышанному.

— Что значит? Я же и так за воротами! Вы что, не видите? Мне сквозь них не пролезть. Как я могу подойти ближе?

Мужчина не стал отвечать и поспешно направился к деревне. Изольда вцепилась в прутья и кричала вслед, спрашивая, пошёл ли он за ключом и сколько ей ждать. Он не обернулся. За поворотом побежал, фонарь прыгал в сумерках, затем исчез. Изольда долго стояла у ворот. Она убеждала себя, что мужчина просто испугался неожиданного появления. Возможно, побежал за Эдвином. Или решил, что в лесу с ней что-то случилось, и хотел вызвать священника.

Одежда у неё такая грязная, что сама себя едва узнаёт. Вот придёт староста с ключом, она всё объяснит. Потом увидит Агнес, найдёт Томаса и подумает, что делать дальше. Держась за эту надежду, она ждала. С заходом солнца присела у столба и откусила немного хлеба. Голод был зверский, но думать ни о чём, кроме лица старика, не получалось.

Он смотрел на неё так, словно она вообще не должна находиться в деревне. Наконец на дороге послышались шаги. Изольда вскочила. Приближались двое мужчин. Один нёс фонарь, другой был в тёмном пальто деревенского караульного. Они остановились шагах в десяти от ворот и негромко переговорили. Затем мужчина с фонарём окликнул её, спрашивая, Изольда ли она Марлоу.

— Да! — закричала она. — Вы пришли впустить меня? Спасибо! Я так долго ждала, у меня щиколотка ужасно болит. Пожалуйста, побыстрее!

Они даже не двинулись к замку. Караульный подошёл чуть ближе, но всё равно держался на расстоянии. Откуда она пришла? Когда покинула поместье? Встречала ли кого-нибудь в лесу? Изольда начала сердиться, но объяснила, что ночевала в поместье Корвена Торна, а в полдень ушла. Шла по карте, встретила лишь старушку с корзиной.

Мужчины быстро переглянулись.

— Старушку?

— Да, очень пожилую. С корзиной. Кажется, она грибы собирала. А что? Вы её знаете?

Вместо ответа караульный спросил, сопровождал ли её Корвен, передавал ли что-нибудь или просил что-нибудь сказать деревенским. Изольда раздражённо ответила, что он вовсе не провожал. Просто разрешил уйти и вернулся к своим делам. Ничего она не крала, а карту Корвен дал ей сам.

— Значит, он тебя не привёл?

— Нет! — взорвалась она. — Я уже несколько раз сказала! Ему всё равно, куда я пойду. Я пришла сюда сама. Сколько можно меня допрашивать? Почти темно. Я просто хочу увидеть Агнес. Теперь даже это запрещено?

Мужчины снова обменялись взглядами. Один что-то пробормотал и пошёл обратно в деревню. У оставшегося ключа не было. Он велел Изольде ждать у ворот, пока они не приведут

Эдвина. Когда староста придёт, всё решится. От мысли о новом ожидании ей едва не захотелось снова расплакаться.

— Почему всё нужно решать через Эдвина? Я просто хочу домой! Вы же раньше покупали лекарства у Агнес. Разве вы меня не узнаёте? Я ничего плохого не сделала. Пожалуйста, откройте ворота.

Мужчина уставился на фонарь. Изольда знала его. Много лет назад он порезал руку, рубя дрова. Агнес перевязывала рану, а Изольда принесла чай. Теперь он даже не смотрел на неё. После долгой паузы она спросила:

— Вы ведь на самом деле не собираетесь меня впускать, правда?

Его пальцы крепче сжали ручку фонаря.

— Ну что ты, девочка, не говори такого. Нам надо соблюдать правила.

— Какие правила?

Он промолчал. Изольда горько усмехнулась, по щекам потекли слёзы.

— Опять правила. Все только это и говорят. Я хотела вернуться домой, поесть и узнать, поправилась ли Агнес. Для этого тоже нужно разрешение священника?

Наконец мужчина повторил, что надо дождаться людей старосты. Он отошёл к дереву чуть дальше по дороге, повесил фонарь на ветку и сел, больше не разговаривая с Изольдой. Она опустилась на землю у каменного столба. В деревне одно за другим зажигались окна. Виднелся церковный шпиль, слабо доносился колокольный звон. Но добраться до них она не могла.

Щиколотка распухла ещё сильнее; даже огромный сапог стал тесен. Изольда ослабила шнурки и в последних лучах света нанесла мазь. Она собиралась ждать Эдвина. Но вскоре после темноты из-за деревьев за спиной раздалось пение. Сначала обрывочное напевание, затем знакомая песня урожая. Изольда резко подняла голову. Звуки шли с лесной тропы, по которой она пришла. Они казались близкими, словно люди пробираются через подлесок, тихо смеясь между куплетами.

«Золотеет пшеница, высоко веет ветер…» По спине разлился холод. Она схватилась за прутья и крикнула в сторону деревни:

— Эй! В лесу кто-то поёт! Вы слышите?

Караульный под деревом поднял голову. Кажется, он тоже услышал. Лицо напряглось. Он быстро встал, снял фонарь и направился обратно к деревне. Изольда решила, что он идёт помогать. Но он повернулся прочь.

— Подождите! Куда вы? — закричала она. — Не оставляйте меня! Я всё ещё здесь! А если кто-то придёт?

Мужчина ненадолго остановился и оглянулся.

— Отойди подальше от деревьев.

— Но ворота закрыты, я не могу пройти!

Ответа не было. Она смотрела, как его фонарь отдаляется, пока не исчез на дороге. Кричала вслед, пока не заболело горло. Потом поняла, что он не вернётся. Пение за спиной приблизилось. Изольда повернулась к чёрным силуэтам деревьев. Не было видно ни огоньков, ни людей, но песня продолжалась. Иногда звучала как детские голоса, иногда как напевание старухи. Под мелодией угадывался ритм барабана.

Изольда сжала палку. Ладони стали мокрыми от пота. Она вспомнила старушку у ручья. Незнакомка выглядела самой обычной, но задавала странные вопросы. Теперь Изольда уже не понимала, кого могла встретить в лесу. Она пошла вдоль стены, ища место, где можно перелезть. Стена была выше, чем казалась, сверху торчали ржавые шипы. С повреждённой щиколоткой не взобраться.

За другим концом стены начинался крутой склон, весь переплетённый корнями. Стоит ступить — покатишься вниз. После нескольких попыток она вернулась к воротам с новыми ссадинами на ладонях.

— Господи… — выдохнула она, опираясь о стену, задыхаясь и плача. — Почему вы так со мной поступаете? Я ведь весь путь прошла. Остались одни дурацкие ворота! Вам что, так трудно их открыть?

В отчаянии пнула стену и тут же вскрикнула:

— Ай! Больно!

От боли едва не упала. Села на землю, растирая ступню и плача, уже жалея, что вздумала пинать что-то больной ногой. Если придёт опасность, она, может, вообще не сможет бежать. Так и просидела, пока не выплакалась, затем сделала несколько глотков воды. Со стороны деревни больше не светилось ни одного фонаря. Похоже, все разошлись по домам.

Изольда смотрела на знакомые освещённые окна и думала об Агнес. Может, та сидит у огня и ждёт возвращения дочери? Отпустили ли Томаса? Если бы только перелезть через стену, через несколько минут она была бы рядом с ними. Но темнота сгущалась, а пение среди деревьев не стихало. Наконец она решила найти укрытие от ночного ветра.

Следуя вдоль стены, Изольда обнаружила разрушенный каменный сарай. Половина крыши обвалилась, внутри валялись сухие ветви и старые доски. Земля была сырой, но три стены защищали от ветра. Она осторожно проверила, нет ли животных, пробралась внутрь и положила узел в угол. Палкой отодвинула траву у входа. Подумала развести костёр и поняла, что зажечь его нечем. На кухне поместья было полно свечей и спичек, а она перед уходом догадалась взять только хлеб и воду.

Сердясь на себя, Изольда перерыла узел, повесила у входа один из травяных оберегов Агнес и при остатках дневного света раскрыла старую записную книжку. Агнес учила никогда не отвечать незнакомым голосам. Если нельзя убежать, нужно сделать простой барьер из соли и трав и сидеть как можно тише. Изольда нашла нужное место и достала маленький пакетик соли.

Дрожа от холода и страха, она насыпала тонкую линию поперёк входа. Немного соли просыпалось прямо на сапоги. Затем она забралась в угол и плотнее закуталась в шаль. Вдали снова зазвонили колокола Уичмира. Изольда считала до тринадцатого удара. Потом мир затих. Она обняла колени и смотрела в сгущающуюся тьму, всё ещё надеясь, что Эдвин пошлёт за ней кого-нибудь или хотя бы пустит переночевать в деревне.

Никто не пришёл. Только ветер шевелил сухие ветки. Становилось холоднее. Изольда болезненно переменила положение. Колено и щиколотка ныли как ни сядь. Она проголодалась, но боялась шуметь. Поэтому откусила немного хлеба, остальное аккуратно завернула на утро. На середине куска снаружи раздались шаги. Что-то медленно двигалось вдоль стены, прошло мимо старого дерева и остановилось.

Изольда задержала дыхание и сжала палку. Из ночи донёсся очень мягкий голос:

— Милочка… Что же ты тут сидишь совсем одна?

Изольда крепче стиснула дерево. Она узнала этот голос. Так говорила старушка у ручья. Изольда прикусила губу и не ответила. Шаги приблизились и замерли возле сарая. В слабом лунном свете по земле тянулась длинная тень, но самого человека, отбрасывавшего её, видно не было. Изольда глубже спрятала ноги под шаль, чтобы сапоги не скребли по камням.

— Ах, вот куда ты спряталась, — сказала женщина и тихонько хихикнула. — Разве я не приглашала тебя сегодня к себе? А ты посмотри на себя. Уже темно, а ночевать негде. Выходи, дорогая. Отведу в тепло, накормлю как следует.

На глаза Изольды навернулись слёзы. Она продолжала молчать, поглядывая на узел красной нити у входа. Тот слегка шевельнулся. Может, от ветра. Голос становился ещё ласковее, словно пожилая женщина терпеливо беспокоится о заблудившемся ребёнке.

— Как тебя звали? Изольда, верно? Какое красивое имя. Мама, должно быть, ужасно скучает. Ну пойдём. Я знаю дорогу домой.

Изольда закрыла рот ладонью. Слёзы стекали между пальцами. Она хотела домой. Больше всего на свете хотела домой. Но голос всё ещё доносился из-за разрушенной стены и никак не смолкал. Изольда прижалась спиной к холодному камню и сжала палку, стараясь плакать беззвучно. Она уже не знала, который час, куда идти на рассвете и почему все люди, которых она знала с детства, отказались отпереть ворота.

Нащупав под воротником серебряную подвеску, она крепко зажала её в ладони и вспомнила защитные слова, которым учила Агнес. Несколько раз сбилась — так сильно дрожала. Наконец сумела произнести верно. Красная нить шевельнулась. Снаружи, кажется, остановились шаги. Изольда не поднимала головы и продолжала шептать. Колено пульсировало болью, подвеска отпечаталась на ладони.

Вскоре за воротами что-то стукнуло о землю — похоже, поставили корзину. По сухим листьям приблизились шаги. Изольда вспомнила корзину старушки у ручья, полную зелени и грибов. Теперь старуха, судя по звукам, стояла прямо за входом, всего в нескольких шагах.

Глава 16. Старуха у каменного сарая

Изольда забилась в глубину полуразрушенного сарая, крепко сжимая деревянную палку, которую взяла из поместья. Она дрожала от холода. После дневного похода щиколотка распухла, сырость от каменной стены просачивалась сквозь одежду. Совсем недавно она ещё думала утром вновь попытаться пройти через деревенские ворота. Теперь снаружи появилась старуха с корзиной, и Изольда не была уверена, что вообще доживёт до утра.

— Слышишь меня, деточка? Я видела, как ты сюда забежала. Не бойся. Я живу совсем рядом, — тепло говорил голос, слегка дрожавший от возраста. — Ох, сколько же дождей у нас в последнее время! Ночами такой холод. Просидишь до утра в тонкой одежде — обязательно заболеешь.

Изольда прикусила губу и не ответила. Днём у ручья женщина выглядела совершенно обычно: серо-коричневая юбка, платок, корзина с грибами и зеленью. Но Агнес предупреждала, что лесные существа способны подражать голосам людей. Чем привычнее звучит голос, тем меньше ему следует доверять. Каким-то образом старуха отыскала её в этом отдалённом сарае и знала имя. По коже ползли мурашки.

Немного подождав, старуха снисходительно вздохнула.

— Какая упрямая девочка. Я тебе зла не желаю. Принесла несколько яблок и хлеб, оставшийся с завтрака. Хочешь? Ты сегодня так сильно хромала, должно быть, совсем выбилась из сил. Вот поставлю корзину, а ты бери, что нужно. Ну как?

Послышался шорох корзины, опускаемой на землю. Изольда посмотрела на соляную линию у входа. Она вышла неровной, ветер кое-где нарушил её. Узел красной нити висел на выступающем камне. Она понятия не имела, спасёт ли её хоть что-нибудь из этих мер. Агнес обучила только самым простым обрядам. Даже щепотку трав Изольда порой не могла заставить загореться без нескольких попыток.

Она вспомнила их кухню и то, как Агнес вздыхала, собирая разбросанные ею растения. Глаза наполнились слезами. Изольда старалась не издать ни звука.

— Я знаю, ты там, — мягче продолжила женщина. — Изольда, верно? Какое красивое имя. С первого раза запомнила. Ты из того огромного дома пришла? Я и раньше видела, как оттуда выходят люди, но большинство с чужаками разговаривать не любит. А ты так вежливо спросила у меня дорогу.

Сердце Изольды ёкнуло. Она спрашивала дорогу, но нарочно не говорила, что пришла из поместья. Ни Корвена, ни свадьбу не упоминала. А женщина знала про дом и, похоже, его обитателей. Изольда плотнее запахнула шаль и осторожно сдвинулась в сторону, не спуская глаз со входа. Нащупала узел, убедилась, что карта и вода на месте.

Если ночью не появится кто-нибудь знакомый из деревни, из укрытия она не выйдет.

— Мама, наверное, волнуется, — вдруг сказала старуха. — Так поздно, а тебя всё нет. Поссорились? Девчонки рассердятся, убегут, а утром проснутся — и уже тоскуют по маминому горячему супу.

Изольда вспомнила перевязанный лоб Агнес и их прощание со слезами у ворот. Если это действительно безобидная старушка, может, попросить передать весточку? Но деревенские даже ворота отказались открыть. Что изменится от ещё одного посыльного? Она промолчала. Женщина, похоже, никуда не торопилась. В конце концов она уселась снаружи и принялась напевать урожайную песню, которую в Уичмире пели раз в тринадцать лет.

Изольда пела её в детстве вместе с другими ребятами. Однажды так перепутала слова, что Томас дразнил её весь день. Но теперь от песни среди ночной тишины волосы вставали дыбом.

«Золотеет пшеница, высоко веет ветер,

Мимо идёт дева в белом наряде…»

Старуха пела медленно, останавливаясь перевести дух. На последней строке даже хихикнула, будто вспомнила что-то смешное. Только вместо «Оставь фонарь — амбары будут полны» она спела: «Оставь её там — амбары будут полны». Изольда вцепилась в юбку. Она не знала, почему существуют две версии. Старики иногда пользовались разными словами, объясняя, что песни меняются от семьи к семье, пока передаются из поколения в поколение.

Но сейчас Изольде показалось, будто она снова стоит у свадебных ворот и смотрит на улыбающихся людей, которые машут ей на прощание, а потом не оборачиваются на её мольбы открыть калитку.

— Госпожа… — наконец произнесла она дрожащим голосом. — Вы из Уичмира?

Пение тут же оборвалось. Немного погодя старуха рассмеялась.

— О, так ты решила со мной поговорить? А я уж думала, уснула. Уичмир? Конечно знаю. Раньше часто туда ходила. Такие гостеприимные люди, и угощения на урожай всегда замечательные. Хочешь домой вернуться?

Изольда помедлила.

— Хочу, но каменные ворота заперты. Если вы кого-нибудь там знаете, не передадите сообщение? Я Изольда Марлоу, а Агнес Марлоу — моя приёмная мать. Пожалуйста, скажите ей, что я жива и чтобы не слишком волновалась.

Женщина замолчала так надолго, что Изольда наконец выглянула к входу. Увидела лишь край серо-коричневой юбки. Незнакомка стояла вне поля зрения.

— Агнес Марлоу… — повторила старуха. Потом словно припомнила: — Слышала о ней. Травница, верно? Очень умелая, насколько помню. Она дала тебе ту красную нить на запястье, девочка?

Изольда спрятала левую руку под шаль. Когда они встретились днём, рукав закрывал запястье. Женщина словно почувствовала её тревогу и заверила, что в молодости знала людей, делавших обереги. Такие вещи для неё не в диковинку.

— Откуда… откуда вы знаете, что у меня красная нитка? — прошептала Изольда. — Я показывала её вам днём?

— Ох, сколько вопросов! — рассмеялась женщина. — Я старая, да не слепая. Когда ты останавливалась попить воды, рукава засучила, правда? Вот и увидела. Хватит себя пугать, иди поешь. Хлеб уже остывает.

Изольда не знала, чему верить. У ручья она действительно снимала сапоги и закатывала рукава. Может, старуха заметила нить. Неужели страх заставляет её подозревать даже искреннюю доброту? Если незнакомка желает зла, почему не входит? Зачем стоит и терпеливо разговаривает? Изольда смотрела на соляную черту и колебалась.

— У меня очень болит нога. Сейчас я почти не могу ходить, — наконец сказала она. — Спасибо, но я лучше отдохну здесь. Когда рассветёт, сама попробую найти дорогу.

— Как знаешь, — бодро ответила старуха. — Молодёжь всегда думает, что со всем справится сама. Не стану заставлять. Оставлю корзину. Яблоки сладкие, поешь, если голодна. Может, завтра загляну узнать, как ты.

Изольда уже начала расслабляться, когда опять послышались шаги. Они обошли сарай, миновали разрушенную стену сзади, затем прошуршали по траве к входу. Изольда сжала палку и слушала, пока звук медленно не растаял в лесу. Но даже тогда она не вышла. Она долго сидела у стены, слушая ночных птиц и шорох сухих листьев. Глаза слипались, щиколотка ныла, но уснуть крепко она боялась.

Подложила шаль за плечи, прислонила голову к камню и закрывала глаза только на короткие мгновения. Среди ночи её снова разбудил странный звук. Кто-то волок корзину по гравию. Плетёное дно тихонько скребло камешки. Изольда открыла глаза. Часть лунного света у входа оказалась заслонена. Длинная тень переместилась по земле и остановилась перед соляной чертой.

Девушка оцепенела. Снаружи кто-то будто принюхивался, склонившись низко к земле. Изольда слышала, как кровь стучит в ушах. Боясь пошевелиться, медленно сунула пальцы под воротник и сжала холодную серебряную подвеску. Присутствие задержалось. Затем кто-то засмеялся. Всё тем же старушечьим смехом — только его конец растянулся в длинный, неестественный выдох из глубины горла.

Слёзы выступили на глазах. Изольда закрыла рот ладонью, чтобы не вскрикнуть.

— Всё ещё не выходишь, дорогая?

Она покачала головой, забыв, что незнакомка её не видит. Уткнулась лицом в колени и зашептала защитные слова Агнес. От страха сперва всё перепутала. Ничего не произошло. Изольда дрожащим вздохом собралась с силами и начала снова, заставляя себя правильно произносить каждое слово. Наконец узел на запястье слегка затянулся.

Шаги сдвинулись с места. В этот раз они не остановились. Обогнули сарай и постепенно затихли вдали. Изольда слушала, пока вокруг не осталось ни звука. Когда она опустила руку, лоб был мокрым от пота, а губа прокушена до крови. Она вытерла слёзы рукавом, охваченная отчаянием.

— Агнес… — прошептала она и тут же закрыла рот, боясь, что её услышат. — Я так хочу домой…

Под утро она всё-таки уснула. Проснувшись, увидела за входом серый рассвет. Пели птицы, где-то среди деревьев слабо журчала вода. Она долго сидела в растерянности, едва веря, что пережила ночь. Первым делом проверила соль. На коротком участке линия была нарушена, но красный узел всё ещё висел на камне. Осторожно выглянула наружу. Старухи не было.

Плетёная корзина стояла в нескольких шагах. Внутри лежали три яблока, кусок хлеба в чистой ткани и ещё один туго завязанный свёрток. Яблоки свежие, кожица блестит. Изольда помедлила, присела и приподняла верхнюю ткань. Из-под неё поднялся слабый тухлый запах. Она отдёрнула руку. В свёртке лежало что-то мягкое, по поверхности проступали тёмные пятна.

Разворачивать дальше она не стала. Прикрыла корзину и отступила. Лес был пуст. У неё оставались полбуханки и немного воды. Лучше голодать, чем рисковать и есть что-либо из корзины. Обернувшись в последний раз, Изольда увидела, как невинно выглядит плетёнка в утреннем свете среди мокрых от росы листьев. Словно завтрак, оставленный доброй старушкой.

Она не желала к нему прикасаться. Собрала узел, опёрлась на палку и отправилась искать стену, ведущую к Уичмиру. Каждый шаг отдавался болью в щиколотке. Немного погодя она заметила на кусте лоскут серо-коричневой ткани, очень похожей по цвету на платье старухи. Изольда несколько секунд смотрела на него, но не тронула.

Больше всего ей хотелось убраться отсюда подальше.

Глава 17. Дом, до которого ей не добраться

Пробираться вдоль внешней стороны стены Уичмира оказалось труднее, чем Изольда предполагала. Вчера она шла по довольно ровным тропам. Теперь, пытаясь обойти запертые ворота, приходилось искать проходы прямо возле каменной кладки. У основания стены переплелись колючие лозы, в ямах собиралась дождевая вода, земля была скользкой. Она часто останавливалась. Щиколотка распухла так сильно, что сапог едва на неё налезал, больное колено ныло при каждом сгибании.

Изольда надеялась: если идти достаточно долго, найдётся обвалившийся участок стены. Но та тянулась, казалось, на много миль, местами скрываясь за густыми деревьями. У участка, где стена была ниже, она остановилась и прикинула высоту. Из стены выступали камни — возможно, хватит зацепок для ног. Она повесила узел на низкую ветку и попробовала вскарабкаться.

В детстве Изольда лазала по плодовым деревьям, несмотря на выговоры Агнес, и умела искать надёжную опору. Но теперь щиколотка была повреждена, ладони ободраны. На полпути вверх от боли её затрясло. Она попыталась переставить ногу, подошва скользнула по мху — и Изольда сорвалась вниз.

— А-а!

Она тяжело упала в листья. Колено заболело так сильно, что согнуть его было почти невозможно. Просидев долгое время, Изольда поднялась, опираясь на стену. Из свежей царапины на ладони потекла кровь. Изольда смотрела на неё сквозь слёзы и сердито пнула камешек — только снова ударила больную щиколотку.

— Ну что со мной такое… Что я делаю? — Она вытерла лицо, ругая себя. — Вчера уже пробовала, а сегодня снова. Агнес сказала бы, что я ничему не учусь.

Она перевязала ладонь, попила воды и пошла дальше. Ближе к полудню обнаружился участок, который явно обвалился. Огромные камни лежали грудой, из щелей росли лозы. Издали казалось, что перебраться через них проще простого. Изольда почти побежала туда. Но потом увидела глубокую водосточную канаву с другой стороны. На дне ещё текла дождевая вода, среди камней и поваленных брёвен. Высота была такой, что, спрыгнув с верха стены, легко сломать ногу.

Она долго шла вдоль края, но не нашла безопасного спуска. Сбросила камень, услышала, как он ударился о дно, и испуганно отпрянула. Сидя у стены, Изольда чувствовала всё большее отчаяние. За канавой виднелись поля Уичмира. Она даже узнавала несколько каменных домиков. Дом так близко. И никак не добраться. Вспомнив равнодушное лицо караульного, она подумала: может, жители с самого начала знали, что невеста, отправленная в лес, просто так обратно не выйдет?

Во второй половине дня тропа вывела её к заброшенной хижине лесоруба. Часть крыши обвалилась, дверь висела криво, рядом гнили брёвна. Изольда надеялась отдохнуть внутри и, возможно, найти полезный инструмент. Но, подойдя, заметила следы ног — не слишком старые. Сжав палку, осторожно толкнула дверь. Внутри стояли побитый стол, перевёрнутые ящики и ржавая пила. В углу валялась заплесневелая одежда. Вода, протекавшая через крышу, оставила по полу большие тёмные пятна.

Изольда подняла со стола деревянную дощечку. На обратной стороне виднелись вырезанные имена и даты; некоторым надписям было по несколько десятков лет. Ни одно имя не было ей знакомо. Зачем стольким людям понадобилось оставлять свои имена на одной и той же доске? Затем под столом нашёлся повреждённый кожаный чемодан. Застёжки были сломаны. Внутри лежали размокшие письма и билет с названием города, о котором Изольда никогда не слышала.

Большинство страниц слиплось. Только верхнее письмо ещё удавалось разобрать отчасти. Автор писал, что получатель давно не возвращался, семья за него волнуется, и умолял дать хоть какую-нибудь весточку, чтобы знать, что тот жив и здоров. Изольде стало не по себе. Она вспомнила исчезнувших гостей из записей Артура и Сэмюэла, которого до сих пор не нашли.

Если кто-то пытался выбраться из леса, почему бросил чемодан с письмами? На дне лежали сломанные карманные часы с инициалами, выгравированными внутри крышки. Буквы она не узнала. Изольда положила часы на стол и аккуратно вернула письма в чемодан. Чемодан был слишком тяжёлым, чтобы брать его с собой. Да и кто знает, принадлежал ли он пропавшему путешественнику.

Она запомнила место, чтобы рассказать Артуру, если когда-нибудь вновь его увидит. Уже собиралась уходить, когда за стеной послышались шаги. За хижиной, кажется, шло несколько человек. Через щель в двери она увидела двух мужчин, которые несли брёвна по дороге. На них были рабочие куртки, похожие на те, что носили в Уичмире. У одного — широкополая шляпа, как в плотницкой мастерской.

Изольда чуть не выбежала за помощью, но вспомнила, как деревенские отреагировали на её имя у ворот, и осталась прятаться. Мужчины обсуждали починку дорог после праздника. Один жаловался, что их заставили работать так много, что пришлось даже ночью сторожить каменные ворота. Другой велел говорить тише. Эдвин предупреждал, что возле лесной опушки неспокойно, и лучше не обсуждать невесту при посторонних.

У Изольды похолодело внутри. Она ждала, пока мужчины не уйдут, и только потом выбралась. Хотелось пойти следом и спросить дорогу, но щиколотка пульсировала болью. Изольда оставалась за дверью, пока не убедилась, что те далеко. Когда она наконец покинула хижину, опускался вечерний туман. Деревья, ещё недавно отчётливые, превратились в серые силуэты. У развилки она поняла, что больше не знает, откуда пришла.

Присев с картой Корвена, Изольда долго пыталась определить своё местоположение. Наконец нашла заброшенную беседку. На север тропа вела к поместью, а на запад — в лес, где дороги на карте уже не были отмечены. Она села у тропы и уставилась на карту. Обратно в поместье. Даже от этой мысли её передёрнуло. Там обитало настоящее чудовище-людоед. Она видела ужасное тело, чувствовала запах крови у его рта. То, что днём Корвен выглядит человеком, никак не отменяло ночного кошмара.

Она вспомнила, как умоляла о пощаде, лёжа на ковре, и ей снова стало дурно. Но оставаться в лесу было не менее страшно. Еда почти закончилась, воды осталось мало. Щиколотка распухла ещё сильнее, колено горело. Хуже того, среди деревьев вновь раздалась песня об урожае. Сначала далёкая, словно из невидимой деревни. По мере того как туман сгущался, мелодия становилась яснее, слышались даже лёгкие хлопки в ладоши.

Изольда поспешно поднялась. Второй раз идти на эту песню она не собиралась.

— Ладно… — Она вытерла лицо, посмотрела на карту и заговорила хриплым от усталости голосом. — Вернусь на одну ночь. Только одну. Завтра попробую снова. Он ведь сказал, что я могу уходить, не запирал меня… Если ночью не открою дверь, буду в безопасности. Наверное?

Она и сама понимала, как неубедительно звучит её план. Но, кроме поместья, ей негде было переночевать хотя бы в относительной безопасности. Там хотя бы есть вода, хлеб, запираемая комната и крепкие каменные стены, которые даже чудовищу не так просто разрушить. Изольда убрала карту и двинулась на север, опираясь на палку. Приходилось часто останавливаться. Туман густел, пока деревья почти не слились с небом.

Она заставляла себя идти. Наконец впереди показалась знакомая железная ограда, в нескольких окнах мерцал свечной свет. У ворот Изольда посмотрела на мрачный каменный дом. Казалось, она провела в пути несколько дней. Она уходила, уверенная, что вечером будет ужинать с Агнес. Теперь же она вернулась раненой и не знала, куда податься завтра.

Хромая, прошла по дорожке и остановилась, услышав слабый шорох в заросшем саду. Сжав палку, она вгляделась в цветочные клумбы. Оттуда выскочил тощий дикий кот с обрывком мышиного хвоста в зубах и исчез в кустах. Изольда подпрыгнула, а потом невольно рассмеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.